

Элеонора Бостан

ИНСТИНКТ
УБИЙЦЫ
Книга 1

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Элеонора Бостан

Инстинкт Убийцы. Книга 1

«Автор»

2008

Бостан Э.

Инстинкт Убийцы. Книга 1 / Э. Бостан — «Автор», 2008

Она молода, богата и свободна. У нее есть весь мир и яркая жизнь, полная захватывающих приключений. Она не знает, что такое страх и слово «невозможно». Для нее открываются все двери. Ее имя знают самые могущественные люди; одни из них мечтают обратить на себя ее внимание, другие — этого боятся. Она — мастер своего дела. Ее услуги немногим по карману, но клиенты готовы платить. Она честолюбива, умна и невероятно талантлива. Что это за талант? Убивать. Добро пожаловать в мир хищников, где против силы всегда найдется другая сила, а выживает лишь тот, на чьей стороне сама Судьба. Содержит нецензурную брань.

© Бостан Э., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Глава 1	6
1	6
2	15
3	27
4	38
5	51
1	60
2	68
3	76
4	89
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Элеонора Бостан

Инстинкт Убийцы. Книга 1

Обложка изготовлена автором книги на основе изображения, взятого из открытого источника с сайта <https://www.google.com/search?client=firefox-b-ab&q=%D0%BF%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B0+%D1%84%D0%BE%D1%82%D0%BE> и обработанного с помощью ряда программ.

ПРИМЕЧАНИЕ: Все события, персонажи и ВСЁ, что читатель найдет на страницах романа – лишь плод воображения автора. География некоторых реальных городов также изменена.

Инстинкт Убийцы.

Книга 1

Часть 1. Фатима

Глава 1

1

По пустой в это время трассе с ревом пронесся тяжелый грузовик, едва не задавив выскочившую на дорогу кошку. В предрассветной тьме его фары ярко освещали путь, заливая асфальт белым светом. На мгновение впереди мелькнул маленький черный силуэт, и водитель резко вильнул в сторону, пытаясь избежать столкновения. От маневра машину слегка занесло, но водитель сумел справиться с управлением, отчаянно крутя руль и давя на сигнал. Гудок у «Камаза» был очень громким, а в густой тишине раннего утра показался просто оглушительным. Наверняка всю округу перебудил, подумал водитель, выровняв наконец машину, проклятые кошки, вечно бросаются под колеса, видно, и впрямь думают, что у них девять жизней!

Дорога, по которой он ехал, пролежала среди густой лесополосы, хотя ближе к городу все чаще попадались аккуратные двухэтажные домики – дачи богатых людей и загородные дома среднего класса. Все они еще сладко спали в своих кроватях, и только в одном домике уже начался новый день, хотя свет не горел, а занавески на окнах были по-прежнему закрыты. Когда водитель вильнул, пытаясь сохранить кошке жизнь, фары на мгновение осветили темные окна этого дома, выходящие прямо на трассу. Яркий свет, приглушенный шторами, ворвался внутрь, выхватив из темноты сильную женскую фигуру в черной майке на бретельках и таких же черных спортивных шортах. Черные как смоль волосы свисали и закрывали лицо густыми волнистыми прядями, некоторые из которых прилипли, так как лицо было мокрым от пота – девушка отжималась. Крохотные капли заблестели на ее мускулистых руках и плечах, ведь она отжималась совсем не по-женски, без коленок и, тем более, без лавочки. Как в спорте, так и в жизни она не признавала никаких компромиссов.

Вскинув голову на сигнал, девушка подставила лицо под проникающий свет фар, и ее черные глаза ярко блеснули, совсем как у кошки, которую чуть не задавил водитель грузовика. Рев гудка заглушил ее шепот, но через секунду всё смолкло, грузовик выровнялся, и в комнате снова воцарилась темнота, в которой она продолжала шептать, ничуть не сбившись и не потеряв дыхания.

– Шестьдесят один, – выдох, вдох, – шестьдесят два, – снова выдох и вдох, – шестьдесят три.

С каждым счетом ее стройное упругое тело поднималось над полом и опускалось вновь, волосы, собранные сзади резинкой, растрепались и рассыпались по плечам, а часть упала ей на лицо, щекоча нос и мешая смотреть. Но она не остановилась, чтобы поправить прическу – если она что-то начинала, она шла до конца, не обращая внимания на трудности и неудобства. А волосы эти приносили ей немало хлопот, хотя были ее украшением и гордостью. Непокорные, как и нрав их хозяйки, они окружали ее голову пышной волнистой копной, блестящей и черной, как шелк. Мужчины просто сходили от них с ума, и она это прекрасно знала, потому и не обрезала их, хотя порой они ее страшно раздражали. Просто волосы были еще одним ее оружием, а для таких, как она, всякое оружие на счету и им нельзя разбрасываться. И правда, ее роскошные волосы не раз добывали ей пропуск туда, куда попасть было очень сложно.

У каждого своя визитная карточка, любила повторять она самой себе, но профессионал всегда должен быть вооружен разными видами оружия. А она была профессионалом, причем самым первоклассным специалистом своего дела, отнюдь не женского дела. В ее профессии женщины были скорее исключением, подтверждающим правило: опасные игры – мужские игры. Там, где речь шла о борьбе и выживании, слабому и прекрасному полу делать было нечего. Но она не признавала никаких границ и условностей и ненавидела все эти пустые раз-

говоры о разделении труда на женский и мужской, для нее существовал один мир, одна жизнь, в которой женщины и мужчины переплетались и смешивали свои краски.

Это и был настоящий мир людей, которых она презирала и сторонилась. Она давно жила одна, за невидимой стеной, которую построила еще совсем юной девочкой, она перемещалась среди людской массы, но всегда была защищена этим невидимым колпаком, она жила среди них, но они ее не видели и не знали, потому что она так хотела. И, конечно же, она не дружила с людьми, у нее не было ни одного друга, но она в них и не нуждалась, с детства она усвоила одно простое правило: нет на свете лучшего друга, чем ты сам. Да, люди предают и обманывают, завидуют и обижаются, она хорошо это знала, потому что часто работала именно с этими эмоциями. Можно сказать, в большинстве случаев негативные чувства людей и обеспечивали ее работой. Потому-то она так и презирала людей, они были для нее работой и ничем большим, а с работой не дружат и не заводят семью. Да и как она могла думать обо всех этих безликих существах с паспортами по-другому, когда день за днем видела только их темную сторону, только пороки, только недостатки?

Люди – самые гадкие существа, часто думала она, работая над очередным заказом, и я ничуть не лучше, разве что я избавляю землю от всей этой грязи, как могу. Ее профессия имела множество названий, которые менялись с течением времени, раньше таких как она называли палачами, потом убийцами, теперь же, с приходом западной моды, она стала называться киллером, но по сути сама всегда считала себя мусорщиком. А разве можно судить того, кто каждый день работает с грязью за то, что он сам в грязи?

Закончив отжиматься, девушка принялась качать пресс, все так же в полной темноте, которую уже начал понемногу разгонять рассвет. Она любила темноту, ведь темнота была ее лучшим помощником и союзником. Таким, как она, жизнь на свету была противопоказана.

Выполняя упражнения, она продолжала считать тихим шепотом, она очень строго следила за своей физической формой, ведь это тоже было ее оружием, может, даже основным. Поэтому она каждый день, несмотря на усталость и место нахождения, всегда находила время на короткую зарядку – это было железное правило, а *свои* правила она никогда не нарушала. Железная воля и негибкий характер всегда вели ее к цели, не позволяя дать слабину ни на секунду и не давая ей поблажек, и ежедневная зарядка была одним из многих не нарушаемых правил, которые она устанавливала сама для себя.

Когда она закончила, в комнате, несмотря на задернутые шторы, уже царил неприятный полумрак. Девушка подошла к окну и, приоткрыв занавеску, выглянула наружу. Уже окончательно рассвело, но низкие темные тучи не пропускали солнечные лучи, по земле стелился густой серый туман, цепляясь за кусты и маленькие деревца, трасса была абсолютно пуста – в такой час по ней проезжали только грузовики, спешащие с товарами в Ростов или из Ростова.

Как хорошо, что подвернулся этот милый домик, подумала она, любясь нетронутой красотой утра, в городе такого не увидишь. Она уже бывала в этом городе и уже успела проникнуться к нему неприязнью – многолюдный и серый, он напоминал ей большой муравейник, где каждый спешит и торопится по своим очень важным муравьиным делам. Но работа есть работа, тем более, если за нее еще и хорошо платят, а в этом городе для нее всегда находились дела. Поэтому она снова приехала, хотя от одного вида на реку ее начинало тошнить, а при виде всех этих раздутых провинциальных шишек ей хотелось достать автомат и перестрелять их прямо на улицах. Если мне снова придется жить в какой-нибудь гостинице или квартире в черте города, с тоской думала она, я, наверное, не сдержусь. Поэтому она отправилась за город, и ей повезло, она нашла этот отличный домик около трассы, где было спокойно и тихо, а людей почти не было совсем – на дачи приезжали только в выходные, а те, кто жили здесь постоянно, каждое утро ездили на работу в город, а в выходные и вовсе торчали там. И это ее вполне устраивало, лишнее внимание было ей совсем ни к чему.

До города было далековато, но автобусы ходили регулярно, хотя сама она общественный транспорт игнорировала, предпочитая ездить на взятой в прокате «семерке» милого зеленого цвета – ни дать ни взять еще одна местная рабочая пчелка или командированная сотрудница какой-нибудь фирмы. И это тоже было ей на руку. Немногочисленные соседи знали ее как Катерину Давыдову, по этим документам она и прибыла сюда, по ним же взяла машину у старика-дачника. У нее было много имен и много лиц, но истинное не знал никто, хотя в криминальном мире для заказчиков и конкурентов у нее было одно имя, которое знали все, и которое с годами стало гарантией качества и надежности исполнения. Ее звали Фатима, хотя и это имя не было настоящим, но она за годы так привыкла к нему, что уже и не помнила почти своего имени, которое дала ей мать. Она была Фатимой, а остальные имена и лица мелькали и стирались в ее памяти, как прожитые дни.

Она уже давно была в профессии, хотя ей едва исполнилось 25, что говорило о ее дьявольском везении и таком же уме. А еще у нее был талант. Свое первое убийство она совершила очень давно, еще почти ребенком, но и тогда сделала все так чисто, что ее не только не поймали, но даже не напали на след. Время шло, а она становилась все более искусной убийцей, шлифуя талант, завоевывая авторитет и известность. Женщина-киллер? Да. И не просто дамочка с пистолетом и ножом, а лучший «спец по ликвидации» во всей огромной стране, вот так-то.

И ей нравилось то, чем она занималась, нравилась такая жизнь, в которой она была сама себе хозяйкой, переезжала с места на место и не была вынуждена общаться с ненавистными людьми и жить вместе с ними в их глупом смешном обществе по таким же глупым законам. Она была волком-одиночкой, поэтому ее жизнь ее полностью устраивала. Она была молода, богата и опасна, а чего еще может желать девушка вроде нее? У нее была слава, правда никто не видел ее лица, но в ее деле по-другому и быть не могло, иначе она давно бы закончила свой путь так же, как и все ее заказы – погибла бы от руки коллеги. И часто, глядя на свое красивое отражение, она гордилась собой, ведь она была так молода, а уже имела признание и по праву считалась профессионалом в своем деле.

Постояв несколько минут у окна, девушка задернула штору и направилась в ванную, которая, как и спальня, располагалась на втором этаже – красота красотой, а терять время она не могла, его итак было в обрез. Горячие упругие струи душа немного оживили и разбудили ее, потому что упражнения она делала скорее на автопилоте, понимая, что их надо делать. Она не любила рано вставать, но приходилось, она должна уехать в город до того, как все эти овцы и бараны проснуться и начнут свою ежедневную возню – лишнее внимание ей было совсем не нужно, и чем меньше ее видели, тем лучше в первую очередь было для них.

Подставив лицо под теплую струю воды, девушка, называющая себя Фатимой, закрыла глаза и блаженно улыбнулась, и в этот момент ни один человек не поверил бы в то, что это ангельское нежное создание зарабатывает на жизнь, проливая кровь, причем делает это с удовольствием. У каждого свое место в жизни, говорила ей мать когда-то очень давно, совсем в другой жизни, где она еще не убивала и не звалась Фатимой, поэтому никогда не суди людей и не критикуй их – все решает Судьба. Она хорошо запомнила это, хотя прошло уже много времени, а повидала она еще больше, поэтому ее никогда не мучила совесть, и она никогда не испытывала стыда или раскаяния за все отнятые жизни – это было ее место, место, определенное для нее судьбой, и она не собиралась уступать его кому бы то ни было. На планете итак перенаселение, часто думала она, глядя на бесконечные серые толпы людей, снующие по улицам городов, так что я делаю полезное во всех отношениях дело.

– Я – инструмент естественного отбора, – прошептала она, улыбаясь под струями воды. – И я снова выхожу на охоту.

В душе она простояла ровно 15 минут, все в ее жизни подчинялось расписанию, и с первого дня здесь она уже составила четкий график на каждый день. Она во всем любила

точность и четкость, особенно в работе, может, отчасти поэтому она и стала тем, кем стала – лучшим «специалистом по ликвидации» в целой стране.

Конечно, она не была фанатичной приверженкой расписаний и планов, и когда позволяла себе отдых, немного сбавляла строгость к себе. Но только чуть-чуть. Расслабиться – значит, потерять форму, это она хорошо знала и не намеренна была сдавать позиции раньше времени. То, что ее работа не долгосрочная она хорошо понимала, поэтому, пока она была в седле, она выжимала из жизни все, до последней капли. Невозможно вечно перемещаться с места на место, скрываться и не иметь собственного угла, невозможно всю жизнь оставаться тайной, а раскрыться – значит умереть. Поэтому она твердо решила работать, пока будет такая возможность, а потом, как только почует опасность, благополучно затеряться в каком-нибудь теплом краю со всеми своими миллионами и жить там в свое удовольствие, забыв о работе и навсегда похоронив Фатиму, как когда-то давно похоронила скромную домашнюю девочку с романтическими планами на жизнь.

Кухня в маленьком уютном домике, который она снимала, располагалась на первом этаже, и, выйдя из душа в большом мягком халате, Фатима направилась напрямик вниз. Легкий завтрак, состоящий из творога и каши на молоке, был следующим пунктом в ее ежедневном расписании. Серое утро просочилось в кухню-столовую, давая достаточно света, чему она только обрадовалась – Фатима никогда не любила искусственный свет.

Занимаясь обычными утренними делами, она продолжала улыбаться, ведь еще одно правило ее жизни гласило: счастливый человек – успешный человек. Улыбка привлекает удачу, так говорила ей мать, и она хорошо это помнила, хотя раньше никогда не применяла этот простой закон на практике. Но теперь все изменилось, ее жизнь – все равно что горная река, и, чтобы не утонуть, ей понадобится вся удача, какая только есть в мире.

Кухня находилась в задней части дома, поэтому ее окна выходили не на трассу, а на лес, что очень нравилось Фатиме: меньше глаз, меньше свидетелей. В комнате для гостей она никогда не бывала, поэтому ее совсем не огорчало, что окна выходят на трассу, как и в спальне, расположенной прямо над гостиной на втором этаже. Она вообще очень мало время проводила в этом загородном гнездышке, с утра и до вечера пропадая в Ростове, то следила за объектом и разрабатывала план операции, то просто убивала время, имитируя бурную деятельность.

Вот почему все живут так убого, думала она часто, шагая в толпе по улицам Ростова, у нас ведь никто не работает, но все упорно и хорошо имитируют ужасную занятость и просто катастрофическую нехватку времени. На самом деле, времени хватало на всё, ели не тратить его на охи-вздохи и жалобы на его нехватку и обилие работы, в этом она убедилась на собственном опыте, поэтому ее всегда раздражали разговоры серой массы людей, подслушанные ею в метро, на улице или просто в кафе. Какого черта ты стоишь и ноешь, хотелось крикнуть ей, ты уже потеряла время на свое никчемное нытье, а могла бы что-то сделать!

И еще, бродя как призрак по улицам множества городов, Фатима заметила, что женщины жалуются на нехватку времени намного чаще, чем мужчины, и всегда сгущают краски. Может, это от того, думала она, глядя как какой-нибудь молодой бизнесмен спешит с кейсом в руках, то и дело поглядывая на часы, что мужчины всегда занимаются реальными делами и у них просто действительно нет времени на пустые разговоры и жалобы? Впрочем, из всех правил бывают исключения, она хорошо это знала, так как сама была таким исключением и понимала всех действительно занятых людей.

Поставив кашу в микроволновку и заварив чай, она села за стол около окна и принялась быстро есть творог с фруктами, одновременно любуясь видом утреннего леса. Туман все еще стелился по земле, но стал уже не таким густым, ветра не было, но низкое серое небо обещало холодную и сырую погоду. Было самое начало марта, но весна, как обычно и бывает в этих краях, пока была только календарной. Хорошо хоть снега нет, подумала она, запивая свой скромный завтрак горячим зеленым чаем. Она ненавидела снег, хотя по рассказам матери, она

была зачата, когда все было завалено снегом, и родилась в день, когда снег пошел в первый раз в году.

Романтично, конечно, но Фатима не была любительницей романтики, считая, что в жизни сильного человека, – особенно, если зарабатывает он убийствами, – романтике не место, она несет слабость и размягчает характер. Все эти переживания и вздыхания придумали эти глупые покорные овцы, пытаясь тем самым оправдать свою слабость, никчемность и лень и переложить вину на несчастную любовь или еще какой-нибудь бред в том же духе.

Но она никогда не была частью большущего стада, которое блеющие существа гордо называют «общество», она всегда понимала, что сама несет ответственность за свою жизнь и сама отвечает за все ее события и повороты. Всегда есть выбор, думала она, перед тобой всегда две дороги, по какой пойдешь – зависит только от тебя, как и то, к чему ты придешь. К примеру, она могла бы бросить всё и работать секретаршей, но к чему бы она пришла? А еще раньше она могла бы выбрать обычную дорогу и поступить в институт, а потом жить как все, но не к этой цели она шла и не такой жизни хотела. Она сделала свой выбор и заняла место, которое готовила ей сама судьба, а могла бы наплевать на свой талант и упорно идти по тропинке со всем стадом.

Но и тогда она бы заняла место, уготованное судьбой, потому что сама Судьба всегда дает людям право выбирать, и только слабые духом говорят, что все предопределено, потому что сами не могут сделать никакой выбор и предоставляют это право судьбе.

После короткого завтрака она снова поднялась в спальню, чтобы надеть свой ежедневный костюм очаровательной и сексуальной блондинки, всегда ослепительной и всегда на каблуках. Именно такой она была для соседей и городских жителей, глубоко внутри пряча то, о чем все эти простофили даже не догадывались. Ярко красная помада, кроваво-красные накладные ногти, короткая юбка – вообще-то не такая уж короткая, девчонки да и многие дамочки носили и покороче, хотя ноги у них не были и вполтину так же красивы как у нее, – порывшись в шкафу, она сняла с вешалки какую-то нелепую кофточку с разрезом, из которого почти высккивала, и надела на себя. Всё, образ готов, осталось лишь нацепить этот дурацкий белый парик и придать лицу счастливое и глупое выражение, ведь именно так и бывает: глупцы всегда беззаботны и всегда всем довольны.

За свою немаленькую карьеру ей приходилось играть разные роли, зачастую именно такие, может, поэтому она и ненавидела их больше всего. Нет ничего хуже, чем корчить из себя пустоголовую сексуальную глупышку, подтверждая тем самым мнение далеко не умных мужчин, покупающихся на этот старый как мир трюк. Но все было как было, и именно ее сексуальность и красота оставались эффективным оружием, которое она пусть и с неохотой, но при необходимости умело использовала.

Какое странное общество, часто думала она, иногда наблюдая за людьми, всё построено на обмане: мужчины думают, что правят миром, обманывая женщин и считая их слабым и глупым полом, а те в свою очередь обманывают мужчин, играя своей сексуальностью на их главной слабости, подчиняя себе их неумное тщеславие и захватывая инициативу. Хотя мужчины продолжают свято верить в то, что сами все решают и контролируют. Получался странный вывод: мужчины ввали женщинам о своей силе, женщины ввали им то же самое о своей слабости.

Сумасшедший мир, думала Фатима, придирчиво оглядывая свой сегодняшний наряд и мысленно настраиваясь на ежедневную роль. Как же она ненавидела все эти короткие узкие юбочки и отвратительные кофточки с разрезами! Даже по необходимости она никогда не надевала юбку, едва прикрывающую зад и никогда не носила слишком откровенные блузки. И прекрасно обходилась без этого, на элегантную и ухоженную красивую девушку мужчины клевали даже лучше, чем на размалеванных и полуголых девиц, так что сильно она не страдала от вынужденного стиля. Но играть роли таких пустоголовых девиц она просто ненавидела, ну

что это за существо смотрит на нее из зеркала?! Надутые яркие губы на глупом, но ооочень серьезном лице, голливудские локоны и сумочка, висящая на слегка отставленной согнутой руке. Все как у всех, вот и еще одна представительница большой фабрики клонов.

Отвращение к своему образу было настолько сильным, что Фатима позволила себе потерять улыбочку и перестать хлопать глазками и скривилась.

– Смотреть тошно, – бросила она своему отражению и скорчила рожу, – так и то лучше, чем это тупое лицо.

Она могла бы и дальше препираться с зеркалом, все-таки опыт у нее был большой, как-никак уже 8 лет собственное отражение заменяло ей друга и собеседника, но времени не было, ведь она хотела уйти до того, как соседи начнут выезжать на работу. Поэтому она быстро вернула прежнее выражение лица и, найдя сумочку, повернулась к зеркалу в последний раз, чтобы ослепительно улыбнуться и показать своему отражению оттопыренный большой палец. «Все отлично!» – вот что означал этот жест, и показывать его себе давно вошло у нее в привычку, со временем превратившись в ритуал, без которого она редко выходила на улицу. Все будет отлично, потому что *она* так сказала, а она имеет полное право приказывать, ведь это ее жизнь и она ее полная и единственная хозяйка.

Спустившись вниз – каблучки на ботинках звонко стучали по лестнице, и ее страшно злил этот звук, являвшийся визитной карточкой женской части мира обывателей – она достала из шкафа дубленку, такую же черную и усыпанную стразами, как и ее ботинки и, еще раз показав зеркалу знак «отлично», вышла в нетронутое еще серое утро.

Все же в таких ранних пробуждениях была своя прелесть – кроме нее никто не видел нежную красоту начинающегося дня, и в такие моменты Фатима чувствовала, что весь мир принадлежит ей одной. По земле, кое-где покрытой островками зеленой травы, все еще стелился туман, воздух был прозрачным и чистым, и Фатима подумала, что именно так пахло в первый день сотворения мира, пока многочисленные жители земли не загадили и не завоныали ее. Солнце уже встало, и его еще по-зимнему тяжелые лучи с трудом пробивались через толстый слой серых облаков, превращая сосновый лес в сказочное царство, где правит старый король, а по дорогам разгуливают храбрые рыцари в поисках драконов и колдунов. Трасса, пролегающая совсем рядом с домом, была абсолютно пустой, а окна в соседних домах темными, что говорило об одном: это утро принадлежит только ей и никому больше.

Глубоко вдохнув свежий морозный воздух, она замкнула дверь и пошла к гаражу, который находился с правой стороны дома и имел с ним общую стену. Каблучки все так же противно стучали по цементной дорожке, ведущей от крыльца к гаражу, но это ее больше не раздражало – она вышла из дома, а значит, перестала быть Фатимой, по крайней мере, на этот день. В данный момент она была Катериной Давыдовой, любительницей каблучков и надутых губ, и она, конечно же, предъявляла миру свою визитную карточку клона, выпущенного в тираж.

Подойдя к гаражу, она жеманно присела и принялась возиться с замком, то и дело цокая и закатывая глаза, хотя прекрасно могла открыть его с первого раза. Просто это было частью спектакля, хотя вокруг и не было ни одного зрителя, но она твердо следовала правилу: осторожность не бывает слишком большой, раз она теперь Катерина Давыдова, значит, она станет ею на все сто, возьмет все привычки и жесты и полностью сольется с созданным образом. А образ Катерины Давыдовой, как и все женщины, не ладил с замками и механизмами. Наконец, открыв замок с третьей попытки, блондинка дернула дверь и та покатила вверх на невидимых колесиках, едва не сломав красоте ноготь, на что та незамедлительно отреагировала, ахнув и начав придирчиво рассматривать ушибленную руку. Ноготь, конечно же, не сломался, и, постояв несколько секунд с растопыренными пальцами и хлопающими глазами, блондинка зашла в гараж и села в машину.

Дорога в город занимала примерно полчаса, но Фатима домчалась за 15 минут – трасса была совершенно пустой, а скорость она всегда любила. Подъезжая к городу, она замедлила

ход, и ее зеленая «семерка» незаметно влилась в небольшой еще поток машин. Ближе к центру начались первые пробки, и ей пришлось приложить немало усилий, чтобы не потерять маску гламурной дурочки, которую совершенно не волнуют такие ничтожные проблемы как утренняя пробка. Включив радио погромче, она деловито красила губы и выглядывала в абсолютно прозрачные окна машины, и никто бы не догадался, какие страшные мысли бродят в этой белокурой голове.

В городе ночь, похоже, и не наступала, улица просто кишела людьми, причем заспанных или хотя бы сонных лиц практически не было – толпа спешила вперед с суровым и сосредоточенным лицом, глядя себе под ноги или, в лучшем случае, вперед. Интересно, подумала Фатима, глядя на одинаковые лица прохожих, эти роботы умеют улыбаться или плакать? Или они умеют только на работу ходить?

По радио Пугачева громко и неожиданно запела про белый снег, и это вывело ее из оцепенения. Она переключила радиостанцию и двинулась вперед вместе с потоком машин, продолжая невинно хлопать ресницами. Вот и центральная площадь со всеми кафе и бизнес центрами, а вот и то самое здание, ради которого она и приехала в ненавистный город на Дону – Ростовский банк Развития и Возрождения. Именно его директора она и должна благополучно отправить на тот свет, и она это сделает. Уже завтра.

Около здания, не смотря на ранний час, уже стояли два охранника, вооруженные автоматами и в бронежилетах. Ждут хозяина, подумала она, проезжая мимо них на своей безобидной «семерке», полные олухи, хотя с виду такие серьезные и грозные парни; с такими она всегда справлялась без труда. Но это ведь только вершина айсберга, у директора банка были еще и своя личная охрана, Фатима уже ее видела и успела изучить, и эти парни вовсе не казались ей детишками, играющими в мужчин.

За неделю, проведенную в Ростове, она уже успела побывать в банке, чтобы понять, что сделать все внутри не получится, успела проследить за пухленьким банкиром и выяснить, где он живет, но и тут ее ждало разочарование – трусливый сукин сын хорошо укрепил свое гнездышко. Конечно, будь у нее побольше времени, она бы нашла лазейку и перерезала ему горло в его же собственной постели, но времени как раз у нее и не было. Кое-кто знал, что она может появиться в Ростове, а она не привыкла к вниманию, тем более со стороны спецслужб. Поэтому она собиралась сделать все быстро и тихо и улизнуть до того, как люди в погонах поймут, что она здесь побывала.

Итак, убить этого слишком хитрого толстячка можно было только на улице – в машине или прямо у входа в банк – или в одном из ресторанов, где он всегда ужинал один или с женой. Неделю Фатима была его тенью, о которой он даже не подозревал, и теперь хорошо знала его маршруты и распорядок дня. Она не знала, чем он так насолил ее клиентам, и не хотела знать – это было еще одним ее правилом, она только исполняет волю тех, кто ей платит, а остальное ее совершенно не касается. Она лишь требовала положенный минимум: имя, фотографию, любимые места, адрес работы и дома, примерный распорядок дня, возможные слабости и привычки – в общем, любая личная информация, которую мог сообщить заказчик. А остальное она делала сама, осматривала местность и разрабатывала план ликвидации объекта, оценивала его охрану и еще много чего.

Ее сегодняшнее задание – успешный банкир по кличке Колобок, был светловолосым, уже лысеющим 35-летним толстяком, больше похожим на ожившего детского пупса, чем на реального человека. Однако за смешной и наивной внешностью скрывался большой ум и кассовый аппарат вместо сердца, что и позволило молодому Колобку пробиться так высоко и стать генеральным директором такого солидного банка.

Недолго тебе осталось править своим королевством, король Пупс, подумала Фатима, сворачивая с площади на широкую улицу Победы, где располагалась деловая часть города. От этой широкой и длинной улица в разные стороны разбегались улочки поменьше, красивые здания

которых вмещали в себя всевозможные офисы и фирмы, торговые центры и ночные клубы, так что в этой части города жизнь всегда кипела и была ключом, а на прохожих совершенно не обращали внимания. Это и нужно было Фатиме.

Остановив машину возле огромного торгового центра, она еще раз оглядела себя в зеркало и, вытащив из «бардачка» все необходимые атрибуты «блондинки на каблукках» – сама она в жизни не таскала за собой столько хлама в виде помад, пудрениц, карандашей и расчесок – затолкала их в сумочку и вышла на улицу. Поставив машину на сигнализацию, блондинка манерно открыла сумочку и бросила в нее брелок, удивляясь про себя большому количеству транспорта на стоянке – было всего 7 утра. Торговый центр работал круглосуточно, и, проходя мимо, Фатима подумала: неужели и ночью кто-то что-то покупает? Да, ответила она сама на свой вопрос, люди в больших городах одержимы манией покупать, они ходят на ненавистную работу только для того, чтобы было за что покупать все эти ненужные в большинстве своем, но такие утешающие вещи. Вещи, которые скажут миру за тебя, что ты существуешь, что ты чего-то стоишь.

Стуча каблукками, она ступила на тротуар и тут же затерялась в людском потоке. Не смотря на холодное утро, в городе было заметно теплее, только ветер, теряясь в лабиринтах высоких зданий, то и дело вырывался из проулков ледяным свистящим вихрем. Кутаясь в меховой воротник дубленки, Фатима медленно шла вперед к площади, радуясь тому, что на ней этот дурацкий парик – он хотя бы грел, а вот многие люди мерзли, когда ветер раздувал их волосы и резал глаза, почему-то в этом городе люди очень не любили головные уборы. Проходя мимо витрин, все еще украшенных елками и гирляндами, Фатима с раздражением подумала о том, что люди либо очень любят растягивать праздник, либо настолько неорганизованны и ленивы, что даже в начале марта никак не могут смыть с окон новогодние рисунки и разобрать елки. Наверняка все останется без изменений до первой настоящей оттепели, когда в воздухе уже настолько запахнет весной, что украшенные елки станут просто резать глаза.

Сама она праздники никогда не любила, и это еще мягко сказано, она их просто ненавидела и никогда не отмечала ни один. Может потому, что было не с кем, а может потому, что все эти праздники были праздниками общества, которое она презирала и игнорировала. Но самая главная причина заключалась в другом: один раз ей уже испортили праздник, да так, что она запомнила это на всю жизнь. И с тех пор праздники, как и общество их придумавшее, перестали существовать для нее, в мире остались только серые будни и она, такая же серая тень среди шумного и глупого мира людей.

Ветер пронзал спешащих по своим делам людей словно ледяной клинок, но Фатима почти не чувствовала холода – она погрузилась в свои мысли, отгораживаясь ими от раздражающего мира людей. Завтра, все закончится завтра. Она закончит дело и наконец-то уберется из этого серого и холодного города. Несмотря на то, что родилась и выросла она в этом регионе страны, она очень не любила климат и погоду родных краев, ее всегда тянуло туда, где нет зимы, и всегда светит солнце, а снег – всего лишь картинка на рекламном плакате. Средства давно позволяли ей переселиться в какой-нибудь райский уголок на побережье Средиземного моря, но она не могла бросить работу, а работа в 99 случаев из ста была именно в России. Приходилось терпеть суровый климат родной страны, ведь в шкале ее ценностей собственные прихоти занимали далеко не первое место.

Поскорей бы закончить и хотя бы на некоторое время оставить Ростов только в воспоминаниях, думала она, шагая по заполненной людьми улице по направлению к площади, она никогда не брала заказы подряд в одном и том же месте, сколько бы за них ни платили. Осторожность в ее профессии была намного важнее и дороже денег, это она хорошо понимала, поэтому всегда твердо отказывалась даже от самых заманчивых предложений, полагая, что мертвецу деньги не нужны, а живая она еще заработает вдвое больше, причем в самые корот-

кие сроки. Ее услуги стоили недешево, потому что ее имя имело вес, и она могла позволить себе диктовать условия и играть только по своим правилам.

Дойдя до улицы Победы, Фатима взглянула на часы, чтобы рассчитать свое время. Было уже полвосьмого, значит, можно не торопиться, время еще есть. Она уже хорошо знала, что господин Пупс – как она называла банкира – всегда приезжает на работу где-то в 8.20, а то и в 9, оно и понятно, он ведь начальник, а им по долгу службы положено опаздывать и жаловаться на загруженность и усталость. Ничего, подумала она, скоро у тебя начнется вечный отпуск, и эта мысль показалась ей до того забавной, что несмотря на холод и встречный ветер, она широко улыбнулась, пряча улыбку в пушистом мехе воротника.

Какой в городе сильный ветер, отметила Фатима, когда руки, придерживающие воротник, замерзли и онемели, даже несмотря на перчатки. И это в самом центре, а что же творится у реки, задалась она вопросом, не замерзают ли там люди прямо на ходу? Наверное, ветер поднялся, пока она ехала в город, потому что она хорошо помнила тихое серое утро возле лесополосы, когда она вдыхала свежий и абсолютно неподвижный воздух. Она очень не любила ветер, если только он не был тихим и теплым и не дул с моря в жару, но когда речь шла о предстоящей работе, она люто ненавидела любой ветер – он относил пули и сбивал точность, заставляя ее продумывать скорость и направление и только потом стрелять. Но это всего лишь обычные сложности, какие встречаются в любой работе, поэтому она спокойно шла вперед, ведь то, что нам не подвластно не стоит наших нервов. А она прекрасно знала, что будет ли ветер, или дождь, или извержение вулкана, все равно господин Пупс не переживет завтрашний день, так стоит ли волноваться?

2

Ближе к площади поток людей немного рассеялся, что только радовало Фатиму, и она прибавила шаг. Скоро она уже свернула направо и оказалась прямо на центральной площади. Красивое и современное здание банка стояло на левой стороне относительно нее, напоминающее изумрудный дворец из сказки – оно было выполнено из зеленого стекла, а на крыше красовался такой же зеленый купол, никакого бетона и кирпичей, только стекло и металл. Она невольно залюбовалась красивым строением, отметив про себя, что, несмотря на свою глупость и примитивность, люди умеют создавать по-настоящему красивые вещи.

Вообще, все строения на площади представляли собой полную мешанину из старых, построенных еще в прошлом веке зданий с высокими узкими окнами и богатой лепниной, и совершенно новых строений из стекла, бетона и металла, таких же как и банк Развития и Возрождения. Попадались, правда, и совсем уж несуразные конструкции, сочетающие в себе новые технологии и старый стиль, мимо одного такого она только что прошла, поразившись, как можно было вставить пластиковые двери и окна в старинный особняк 19 века.

Кроме офисов и банков на площади было множество ресторанов и кафе, но Фатима уверенно проходила мимо заманчивых вывесок и гостеприимно распахнутых дверей, из которых доносились теплые ароматы кофе и ванили. Она знала куда шла, у нее была цель – дорогое уютное кафе расположенное прямо напротив входа в банк. Оно размещалось в старом высоком здании, которое некогда было гостиницей, а теперь вмещало в себя множество офисов и турфирм. Подходя к нему, Фатима с восхищением осмотрела изящный узор лепнины, особенно ей нравились демоны, помещенные неизвестным скульптором прямо под крышу, они скалили зубы и показывали языки, а их растрепанные гипсовые космы разлетались в разные стороны. Интересно, подумала Фатима, каково было постояльцам этой милой гостиницы? Не донимали ли их по ночам крики и стоны этих демонов? А может, потому-то гостиницу и закрыли, что никто не хотел в ней жить? Вполне вероятно, подумала она, ведь люди боятся всего, особенно того, что создают сами, пускай даже только в своем воображении.

Любуясь зданием, она, как бы между прочим, бросила взгляд на противоположную сторону площади – охранники по-прежнему стояли на своих местах, ежась от холодного ветра и топая ногами. Отлично, подумала она, мерзните дальше, ребята, а я итак все увижу. С этой мыслью она открыла тяжелую деревянную дверь кофейни и вошла внутрь.

Кофейня «Черный Дьявол» занимала почти весь первый этаж большого старого здания, бывшего некогда гостиницей, где селились исключительно богатые и знатные люди, так что дух тех времен до сих пор не выветрился и ощущался в каждом квадратном сантиметре. Сама обстановка и аура помещения так и дышали роскошью и стариной, когда за аккуратными резными столиками, накрытыми чистейшими шелковыми скатерками сидели богатые дамы в пышных туалетах и бриллиантах, манерно держа маленькие чашечки в затянутых в кружевные перчатки руках, а разодетые во фраки, слегка высокомерные джентльмены дымили своими сигарами и наливали дамам чай, тонко шутя и флиртуя с ними.

Едва колокольчик на двери успел звякнуть, как Фатима уже поняла, что влюбилась в это место. В большом помещении было тепло и пахло кофе и корицей, справа и слева от нее располагались два просторных зала, а прямо перед ней находилась огромная витрина с различными пирожными и десертами, причем каждый из них вполне мог претендовать на звание кулинарного шедевра. Рядом с витриной находилась касса и маленькая барная стойка, здесь же, в маленьком холле стоял столик администратора и гардероб. Как только дверь за девушкой закрылась, к ней тут же подошел симпатичный молодой человек и попросил ее пальто, а когда она, улыбаясь, получала номерок, ее уже ждал администратор, чтобы спросить какой столик и в каком зале она желает и проводить ее. Она выбрала левый зал и попросила столик у окна.

– Отличный выбор, – вежливо улыбнулся администратор, отодвигая стул, чтобы она могла сесть, – вид на площадь просто чудесный. Располагайтесь, сейчас вам принесут меню.

Она поблагодарила его и отвернулась к окну, думая про себя, что в одном этот приятный мужчина несомненно прав – вид на площадь был действительно превосходным, она сидела как раз напротив входа в банк, лучше и не придумаешь.

За окном охранники продолжали нести вахту, ежась под ледяными порывами ветра, и от их замерзшего вида Фатиме становилось еще теплей и уютнее. Чтобы скоротать время до прихода официанта, она принялась оглядываться вокруг, все больше влюбляясь в это очаровательное заведение. Зал, в котором она сидела, был просторным, но темным – три высоких окна давали много света, но помещение было настолько большим, что в углах даже при ясной погоде копошились призрачные тени. Должно быть, вечером здесь еще лучше, подумала она, с восхищением разглядывая старинные люстры под потолком, сделанные в виде подставок для свечей, ее поразило, что из металлических подсвечников на самом деле торчали белые свечи, только горели в них лампочки, а не живое пламя.

В помещении было очень тепло и уютно – толстые стены не пропускали холод, а пластиковые окна, тоже сделанные под старину, не позволяли сквознякам выдувать тепло. Из-за толстых стен подоконники были такими широкими, что на них запросто можно было накрыть стол или разместить настоящий сад, а не обычные два-три горшочка. И хозяева «Черного дьявола» использовали их по максимуму – на них стояли многочисленные керамические вазочки самых причудливых форм и такие же забавные статуэтки, а так же подсвечники с такими же пластмассовыми свечами, только в отличие от люстр, пламя этих свечей было настоящим, так как работали они на газе и имели несгораемый фитиль.

Всю дальнюю стену занимала огромная фреска, на которой изображался обед двух вельмож, какого времени Фатима понять не смогла, так как по замыслу художника часть людей были одеты в камзолы и пышные платья, а часть в древние одежды, какие можно было встретить в библии для детей. Обеденный стол, уставленный яствами, находился во дворе среди колонн, а прямо над ним художник изобразил балкон, откуда многочисленные слуги и собаки наблюдали за трапезой двух главных героев фрески. Изображение на стене завораживало и восхищало, и Фатима отметила, что именно оно придает залу его загадочность и очарование.

На другой стене, напротив Фатимы, фресок не было, около нее стояли столики, и саму стену украшали сервизы и бутылки с какими-то очень дорогими и старыми напитками, которые поместили в специально сделанные ниши с подсветкой. Маленькие круглые резные столики покрывали красные, в тон стенам, скатерти, Фатима понимала, что это не шелк, но сходство было поразительным. Какие же тут цены, с интересом подумала она, рассеяно водя рукой по прохладной и шелковистой ткани, ведь заведение явно не для всех? Это читалось не только в обстановке, но и в качестве обслуживания – такие вежливые и обходительные официанты бывают только там, где одна чашка кофе обеспечивает их зарплатой, а клиенты, как правило, не скупятся на такие же большие чаевые. Да, подумала она, невольно улыбаясь, улыбки в наше время стоят дорого, а вежливость еще дороже.

По одному только выражению лица обслуживающего персонала можно судить о ценах заведения, но, к сожалению, никак не о качестве, подумала Фатима, вспоминая, сколько раз она просто вставала и уходила, когда ей приходилось ждать заказ больше 20 минут. Что ж, решила она, сегодня уходить я не буду, ведь я здесь, все же, не отдыхаю.

И тут же, как будто прочитав ее мысли, к ней подошел официант, весь чистенький и одетый с иголочки, и положил перед ней раскрытое на первой странице меню, выполненное в виде книги в красном кожаном переплете с золоченой надписью «Черный Дьявол», причем буквы тоже были старинного стиля, и завитушки переплетались и вились вокруг названия, образуя причудливый узор. Да, в этом месте жил дух старины, а хозяева просто умело сыграли на этом. Умный подход к ведению бизнеса, подумала Фатима.

– Пожалуйста. – Вежливо проговорил он и слегка поклонился, держа одну руку за спиной.

Фатима поблагодарила его и уткнулась в меню, отметив про себя, что даже такие мелочи как прически обслуживающего персонала учтены и продуманы – парень был причесан на пробор, а волосы блестели, обильно смазанные гелем.

Поглядывая в окно, Фатима принялась изучать меню, цены в котором полностью оправдали ее прогноз – они были просто космические. Но для нее это не составляло никакой проблемы, поэтому она с радостью смотрела на фотографии маленьких чудес кулинарного искусства и с не меньшим удовольствием читала их состав, выбирая для себя лакомство по вкусу. После непродолжительных колебаний она остановила свой выбор на фирменном десерте, который имел такое же название, как и само заведение: «Черный Дьявол». Закрывая меню, Фатима обратила внимание на нарисованного демона, который скалился на нее с первой страницы, он был точной копией тех, что имелись на самом здании.

– Мы с тобой подружимся, – пробормотала она, нажимая кнопку вызова официанта, в заведении такого уровня все было по высшему разряду, – еще как подружимся, ведь у нас взаимная симпатия, не так ли?

– Извините, что? – она никак не ожидала, что этот чистенький официант придет так быстро, но он пришел, и, похоже, услышал ее беседу с нарисованным демоном.

– Ничего относительно моего заказа, – улыбнулась она, – просто беседовала с красавцем на меню, надо же как-то коротать время. – Она снова улыбнулась и стрельнула глазками в молодого человека, только на этот раз ее улыбка показалась ему очень опасной. Он бы сказал, ее улыбка в ту секунду ничем не отличалась от оскала нарисованного демона. – Знаете, мы с ним давние друзья.

Молодой официант выдавил из себя вежливую профессиональную улыбку и достал блокнот, намекая странной клиентке, что его дело принимать заказы, а не вести светские беседы с давними «подругами дьявола». Она тут же стерла эту страшную улыбку, как будто ее и не было вовсе, и сделала заказ. И его совсем не удивило, когда она попросила принести ей фирменный десерт, который носил имя ее «давнего друга». Странная девушка, думал официант, с радостью отходя от ее столика – от таких, как она, спокойнее было находиться на расстоянии – красивая, но что-то в ней не так, от нее просто веет опасностью и какой-то зловещей силой. Хотя другим деньги и не достаются, ведь деньги – это зло, а подобие, как известно, притягивает подобие, так всегда говорила ему мать, и у него было достаточно времени, чтобы убедиться в этом самому.

А тем временем «подруга дьявола» совершенно избавилась от любых проявлений их дружбы в лице и спокойно сидела за своим столиком, сложив руки на скатерти и мирно глядя в окно. Как она и ожидала, ветер принес с собой тяжелые снежные тучи, и теперь за окном танцевали первые колючие снежинки, больше похожие на маленьких злых мошек, жалящих без жалости всех, кто выходил из дому в такую погоду. Скоро эта ледяная крупа посыплется по-настоящему, заваливая тротуары и кружась под ледяным ветром. Этот вид снега Фатима ненавидела больше всего, она даже готова была мириться с большими тяжелыми хлопьями, лениво падающими вниз и не причиняющими никакого неудобства, но эта ледяная колючая крупа ее просто бесила. Скоро придет господин Пупс, и она очень не хотела, чтобы эта противная снежная морось помешала ей хорошо все увидеть.

Интересно, подумала она уже в который раз, а какая погода будет завтра? Для господина Пупса разницы, конечно, никакой, если только у него нет мечты умереть, например, в свете солнца или под дождем, но вот для нее погода имеет очень большое значение, и дело тут вовсе не в мечтах. Что касается мечтаний, то у нее их не было, она вообще не понимала, что это такое и для чего нужно. Мечты – еще одно проявление слабости, считала она, ведь только слабак может строить планы и верить в них, когда сам прекрасно осознает, что они невыполнимы. Сама она признавала только четкие планы, причем только те, которые были ей по силам. Она

никогда не мечтала, она планировала и всегда выполняла все свои планы или отказывалась от них.

Давным-давно, еще маленькой девочкой, она поняла, что нет смысла мечтать о дворце и королевстве, если ты родилась в бедной семье в маленьком городке, точно так же, как глупо мечтать о космосе, если у тебя от рождения больное сердце; не стоит мечтать о круизах, если у тебя врожденная боязнь воды. И не стоит травить себя пустыми байками о счастье и светлом будущем, если в твоей жизни нет ничего светлого, а будущее еще под вопросом. Все эти истории о бедных и прекрасных девушках, становившихся принцессами, совершенно не захватывали ее, потому что она понимала, что все эти бредни кучка власть имущих специально выдумала для потенциальных рабочих лошадок, обеспечивающих им красивую жизнь. Миллионы людей, которые всю жизнь обречены копошиться на дне, а чтобы они не бунтовали и беспрекословно выполняли свою работу, им и навязывают эти байки: будьте покорными, а значит – хорошими и правильными, страдайте там, на дне, молча и ничего не требуйте, и тогда вдруг, откуда ни возьмись, появится принц и подарит вам королевство и корону...ну или рай в загробной жизни, что более вероятно.

Только она почему-то никогда не слышала, чтобы хоть одна современная королева добилась красивой жизни скромностью и честным трудом.

У каждого свое место, так говорила ей мама и была совершенно права, и каждый рождается в своей стихии. Чет или нечет, черное или белое, судьба или не судьба – на чьей половине жизни ты родился, там свою жизнь и проживешь, и личные пожелания не учитываются. Мир делят всего две силы, и обеим армиям нужны воины, или марионетки для забавы, как кому больше нравится, поэтому они и не спрашивают людей, а просто делят их между собой. Как товар, как вещи, ведь если у каждого спрашивать его мнение или дать людям право выбора, все побегут на светлую сторону, ведь вряд ли кому-то захочется быть неудачником и прожить свою жизнь под покровительством «не судьбы». Но тогда одна из сил перестанет существовать, а это недопустимо, потому что эти две сущности – Добро и Зло – были всегда и всегда будут, а люди всего лишь пешки, которыми они играют для забавы и которых создали себе на потеху. И совершенно не важно, какой ты человек – хороший или плохой, никого это не волнует, тебя возьмет к себе либо одна сторона, либо другая. И тогда будь ты хоть святым, тебе все равно не улыбнется удача, если тебя взяла темная сторона; а можешь быть воплощением зла, и всю жизнь прожить в веселье и везении. Чет или нечет, судьба или не судьба.

Размышляя об этом, она рассеянно смотрела на площадь, хотя рассеянность эта была только видимостью – она все замечала, все анализировала. Она давно поняла, что родилась на стороне светлой силы, а раз ее мнение никто не спросил, она тоже не чувствовала за собой никакой вины, используя причитающееся ей везение так, как считала нужным. В конце концов, если бы Богу было хоть какое-то дело до людей, которые по глупости ему поклонялись, она бы никогда так не преуспела в своем ремесле.

Нет, до нас нет дела ни Богу, ни его вечному противнику, они слишком заняты выяснением отношений и своими экспериментами, а люди – всего лишь лабораторные крысы и не более того. Еще и поэтому она так презирала людей – они слепо верили в свои собственные иллюзии и не хотели хотя бы на секунду остановиться и задуматься о том, что их просто поделили две лаборатории. В одной добрый хозяин, всегда дающий корм своим крысам, и злым и добрым. А во второй лаборатории всех морят голодом и мучают до смерти – и маленьких добрых мышат и больших зубастых крыс. А они еще думают, что что-то решают, когда все уже давно решили за них.

Она так погрузилась в свои размышления, что даже не заметила, как подошел официант с высоким бокалом кофе по фирменному рецепту и красивой вазочкой, в которой было что-то черное и пахнущее шоколадом с пушистой шапкой взбитых сливок. Она вежливо улыбнулась, и на этот раз в ее улыбке словно светилося солнце, настолько она была теплой и располагающей.

– Спасибо.

Ковыряя ложкой десерт. Она нетерпеливо глянула на часы: 8.15, этот сукин сын вот-вот появится. А ведь он даже не подозревает, что этот рабочий день станет для него последним, завтра утром он наконец уйдет в бессрочный отпуск. Мог бы уйти и сегодня вечером, но его верность жене подарила ему лишние 12 часов жизни.

Вот так, подумала Фатима, смакуя шоколадный мусс, который заказала, добро всегда вознаграждается, пусть всего лишь 12-тью часами жизни. Эта мысль так рассмешила ее, что ей пришлось прикрыть губы платком, чтобы никто – например, молодой официант, ни на секунду не сводящий с нее глаз – не видел, как она смеется сама с собой.

И правда, кто бы мог подумать, что такая грязь, как господин Пупс в семейном вопросе будет чист и непорочен, как дитя? Она насмотрелась на таких подонков и прекрасно знала все их слабые места, поэтому путь соблазнения и казался ей самым быстрым и легким, благо для этого у нее имелось все. Но пухленький банкир совершенно неожиданно проявил такую моральную устойчивость, которую можно встретить лишь в дешевых сериалах для домохозяек и в слезливых книжонках о вечной любви для прыщавых 14-летних девочек. А этого Фатима никак не ожидала.

Она не витала в облаках и не думала, что все пройдет как по маслу: она подцепит его в каком-нибудь ресторане, они выпьют вина, – он чуть больше, чем следует – потом они отправятся в номер, останутся без охраны, и она прикончит его. Так бывало только в кино, но жизнь мало похожа на фантазии людей, хотя и служит для них основой.

Подцепить его она, конечно, могла, но такие люди всегда держали ухо востро, и она прекрасно знала, что прежде чем приблизится к нему и сядет за столик, ее обыщут. Она могла убить его и без оружия, как-никак не зря она была лучшей в своем деле, но опять-таки, он ни за что не станет напиваться, а охрана никогда не оставит их в номере, откуда она сможет так просто улизнуть. Можно было бы задушить его во сне – излюбленная тема фильмов. Но только он не станет засыпать рядом с незнакомкой, которую подцепил в баре, это она знала так же точно, как и то, что большие деньги и не совсем чистая совесть заставляют людей быть очень осторожными, на грани паранойи.

Она не верила, что такая мразь, как этот зарвавшийся банкир могла искренне любить кого-то кроме своих денег и власти, но, видимо, политика верного мужа хорошо охраняла Виталия Мухина, более известного в узких кругах как Колобок, от аферисток и наемных убийц с большой грудью. При мысли о большой груди Фатима невольно улыбнулась, гораздо опаснее, подумала она, если у женщины большой ум, вот тогда спасения для жертвы нет.

Заглянув в глаза своей будущей жертве, Фатима не увидела там любви или хотя бы обычной человеческой страсти – в тот вечер перед ней в ресторане сидел оживший кассовый аппарат, совершенно равнодушный ко всему живому и прекрасному. Поэтому ее первоначальный план провалился, так до конца и не став планом и оставшись на стадии возможного развития событий.

Она следила за ним и знала все его любимые места так же из материалов, которые всегда требовала для очередного дела. Поэтому в свой первый вечер в Ростове она поехала ужинать в его любимый ресторан на набережной под названием «Тихий Дон». Там действительно было тихо и уютно, а атмосфера располагала к отдыху и романтике.

Разведка обстановки, сказала она себе, посмотрим, с чем предстоит работать. Надев элегантное и не слишком открытое платье, Фатима сидела за соседним столиком и стреляла своими черными, как полночь глазами, всем своим видом демонстрируя свое одиночество и желание покончить с ним хотя бы на этот вечер. Она никогда не была кокеткой, но при необходимости становилась просто роковой соблазнительницей, притягивающей мужские взгляды и сердца как магнит. И в тот вечер она пустила в ход почти все свое очарование – почти, потому

что даже она сама не знала, на что способна в полной мере – чтобы набросить невидимый аркан на короткую толстую шею господина Пупса.

Она специально не надела ничего вызывающего, прекрасно зная, что загадочность и возможность «домыслить» что у дамы под нарядом намного сексуальнее, чем выставленные на показ и буквально вываливающиеся из платья прелести. К тому же она не хотела производить впечатление обыкновенной ресторанной шлюшки, нет, чтобы поймать такого клиента, она должна была выглядеть как богатая, но одинокая дама, желающая почувствовать себя женщиной, пока ее престарелый муж считает свои миллионы.

Итак, она сидела в дорогом ресторане и явно подавала сигнал молодому мужчине с охранником, сидящему справа от нее. Он тоже заметил ее, в конце концов, он не был слепым, а она была красивой женщиной, которая, к тому же, оказывала ему знаки внимания. Пухлый и розовенький банкир начал ерзать на стуле, а потом мило и застенчиво улыбаться. Ну, прямо последний девственник мира, подумала она тогда, растягивая рот в ослепительной улыбке, которая явно говорила: да, это ты, ты все правильно понял, милый, это ТЕБЯ я зову. Невероятно, но он кокетничал с ней, словно 13 летний мальчишка, впервые почувствовавший на себе женское внимание. Придурок, вынесла вердикт Фатима, взглядом и кивком головы приглашая его за свой столик. Может, все и получится, решила она, когда ее объект наконец-то решил оторвать свою жирную задницу от стула и двинулся к ней. Ели бы все прошло по плану, она давно бы уже покинула этот несуразный город... но стоит только понадеяться на легкий исход, как судьба обязательно создаст дополнительные трудности.

Банкир сел прямо напротив нее, и его маленькие свинячьи глазки уставились на нее, а пухлые губы разошлись в неприятной улыбочке, обнажая маленькие острые зубки. Да, вот что делает любовь к деньгам, подумала Фатима, совершенно не представляя, как могла какая-нибудь женщина лечь с ним в одну постель, не говоря уж о том, чтобы выйти за него замуж и жить в одном доме.

– Могу я угостить даму шампанским? – спросил он неожиданно глубоким и мужественным голосом, который так не подходил к его игрушечной внешности, что это несовпадение делало его образ еще более нелепым и отталкивающим.

– Думаю, можете. – Кокетливо ответила она, не сводя с него завлекающих черных глаз.

Он быстро подозвал официанта и сделал заказ, доставая короткими пухлыми пальчиками тысячные купюры из бумажника, при этом его начинающаяся лысина так яростно блестела в свете фонариков, украшающих интерьер, что Фатима невольно улыбнулась – ей вдруг показалось, что вместо головы у господина Пупса бильярдный шар. В этот момент он как никогда походил больше на ожившую игрушку, чем на реального человека. Как будто дети, играя с ним, оторвали ему голову – а такое с детьми случается часто, это она помнила по себе – а вместо нее приделали этот нелепый бильярдный шар. Повернувшись к столу, господин Пупс заметил ее улыбку и поинтересовался, чему она улыбается.

– Пытаюсь понять, – томно проговорила она, – почему так бывает, – она снова опустила глаза, метнув на него еще один игривый взгляд.

– Вы о чем?

– Ну, смотрите сами, – она подалась вперед, глядя ему прямо в глаза, и едва не потеряла маску от удивления, когда господин Пупс подался назад, словно шарахаясь от нее. Нормальные мужчины так себя не вели. Но если вместо сердца в груди был кассовый аппарат, это, видимо, было нормой поведения. Вот тогда она и поняла, что ничего у нее сегодня не получится, придется искать другие пути. Жаль, конечно, но спектакль надо доигрывать. – Молодой одинокий и явно богатый мужчина и такая же молодая и одинокая женщина... немного богаче него... сидят в ресторане за соседними столиками и посылают друг другу сигналы. Может это скука, как вы считаете? Или просто способ почувствовать себя живыми?

– А с чего вы, собственно, взяли, что вы богаче меня? – Фатима поспорила сама с собой, что именно с этого он и начнет, и только что выиграла. – И потом, вам явно скучно, а я просто ужинаю.

– Да бросьте, – она загадочно улыбнулась ему, нежно поглаживая длинными пальцами ножку бокала. – Мне действительно так скучно, что я предлагаю оплатить ваш ужин и заплатить за то, что мы закажем сейчас, во время нашей милой беседы.

– Вы это серьезно?

– А вы сами как думаете? – И не дожидаясь ответа, она позвала официанта, – счет этого господина принесите мне, – сказала она, со скукой поглядывая на сидящего перед ней банкира.

Официант кивнул и удалился, явно очень удивленный услышанным – обычно в ресторанах мужчины приглашали дам за свой стол и, конечно же, сами оплачивали заказ, а не наоборот.

– Ну что, – она продолжала сверлить его своими черными глазами, – убедились?

– Убедился. – Хмыкнул банкир, а потом вдруг его лицо озарила та же неприятная улыбочка, и он спросил, – могу я спросить: кто вы? И надеяться на честный ответ?

– Полуправда вас устроит?

– Все же, это лучше, чем ложь. – Снова улыбнулся он, – хотя другого я и не ждал: женщины – загадки. А богатые женщины – настоящие головоломки, не так ли?

– А вы, я вижу, знаток женщин! – рассмеялась она, – не зря я на вас так пристально смотрела, я ведь тоже кое-что понимаю в мужчинах.

– Ни сколько в этом не сомневаюсь, – вставил он, разливая шампанское, принесенное только что официантом.

– Мне показалось, или это был первый комплимент? – господин Пупс улыбнулся и промолчал, предоставляя ей право решать самой. – Что ж, я обещала вам ответ, и вот он: я богата, потому что красива и умна, пусть это и звучит слишком нескромно, но ведь вы хотели правду, а это и есть правда.

– Не думаю, что это Бог платит вам за красоту. – Все так же неприятно улыбаясь, сказал банкир, – и явно земля не расцветает под вашими ногами. Расскажите, пожалуйста, то, что можете, обещанную половину правды.

Она картинно закатила глаза и цокнула, всплеснув руками.

– Какой вы однако дотошный! – А потом специально добавила, – вы случайно не банкир?

– А вы случайно не аферистка?

– Не знаю как я, но вы точно попали в точку! – смеясь, сообщила ему Фатима, а потом добавила, – хотя я не думаю, что ошиблась. Я аферистка, все так, только я элитная аферистка. Я богата, потому что женила на себе одного немолодого уже бизнесмена, причем он до сих пор думает, что сам добился меня. Мило, правда?

– Как мужчина ответить не могу, – уважительно сказал банкир, – но как бизнесмен, могу сказать, что восхищаюсь вами. – Фатима кивнула, слегка улыбнувшись, а он продолжил, – а тайной, я так понимаю, останется имя вашего мужа? Или клиента, как вам больше нравится?

– Старый богатый хрен, вот как мне нравится, – она отпила шампанское, – могу только сказать, что он занимается инвестициями. Это всё, сами понимаете.

– Понимаю, – все это явно очень заинтересовало пухленького банкира, который даже представить не мог, что разговаривает и пьет шампанское с киллером, который всего через пару дней отправит его в бесконечный отпуск на тот свет. – Одно я никак не могу понять: зачем вам я?

Демонстративно поставив бокал на стол, Фатима нахмурилась в притворном возмущении, а потом уставилась в маленькие пороссячьи глазки своего объекта.

– Как я уже сказала, – медленно проговорила она, – мне скучно. А вы – человек моего круга и, как мне показалось, довольно интересный человек. Хотя, наверное, даже таким как я

свойственно ошибаться. – Она цинично усмехнулась, с презрением глядя на пухлого банкира, от игривого настроения не осталось и следа. – Знаете ли, богатым женщинам тоже свойственно становиться объектом охоты, ведь среди мужчин моя профессия популярна ничуть не меньше, поэтому мне приходится быть осторожной и выбирать людей моего круга, у которых уже есть все. Кроме развлечений.

Видимо, ее речь произвела на Виталия впечатление, или ему действительно стало интересно узнать ее поближе. Он не ушел, хотя и собирался, вместо этого между ними завязалась оживленная беседа – они говорили обо всем: о погоде, искусстве, театре, моде, и с каждой минутой пухленький банкир все больше и больше восхищался удивительной незнакомкой, такой красивой и разносторонней. Но от острого внимания Фатимы не ускользнул тот факт, что, как бы мило ни улыбался ей господин Пупс, какими бы комплиментами не заваливал, но он твердо держал дистанцию, не желая подпускать к себе такого опасного и загадочного человека. И ей это нравилось. Не смотря на всю неприязнь к свиноподобному банкиру, она не могла не оценить его ум и осторожность, он явно был не из тех, кто теряет голову от женских чар, рассудок и сердце этого толстячка излучали ледяной холод.

Конечно же, она поняла, что в этот вечер он спокойно уедет домой, но не спешила прощаться и форсировать события – ей было любопытно, чем же закончится их разговор. Когда часы на стене ресторана пробили одиннадцать часов вечера, Фатима поняла, что пора заканчивать игру. Все, что хотела, она уже узнала, к тому же, беседа явно зашла в тупик – каким бы интересным ни был собеседник, но трудно поддерживать беседу три часа к ряду, если видишь его впервые. Да и к тому же, она не любила напрасных действий, которые никуда не ведут и не несут в себе никакой выгоды. Она уже развлеклась и решила расставить, наконец, точки над «и».

– Время позднее, – с намеком сказала она, весьма недвусмысленно глядя на банкира, – может, пора продолжить веселье в другом месте?

– Вам, разумеется, пора, – с вежливой улыбочкой ответил он, явно понимая, о чем идет речь, – богатые и красивые дамы могут себе это позволить. А вот семейные люди – нет. Мы уже свое отвеселились.

– Не будьте занудой, – снова улыбнулась она, – вы ведь не маленький мальчик.

– Конечно, нет, – он вдруг стал враз серьезным и холодным, как лед, – я уже давно не мальчик, но даже ребенком я никогда не был дураком. Вы что, на полном серьезе думаете, что я стану подпускать к себе такую гремучую змею как вы? – брови Фатимы мгновенно взлетели, и банкир поспешил добавить, – говорю это как комплимент, а не оскорбление. Просто, вы ведь специалист в своем деле, вот и подумайте сами: пойду ли я сознательно на сближение с вами.

– Если бы вы были моим объектом, – холодно ответила она, не сводя с него своих обжигающих черных глаз, таких опасных и притягательных одновременно, – наверное, я бы не стала рассказывать вам о роде своей деятельности. Все-таки вы не такой уж гений, каким кажется себе.

– Может быть. А может быть права народная мудрость: отвергнутая женщина хуже дьявола. А вообще-то, вы могли и промолчать, а могли сказать, что работаете уборщицей в цирке – итог был бы один. Вы излучаете опасность, стоит только посмотреть вам в глаза, и сразу становится страшно и любопытно одновременно. Наверное, это и привлекает к вам ваших клиентов, но я не люблю опасных женщин. В моей жизни итак слишком много стрессов, чтобы получать кайф от общения с бомбой замедленного действия. Я предпочитаю спокойный и надежный досуг. Извините, – он противно улыбнулся, – наверное, вы мне не по зубам.

Фатима приподняла бровь и промолчала, ничего другого она и не ожидала, но роль надо доигрывать до конца, поэтому она продолжала изображать разочарование и даже некоторую злость.

– Тогда зачем вы подошли?

– Потому что вы так хотели, а мне было интересно. Все таки не каждый день выдается возможность лучше узнать своего врага, не так ли? – Видя ее гневный взгляд, он тут же поднял свои пухленькие ладошки и начал оправдываться, – Я не имел в виду лично вас, просто, когда есть дичь, вокруг нее всегда много охотников. А я не для того работаю по 12 часов, зарабатывая деньги, чтобы какая-нибудь роковая красотка тратила их потом 24 часа в сутки. Вам повезло, вы поймали свою дичь, успешно поохотились, а может, вся эта история часть вашего спектакля. Но, так или иначе, а вокруг еще полно молодых и голодных тигриц, так что нам, ягнятам надо держать ухо востро.

Он засмеялся, подозвал официанта и оплатил оба заказа, и свой и Фатимы,

– Никогда не позволяю женщине платить за себя в моей компании, а тем более за меня.

Рассчитавшись, он встал, а Фатима осталась сидеть, сверля его глазами, в которых читалась неподдельная злость.

– Найдите себе мальчика на вечер, – улыбаясь, сказал он, – и съешьте его на ужин. Для фигуры полезнее, чем жульен и, несомненно, приятнее. Или найдите мужчину, который съест вас, ведь вам давно наскучила жизнь, не так ли?

Не дождавшись ответа, он слегка поклонился ей, как джентльмен 19 века, и удалился в гардероб за своим пальто из дорогой шерсти. Поехал домой к своей Золушке, может быть, некрасивой и глупой, зато надежной и совершенно безопасной.

Фатима не испытывала той злости, что читалась в ее глазах, за маской шел бурный анализ всего услышанного и увиденного. Спектакль прошел на «ура», с чем она себя и поздравила, подумав о том, что благодаря таким вот пугливым пороссятам, некрасивые девушки тоже имеют шанс на жизнь в раю среди роскоши и достатка. Все, что от них требуется – наивно хлопать глазами и не совать свой глупый нос в дела богатого и такого же некрасивого мужа.

И еще, конечно же, Фатима не могла не восхититься умом и проницательностью своей жертвы, только побеседовав с ним, она в полной мере поняла, почему господин Пупс смог подняться так высоко в таком молодом возрасте. Она не любила истории на тему «как я поднимался из грязи» и не видела необходимости забивать голову ненужной информацией, не относящейся к делу и не несущей для него пользы. Она жила по принципу «меня не интересует то, что меня не касается», и эта позиция была одной из составляющих ее успеха и репутации. Но все же немного «пустой» информации о своем объекте она знала: банк был далеко не единственным источником дохода молодого толстячка, деньги банка он инвестировал в незаконные операции с землей и строительством и имел на этом просто колоссальную прибыль. Видимо, кто-то покруче господина Пупса решил устранить молодого конкурента, пока тот не стал представлять слишком большую опасность.

Что ж, она никогда не лезла в игры больших мальчиков, у нее была своя игра, в которой она сама устанавливала правила, и если большие мальчики хотели поиграть с ней, они играли по ее правилам. И никак иначе, они это прекрасно знали.

Потягивая горячий напиток с пышной молочной пеной, Фатима продолжала наблюдать за улицей, одновременно вспоминая тот вечер, когда господин Пупс пил шампанское из красивых высоких бокалов и чокался со своей смертью. Как же смешна порой бывает жизнь, подумала она, слегка ухмыльнувшись, этот прогнивший молодой хитрец наверняка поехал домой в отличном настроении, восхищаясь тем, как умело и красиво он вел беседу с этой глупышкой, мнящей себя такой умной, и как ловко избежал опасности. Да он прямо как Бильбо Бэггинс, с улыбкой подумала Фатима, тот тоже, помнится, считал, что ловко отделался от волшебника и приключений, а на самом деле только влип.

Она часто сравнивала людей с любимыми персонажами сказок, которые прочитала в детстве. Она до сих пор любила сказки, ведь при всей их нереальности и кажущейся простоте, они несли в себе столько скрытой информации обо всем, начиная от типов людей и заканчивая моральными нормами. Хотя был период, когда она разочаровалась в них, но потом поняла, что

внешняя оболочка – которая состояла сплошь из нереализованных человеческих фантазий, и которая так раздражала ее – это только упаковка, и если у тебя хватит ума заглянуть внутрь, найдешь много полезного, а иногда и просто бесценного.

Время близилось к 9 часам, и улицы все больше и больше наполнялись людьми, спешащими на работу – в этом городе торговых центров и магазинов рабочий день начинался с 9-10 часов. И правда, подумала Фатима, глядя на мельтешащих за окном людей, для чего открывать магазин в 7 или в 8? Неужели кто-то в такую рань пойдет за покупками? Но с другой стороны, все же хорошо, что некоторые магазины и торговые центры вообще работают круглосуточно, ведь всегда есть клиенты – такие как она, например – для которых сутки поделены так, как им самим этого хочется, а не так, как принято в обществе двуногих баранов.

Она снова взглянула на часы: 8.20. Ну, где же наш трудяга, неужели решил взять отгул? А может, заболел? Или все же забил тревогу и скрылся? Или его предупредили, а это значит, у господина Пупса неплохие связи. Все может быть, но только она так не думала, поэтому сидела совершенно спокойно и ела свой десерт. Она наблюдала за ним все время и не заметила ничего странного в его поведении, он не собирал вещи, не суетился, не вывозил за город свою «безопасную» жену. Нет, он ничего не знал, это было очевидно.

Но было и еще кое-что. Интуиция, развитая у нее как у опасного и сильного хищника. Фатима всегда слушала свой внутренний голос, и он не раз спасал ей жизнь и помогал выпутываться из самых опасных передраг. Вот и сейчас она прислушалась к тихому внутреннему шепоту и успокоилась – интуиция, голос Бога, как называла ее мама в далеком-далеком прошлом – говорила ей, что все хорошо, все в порядке, объект ничего не почувствовал, как антилопа при приближении львицы, крадущейся к ней против ветра. Была она похожа на львицу или нет, она не знала, но вот пухленький банкир явно походил на барашка или очень упитанную антилопу, потерявшую бдительность от постоянного обжорства.

– Давай же, – прошептал она, склоняясь над высоким бокалом с кофе, – где тебя черти носят?

И тут, как будто услышав ее призыв, к зданию банка подъехал и резко затормозил большой серебристый «Мерседес». Фатима разом напряглась, хотя на лице и позе это никак не отразилось, и пристально уставилась в окно, не сводя своих черных зорких глаз с серебристой машины и ее владельца. Несколько секунд машина просто стояла около главного входа, а потом дверь со стороны водителя открылась, и из нее появился здоровенный мужчина в черном пальто – охранник. Он постоял недолго, огляделся и направился к пассажирской двери, видимо решив, что его хозяину ничего не угрожает.

Ну и олух, думала про себя Фатима, глядя на эту пародию на охрану, как бы ни был умен господин Пупс, а с охраной он явно дал маху. Эти громилы – а всего у банкира их было трое – могли только напугать грозным видом и гипертрофированными мускулами, но их одинаково подстриженные под полубокс головы были совершенно пусты, в чем Фатима не раз уже убеждалась. Они не владели современными технологиями – она вообще удивлялась, как эти «получеловеки» могли освоить такое чудо техники как рация – ничего не смыслили в наблюдении и совершенно не знали, что такое осторожность и какие ловушки могут подстерегать их самих и босса, если вдруг кто-то захочет свести с ним счеты.

Впрочем, это было ей только на руку и очень облегчало работу, в логово банкира она пробраться не могла – по крайней мере, за то короткое время, которое собиралась провести здесь – но вот достать его вне дома оказалось проще простого. А ведь будь у него настоящая хорошая охрана – ей бы пришлось напрягать мозги куда сильнее. Да и сам господин Пупс, похоже, считал себя неуязвимым везунчиком, раз так беспечно подсаживался к незнакомкам опасного вида в ресторанах и спокойно подъезжал к главному входу в банк, хотя мог бы и сам додуматься, что напротив находится отличное высокое здание с удобной крышей, откуда обычно и стреляют в таких вот деятелей теневой экономики, как он.

Может, у него нет времени смотреть телевизор, с усмешкой подумала Фатима, или он думает, что такое только в кино показывают? А впрочем, ей было на это абсолютно наплевать, у нее было дело, а то, что сам объект облегчает ей задачу, ее только радовало. Все же, иногда надо и немного передохнуть, ведь все дела, которые она брала, отличались особой сложностью и риском, и ей приходилось изрядно попотеть. Но, как говорила когда-то ее мама, деньги не даются легко. А большие деньги – тем более, это уже она добавила от себя.

Конечно, она не собиралась терять форму и расслабляться, она знала, что следующее дело будет привычного для нее уровня трудности, иначе она просто не могла. Она была номером 1 и ни за что не хотела терять с таким трудом добытый авторитет и имя. А господин Пупс был всего лишь небольшим заслуженным отдыхом (и заработком, конечно).

Итак, громила открыл дверь серебристой машины, и на тротуар перед банком медленно вышел невысокий человечек в сером под цвет своего автомобиля пальто, держа в одной руке черный кейс, а в другой – сотовый телефон. А как же иначе, презрительно подумала Фатима, это же неотъемлемая часть образа делового человека – пальто, кейс и бесконечные переговоры по телефону. Ей иногда казалось, что все эти люди висят столько на телефоне просто потому, что так надо, а не по необходимости. Просто в обществе, где все должно быть строго по инструкции и стереотипам, деловой человек должен выглядеть именно так, а не иначе, а то потеряет свой статус и уважение собратьев по стаду, вот им и приходится постоянно таскать за собой кейсы и все время держать трубку около уха. Точно так же, как бабушкам, например, надо всегда ходить в платочке и с несчастным лицом – а то соседки не поймут.

Фатиме даже иногда казалось, что все эти переговоры иногда проходят по неработающему телефону или со своим же автоответчиком, равно как и старушки не обязательно несчастны на самом деле, и не всем им нравится ходить в платке. Вот уж точное выражение: весь мир – театр, а люди в нем – актеры, подумала она. В мире людей не было ничего настоящего, кроме неба над головой и земли под ногами, в этом Фатима убедилась еще ребенком и с тех пор, как могла, старалась не втягиваться и не участвовать в абсурдном спектакле под названием «Жизнь общества». Хотя, получалось не всегда, ведь она тоже жила среди декораций, а вокруг нее полным ходом шло представление, в котором ей была отведена самая удивительная роль – роль актера. Так что в то время, пока люди вокруг играли самих себя, она играла людей, каждый раз разных и каждый раз ни чем не похожих на нее.

Вот, например, последние пять дней она играла роль гламурной пустоголовой блондинки, снимая грим только на ночь, а до этого были десятки других ролей и будут еще десятки, пока она наконец не наиграется и не уйдет на покой... или отправится за кулисы этого мира на встречу с режиссером, затеявшим такой большой и такой пустой спектакль.

Завидев босса, охрана перед банком стала по стойке смирно, а один из громил открыл дверь и едва не раскланялся. Ни дать ни взять, дрессированные псы, танцующие на задних лапах при появлении хозяина. Не отнимая трубку от уха, человечек в пальто так же медленно и важно зашел внутрь, не удостоив своих громил даже взгляда, прибывший с ним качок еще несколько секунд постоял перед дверью и тоже вошел в банк. Вот и все, всего несколько минут, а ради них она встала в такую рань и притащилась в этот богом забытый город... хотя десерт все же стоил того.

Что ж, завтра в ее распоряжении будет всего 3-5 минут, пока громила будет осматривать площадь, а его коллеги перед входом будут расшаркиваться и открывать дверь. Все они вооружены, но это ровным счетом ничего не значит, в какой-то книге Фатима прочитала прекрасное изречение, являющееся правилом героев этого романа – убийц, таких же как она, только живущих в выдуманной реальности под названием Срединный мир. Их правило гласило: я целюсь глазом, стреляю разумом, убиваю сердцем. По-моему, это написал Кинг, вспомнила она, но это сейчас тоже не имело значения, главным было то, что если в словах героев его роман была

истина – а Фатима была в этом почти уверена – то она в совершенной безопасности, ведь у тех, кто охранял ее объект, не было ни сердца, ни разума.

Ну, подумала она, доедая свой десерт, завтра и проверим, не так ли? Она уже все продумала, оставались только детали, которыми ей и предстояло заняться сегодня. Поэтому она не стала терять время, как бы приятно ни было сидеть в теплом уютном помещении и маленькими глотками пить горячий кофе – сегодня у нее будет долгий день, а отдохнуть она еще успеет. Отодвинув пустой бокал, она подозвала официанта и расплатилась, совершенно не обращая внимания на красноречивые взгляды, которые он украдкой бросал на нее. Видимо, весело подумала она, надевая пальто, светлый парик не так уж сильно портит меня, а то после вечера в компании господина Пупса можно было и приуныть.

3

После теплого помещения день показался ей еще более холодным, ветер просто резал на куски, а мелкая колючая крупа, сыплющаяся с неба, неприятно царапала щеки. Да уж, подумала Фатима, кутаясь в воротник и шурясь от ветра, и как прикажете работать в таких условиях? Ждать пока погода придет в норму, перенести операцию? Больше всего она не хотела оставаться в Ростове еще на энное количество дней, да и не безопасно это было. Тогда придется либо надеяться на погоду, либо действовать по плану Б, как любили говорить в фильмах. План был, она всегда имела несколько запасных вариантов, но идея с крышей была самой легкой и безопасной. Да, но ты здесь не на курорте, строго напонила она себе, ты все-таки работаешь, значит, работай хорошо или не бери заказ вовсе.

Она расслабилась, это правда, этот надутый розовый увалень заставил ее почувствовать себя почти что в отпуске, а в ее деле это очень опасное состояние, и она это прекрасно знала. Поэтому отчитав себя, она твердо решила, что если к ночи погода не переменится, она будет действовать по второму плану, и никаких отговорок и отсрочек.

А сейчас ей надо было подготовить все необходимые детали, и начать она решила с последнего осмотра крыши и путей отхода после выполнения задания. Составив распорядок дня, она немного успокоилась и двинулась к проулку между бывшей гостиницей и следующим зданием, хотя злость на себя и на этого жирного банкира так до конца и не улеглась. Просто тебя раздражает город, сказала она себе, не спеша вышагивая по тротуару, поэтому ты так нервничаешь, а еще эта погода, ненавижу холод!

Проулок между зданиями был узкий, но места для автомобиля было вполне достаточно. Он тянулся на всю ширину здания бывшей гостиницы темным каменным коридором, который упирался в высокую бетонную стену. С тротуара могло показаться, что дальше ничего нет, кроме этого тупика, но пройдя по грязному замусоренному асфальту проулка, Фатима обнаружила резкий и совершенно незаметный поворот направо, напоминающий букву Г. Вдоль стен стояли мусорные баки, доверху забитые всяким хламом, со всех сторон высились здания, так что в проулке царил постоянный полумрак. Зато и ветра нет, отметила про себя Фатима, и этот факт ее очень радовал. За поворотом оказался такой же коридор, только на этот раз тупик в его конце был настоящим. Свернув в этот коридор, она оказалась как раз за зданием бывшей гостиницы, оставалось оглядеться и тщательно все продумать и решить. Зайдя за угол, чтобы с тротуара ее не было видно, Фатима начала еще раз детально осматривать место.

Да, тупик в конце был настоящим, всё так. С этой стороны в здании не было ни одного окна, что очень ее радовало, зато с крыши спускалась узкая металлическая лестница. Лучше и быть не может, радостно подумала она, хотя что-то в этом деле ей как-то слишком везло, все было слишком гладко. Впрочем, не слишком – в дальнем конце здания, почти у самой тупиковой стены она видела дверь, а подойдя поближе в один из дней, поняла, что это служебный вход в кофейню. Значит, не так уж тут и спокойно, ведь такому заведению постоянно что-то нужно: то закончились пирожные, то ингредиенты для приготовления десертов, то еще что-нибудь. Да, не так все легко, как хотелось, но это пустяки, она выполняла задания и потруднее, а с такой ерундой мог справиться даже новичок.

Напротив здания у бетонной стены стояли большие мусорные контейнеры прямоугольной формы с откидной крышкой. Неужели кофейня дает столько отходов, удивилась она, в такой ящик дажедохлый слон поместится! Оглядевшись еще раз, Фатима убедилась, что выход здесь только один – обратно на площадь, что никак ее не устраивало, она не могла светиться, а тем более спокойно выйти из проулка за зданием, с крыши которого только что убили человека. Значит, надо было найти другой способ убраться отсюда. Она задрала голову и посмотрела на соседние крыши, с земли ей казалось, что все они расположены почти впри-

тык. Сейсмологи и пожарные были бы явно недовольны, с улыбкой подумала она, но вот ее это как раз очень устраивало. И чтобы в последний раз проверить свой план, ей надо было подняться на крышу.

– Этим я сейчас и займусь, – промурлыкала она и двинулась к лестнице, оканчивающейся на уровне примерно двух метров над землей. Она уже приготовилась прыгнуть и подтянуться. Как вдруг за спиной раздался удивленный мужской голос.

– Вы что-то ищете?

Черт! Ну почему никогда все не бывает гладко? Только дошла до места, да еще и такого тихого и безлюдного, как тут же что-то возникает и мешает ее планам. Ну ничего, нет непреодолимых препятствий, есть слабый характер – это было еще одно правило жизни, открытое Фатимой в самом начале карьеры, и она твердо верила и строго придерживалась его. Именно поэтому она тут же нацепила маску: глуповатая и немного виноватая улыбочка появилась на ее лице еще до того, как незнакомый голос закончил фразу; взгляд из острого и беспощадного тут же стал пустым и доверчивым, а приготовившиеся к прыжку мышцы в мгновение ока ослабились, делая движения манерными и неуклюжими.

– Ой, вы так меня напугали! – к молодому темноволосому мужчине в форме частной охраны повернулась совсем другая женщина, не беспощадная убийца, а глупенькая кокетка, которую застукали при попытке совершить очередную нелепость.

– Что вы здесь делаете? – молодой охранник оглядел нарушителя и, похоже, заметно расслабился, – эта дверь, – он кивком указал на черный ход кофейни, – предназначена только для персонала. Вы – персонал?

– Кажется, нет. – Блондинка растерянно захлопала глазами и начала нервно покусывать ноготь, исподлобья глядя на охранника.

По лицу молодого человека было видно, что он изо всех сил старается сохранить серьезное выражение лица и строгий тон, но светлые волосы и наивный взгляд нарушительницы явно располагали к менее формальному общению. Еще немного и он начнет флиртовать, не без неприязни отметила Фатима.

Все мужчины одинаковы, думала она, накручивая светлую прядь на палец и посылая в охранника стрелы своими черными глазами, 90% из них – животные, которых почти не коснулся процесс социализации. И пускай ходят они не голышом и не едят сырое мясо, но зато, стоит им увидеть самку, как инстинкты тут же берут верх. А что самое смешное, в большинстве случаев они даже не допускают мысли о том, как ловко и умело женщины играют на этих инстинктах, заставляя их выделять самые замысловатые трюки, как дрессировщик в цирке заставляет львов прыгать через огненные обручи и танцевать на барабанах. Что ж, зато, благодаря им, многое становится проще и легче, подумала Фатима, не раз использовавшая свою внешность для достижения цели.

– Ну, если вы не персонал, – парень в форме явно держался из последних сил, – тогда что же вы здесь делаете? Достопримечательностей тут, вроде бы, нет, – сострил он, с самодовольным видом разглядывая незнакомку.

Само очарование, сдерживая смех, подумала Фатима, просто какой-то сгусток харизмы!

– Ну... я..., – она замялась, опустив глаза и продолжая покусывать длинный наманикюренный ноготь, – мне так стыдно, что вы меня поймали! Я всегда попадаю в самые нелепые ситуации! Я в этом деле чемпион.

Она снова подняла глаза, в которых светилось столько невинности и смущения, что последняя оборона молодого человека рухнула. Теперь он уже не сдерживал улыбку, и Фатима отметила, что улыбка эта просто до отказа наполнена чувством собственного превосходства. А как же иначе, ведь он великий и сильный Мужчина, хозяин этого мира, а она всего лишь маленькая глупая женщина, 24 часа в сутки только и мечтающая о сильном и смелом самце вроде него. Она глупышка со светлыми волосами – которые так обожают все сильные самцы –

и большими пустыми глазами, ждущая когда ей скажут, что и как надо делать в опасном мире больших и сильных мужчин. К тому же, она женщина, которую застали врасплох, а это ли не повод для настоящего Мужчины показать «кто в доме хозяин»?

– С этим мы потом разберемся, – с той же мерзкой улыбочкой проговорил охранник, – а сейчас я все-таки хочу узнать, что привело вас сюда. Не считите за наглость, это моя работа.

Говоря это, он буквально пожирал глазами стройные ноги и милое личико девушки, думая про себя, что наконец-то Бог смиростивился и послала ему подарок. Причем, именно такой, какой он просил: блондинка с явно немаленькой грудью – насколько позволяла судить дубленка, надетая на девушке – с прекрасными большими глазами и, что самое важное, с маленькими мозгами. Все так, как он и хотел!

Сейчас они покончат со всеми глупыми формальностями – он не должен давать слабину, такие дамочки любят твердых мужиков – а потом он пригласит ее куда-нибудь после работы и с удовольствием послушает ее щебетание о том, почему ее прозвали Чемпионом по смешным ситуациям. Готов спорить, думал молодой охранник, эта куколка пару раз забывала надеть трусики в школу, а уж в том, что во время первого сексуального опыта мама или папа вернулись с работы в самый разгар, он и не сомневался.

– Итак, я жду. – И он скрестил руки на груди, глядя на девушку почти по-отечески, хотя она явно была его ровесницей.

– Ну... я не знаю как сказать, – красotka продолжала кривляться и покусывать ноготь, отчего у молодого охранника перед глазами поплыли весьма смелые картинки, на которых его новая знакомая также нежно касалась губами.... – Ммм... в общем я искала туалет... я гуляла, а на улице холодно, вы понимаете, когда холодно всегда часто хочется в туалет по-маленькому... ну или, может, только женщинам хочется. Боже, что я опять говорю!

– Короче, вы не нашли на улице туалет, и решили отлить прямо здесь? – охранник уже смеялся вовсю, но при этом был явно удивлен. – Вы это хотите сказать?

Вместо ответа блондинка опустила глаза и виновато закивала головой, скорчив стыдливую гримаску, а охранник, уже не имея сил сдерживаться, рассмеялся во весь голос.

– Теперь-то вы понимаете, почему меня называют Чемпионом по нелепостям и смешным случаям?

– О, этот титул вы носите по праву! – давась от хохота, проговорил молодой человек, – сколько тут работаю, еще никогда такого не видел!

Он продолжал задыхаться от смеха, совершенно не замечая, как на секунду изменилось лицо стоящей перед ним девушки, как глупый взгляд в миг стал резким и презрительным, а губы сжались в тонкую линию, когда беспощадный взгляд черных глаз скользнул по его шее. Завтра ты уже не будешь так смеяться, сладенький, подумала Фатима, с удовольствием представляя, как свернет шею или вскрыет артерию мистеру Великому Самцу. Только бы ты завтра работал, прошептала про себя девушка, и ее лицо тут же приняло прежнее выражение.

– Не смейтесь надо мной! – капризно сказала она, почти прохныкала. Парни вроде этого молодого осла любят, когда самочки разговаривают таким голосом, это придает им уверенности в себе.

– Не буду, – справляясь со смехом, сказал охранник, – но при одном условии.

– Каком же? – она кокетливо хлопала глазками, думая про себя: попался, болван. Она прекрасно знала, что будет дальше, знала наперед все его фразы и «гениальные» ходы, потому что такие, как он никогда не смотрят в глубь. Они так уверены в своей силе и непобедимости, так погружены в самолюбование и самовосхищение, что никогда не потрудятся заглянуть за ширму и всегда всех недооценивают. Особенно женщин. Хотя, как показывала жизнь, большинство женщин было им под стать, отличаясь только более развитой хитростью. А хитрость, как известно – ум дураков.

– Так какое же условие? – спросила она, всем своим видом показывая, что совсем не прочь забыть эту нелепую ситуацию за бокалом вина или хотя бы чашечкой кофе. – Не томите, а то я начинаю нервничать!

– Ну, думаю, условие самое очевидное, – пафосно произнес охранник, – девушке с такими красивыми глазами мужчины могут двигать только одно условие: вечер вдвоем в уютном кафе. И забудем об этом смешном случае, мм?

– Ну-у, – она специально ломалась, так было принято себя вести всем порядочным самочкам в обществе самцов, хотя оба прекрасно понимали, что условие полностью устраивает обе стороны. – Обычно я не знакомлюсь с парнями на улицах... а тем более не хожу с ними на свидания... но, похоже у меня просто нет выбора. – И она ослепительно улыбнулась молодому кобелю.

– Похоже, что так. – Согласился он и тут же протянул руку, – Антон, рад с вами познакомиться.

– Катя, – кокетливо ответила она, стараясь не сжимать протянутую руку слишком сильно, ведь самочки не привыкли пожимать рук. – И не смотря ни на что, я тоже рада нашему знакомству.

Она опустила глаза и нанесла решающий удар:

– Вы такой милый! Если бы на вашем месте был кто-то другой, я, наверное, повесилась бы от стыда в этот же вечер! И потом, знаете, мои подруги всегда говорят, что самые неожиданные знакомства обычно кончаются романтикой.

Охранник Антон, который ненавидел женскую трескотню так же сильно, как и жизнь без секса, подумал, что иногда и сборище пустоголовых телок приносит какую-то пользу. Неужели и ему наконец-то свезло?! Вот и на моей улице праздник, подумал он и полез в карман форменных брюк за телефоном.

– Ваши подруги абсолютно правы, – сверкая самой обаятельной своей улыбкой, ответил Антон, – и потом, под ваши чары просто невозможно не попасть! – при этих словах его новая знакомая прикрыла ротик ладошкой и захихикала, а Антон поздравил себя с очередной победой. – Ваш телефон?

– Ой, с телефоном не получится, – расстроено ответила девушка, – я тут с родителями в гостях, поэтому звонить мне никак нельзя. Я же должна быть пайнкой, понимаете?

Антон, до 23 лет отдыхавший только в обществе родителей, сочувственно кивнул, заметно погрузнев. Однако он еще не сдался, ведь девушки, отдыхающие с родителями, как правило, очень любят тайные приключения, сама мысль о том, что они нарушают все запреты под носом у предков, похоже, приносит им гораздо больше наслаждения, чем те же развлечения в компании друзей.

– Но я совсем не против немного повеселиться, – как будто прочитав его мысли, сказала красotka, – тем более с таким симпатичным молодым человеком. Да и выбора у меня нет. – Как бы спохватившись, добавила Катя, многообещающе улыбаясь молодому охраннику. У Антона тут же подскочило настроение. Если она не прекратит так улыбаться, подумал он, то подскочит не только настроение. Эта «примерная доченька», похоже, открыто намекает, что в кафе наш вечер точно не закончится!

– Я предлагаю вот что: назовите время и место, я приду, и мы сможем отлично провести время. Что скажете?

– Скажу, что нам пора перейти на «ты». – Катя улыбнулась и кивнула, явно довольная, – а в остальном, раз выбора нет и позвонить я не могу, тогда давай встретимся около кофейни в 7 вечера. Сможешь?

– В принципе, да, – ответила Катя, прикидывая что-то в уме. Наверное, уже придумывает отмазку, решил Антон. – А пораньше никак? А то предки, сам понимаешь.

– Если бы я не работал, все 24 часа – твои. Но завтра я работаю до 5, пока приеду домой, переоденусь, – он обворожительно улыбнулся, – все-таки на свидание иду. Тем более с такой красавицей! Я же не могу ударить в грязь лицом и прийти как чучело!

– Ну, тогда подходит. – Кивнула Катя, а потом добавила, – могли бы встретиться в другой день, когда ты не будешь работать, но я послезавтра уезжаю. Так что не до гулянок будет. Сборы, родственники, прощания, – она закатила глаза, – в общем, сплошная фигня. Надо хоть напоследок оторваться как следует. Значит завтра в 7?

Антон кивнул и улыбнулся.

– Тогда до встречи! – Фатима бросила последний быстрый взгляд на проулок и крыши соседних зданий, а потом повернулась и быстрой походкой зашагала в сторону улицы.

– До встречи! – крикнул ей вдогонку охранник, – только точно приходи!

Можешь быть спокоен, болван, прошептала Фатима и вышла из проулка. Впереди еще было много дел.

Площадь располагалась в самом центре города, и улицы, отходившие от нее в разные стороны, были самыми первыми улицами этого города, самыми старыми. Конечно, за годы почти все они претерпели огромные изменения, но одно осталось неизменным – центр считался самым престижным и самым оживленным районом, так что здания здесь, как и в старину, стояли почти впритык, разделенные узкими проулками, а то и вовсе соприкасаясь стенами. Именно это обстоятельство так радовало Фатиму, значительно облегчая ей дело – крыши зданий в большинстве своем были плоскими и так близко подходили друг к другу, что по ним можно было спокойно гулять, совсем как по улицам. С той лишь разницей, что иногда приходилось бы перешагивать маленькие пропасти, не больше 50 сантиметров в ширину. Но это даже нельзя было назвать помехой или неудобством, поэтому, осмотрев крыши с улиц, по которым она прогуливалась после встречи за зданием старой гостиницы, Фатима пришла к выводу, что лучшего способа для отхода и быть не может. Тем более, что каждое здание имело пожарную лестницу, по которой она легко могла спуститься на землю и продолжить свой путь, как ни в чем не бывало вдали от банка и мертвого банкира. В некоторых зданиях, правда, вход на крышу находился внутри, но таких было немного, да и потом она всегда могла пройти еще немного и спуститься подальше. В ее случае расстояние играло положительную роль – чем дальше от места убийства, тем лучше.

Проходя мимо старых зданий, она внимательно разглядывала крыши, совершенно не опасаясь привлечь к себе много внимания – даже не смотря на холодное время года, по улицам бродило достаточно туристов, задирающих головы и восхищенно разглядывающих лепнину и замысловатые водосточные трубы. Так что, при должном выражении лица, она вполне могла сойти за еще одну приезжую ценительницу старинной архитектуры. Гуляя по замерзшим улицам, Фатима ничего не упускала, внимательно отмечая наличие проулков и дворов, но вот заходить в них она не стала – в это утро уровень ее толерантности к кретинам заметно понизился, а впереди еще весь день и немало встреч с другими кретинами. Надо было оставить немного терпения и на их долю.

А пока его смерть бродила по улицам города, Виталий Мухин, больше известный как Колобок, уже полностью погрузился в работу. Процесс зарабатывания денег, все равно что капризная женщина – постоянно требует внимания и заботы, занимая все мысли и действия, и стоит хоть ненадолго отвлечься, как эта красотка тут же найдет себе другого. Виталий, к 27 годам уже сколотивший приличный капитал, лучше других знал об этом, поэтому, приходя на работу, он никогда не тратил время на долгие беседы с секретаршей и утренний кофе, вместо этого он сразу же включался в работу. С самого утра и до позднего вечера телефон Виталия ни на секунду не замолкал, а сам бизнесмен под конец дня так уставал, что каждый вечер мечтал бросить все и уехать жить на какой-нибудь живописный остров в Тихом океане, прекрасно

зная, что никогда не уедет. Деньги – это тоже наркотик, причем самый сильный из всех, потому что эта зависимость не только не поддавалась лечению, более того, считалась очень уважаемой и престижной в обществе. А Виталий подозревал, что уже родился денежным наркоманом.

Сколько он себя помнил, добыча материальных благ всегда была смыслом его жизни, так что еще в детском саду он уже довольно успешно обменивал свои игрушки на игрушки своих друзей и сверстников, причем всегда с выгодой для себя. И эта коммерческая жилка была единственной его составляющей, которой он мог гордиться – природа обделила его и красотой и здоровьем. В 6 лет он начал набирать вес, хотя никогда не страдал обжорством, сердце не справлялось с таким большим телом, поэтому он стал задыхаться при малейших нагрузках, что, конечно же, тоже никак не способствовало росту популярности среди подростков.

Но на этом его беды не закончились, в 17 лет он начал лысеть, к 20 годам превратившись в толстого лысого коротышку с одышкой и дряблыми мышцами. Он не только выглядел старше, он и чувствовал себя зрелым и мудрым человеком, веселье и задор молодости прошли мимо него, как и свидания и шумные гулянки с друзьями. У Виталия никогда не было друзей, а девушки не обращали на него никакого внимания, так что единственным другом и единственной его любовью стали деньги – они охотно шли к нему и никогда не смеялись над его недостатками. А скоро он понял, что деньги действительно намного лучше всех друзей и подруг, ибо деньги могли творить настоящие чудеса, превращая гадкого утенка, каким он всегда был, в настоящего принца. Отныне у него были самые красивые спутницы и любовницы, а его вечеринки всегда проходили при полном аншлаге – столько у него появилось «друзей». Он ездил на дорогих машинах и носил дорогую одежду, он больше не был пустым местом, все здоровались с ним и уважительно беседовали, у него был широкий круг знакомств и прекрасные связи, и все это только благодаря деньгам. Его жизнь изменилась, но Виталий остался прежним, в его душе навсегда застыла злость, ненависть и недоверие к людям, так как в глубине души он прекрасно понимал, что его по-прежнему никто не любит, а девушки спят с ним только из-за денег. Потому что он все еще тот самый толстый и лысый урод, и не будь у него солидного счета в банке никто не стал бы даже разговаривать с ним.

Но, как любила повторять его матушка, такая же толстая свинья, если судьба что-то забирает, она всегда что-то дает взамен, и Виталий быстро понял, чем судьба заменила его внешность и здоровье. И если умение зарабатывать деньги, это то, за что его ценят окружающие, значит, он просто обязан зарабатывать их как можно больше, ведь любви, как и денег, много не бывает. Так решил Виталий, так он и поступал, постепенно превращаясь во все более холодное и озлобленное существо. Он упивался своими возможностями, получая ни с чем несравнимое удовольствие от унижения других, причиняя людям боль, втапывая их в грязь. Он мстил им за те годы, когда все окружающие издевались над ним, и, одержав очередную маленькую победу, он с радостью и гордостью думал о ней, прокручивая в голове снова и снова.

Закончив порцию утренних дел и сделав все необходимые на этот час звонки, банкир, известный в Ростове как Колобок, попросил принести ему кофе и откинулся в кресле, позволяя себе хотя бы эти несколько минут не думать о делах. Он обожал устраивать себе такие маленькие перерывы, хотя получалось довольно редко, но зато, когда получалось, это был настоящий праздник. Конечно, кофе совсем не то, что нужно его слабому сердцу, а зефир в шоколаде никак не способствует улучшению его и без того не идеальной фигуры, но в такие моменты его это совсем не волновало. Он много работает и имеет право на маленькие слабости, пусть и не совсем полезные для здоровья. Да и потом, какая разница! Деньги ведь творят чудеса, так что если он и почувствует себя плохо, с его-то средствами всегда найдется доктор, способный вылечить что угодно, лучшие клиники мира и самые новейшие разработки – все для него, только плати.

Успокоив себя таким образом, Виталий устроился в кресле поудобнее и принялся маленькими глотками пить обжигающий кофе, который его секретарша варила, похоже, лучше

всех в мире, не забывая и про свой любимый зефир. Блаженство, подумал он, даже не подозревая, что наслаждается последним в своей жизни перерывом, последней чашкой кофе, последний раз зефир в шоколаде портит его фигуру.

И по иронии судьбы, в свой последний перерыв Виталий думал о той, кто меньше чем через сутки лишит его возможности устраивать себе короткие утренние праздники. Раз за разом он прокручивал в голове тот вечер в ресторане и, как всегда, восхищался собой. Эти мысли были отличным дополнением к утреннему кофе, без них его перерыв никогда не был бы таким приятным, так что у него давно вошло в привычку пить кофе с зефиром и закусывать собственными победами и величием.

Как же он блеснул в том ресторане, так красиво и тонко отшив ту красотку с обжигающими черными глазами. Он был просто великолепен! Чего стоили только ее блестящие от ярости и разочарования глаза! Ха, аферистка? Какой там! Просто еще одна красавица, по своей женской тупости думающая, что все мужики – кретины, стоит только увидеть смазливую мордашку и большие сиськи – и дело в шляпе. Не на того нарвалась, кошечка! Он-то за версту чувствует таких вот шлюшек, думающих, что они такие интересные и умные роковые женщины, способные жить за счет богатых, но бестолковых мужиков. Небось, слышала, что в том ресторане бывает богатая публика, и села там в засаду, накопив денег хотя бы на сок и взяв платье в прокате.

Да, уж он прекрасно знал такие вот жалкие уловки, сам неоднократно становился мишенью, но никогда не позволял подобраться к себе слишком близко. А вообще, он считал, что ничего нет лучше и приятнее, чем посадить на место такую вот «роковую женщину», пусть не думают, что всех вокруг можно водить за нос своими глупыми и смешными сказками. И как же он взлетал, замечая, что с ним флиртует очередная красотка, ведь раньше они на него и смотреть не хотели! Женщины все по природе шлюхи – виснут только на богатых и на красивых, причем на красивых, но небогатых, намного реже, чем на богатых, но некрасивых. Виталий ненавидел женщин, особенно красивых, и никогда не упускал возможности отомстить им за все зло, которое они, по его мнению, причиняли миру. Да, он был женат, но его жена была просто тупым куском мяса, инкубатором для взращивания потомства и ничем более, так что, то, что плохо знающие его люди принимали за верность или даже любовь, было не чем иным как ненавистью и презрением ко всему женскому роду.

Смерть? Виталий никогда не задумывался о смерти и никогда ее не желал, даже в те трудные годы, когда все смеялись над ним, а он не мог ничем ответить. Нет, даже тогда он не желал смерти, желал он только одного – мести. И теперь, став влиятельным и уважаемым человеком, он продолжал отрицать смерть, считая ее абсолютно бесполезной и пустой выдумкой природы. Даже своим врагам он не желал смерти, наоборот, он всегда желал им долгой жизни, чтобы они в полной мере могли оценить его силу и мощь, после того как он одержит над ними победу. А вот враги желали ему смерти. Еще как! В своем желании они зашли так далеко, что наняли киллера, не просто хорошего, лучшего и самого дорогого, и теперь смерть Виталия Мухина, более известного как Колобок, бродила по улицам его города, давая ему последнюю возможность насладиться жизнью.

И он наслаждался, даже не подозревая, что проживает последние часы своей, по большому счету, несчастной жизни. Молодой банкир, привыкший думать, что смерть – это то, что происходит с другими, не мог даже и помыслить о том, что еще несколько дней назад пил шампанское и флиртовал с ней. Смерть где-то далеко, где-то за седыми облаками в самом конце долгой жизни, так он всегда считал, никогда не задумываясь о том, что жизнь и смерть всегда ходят за руку, они всегда рядом. Смерть всегда вокруг людей, она всегда на страже, она – выпивший вчера и потому невнимательный таксист, она – недобросовестный работник общепита, она – ревнивый муж и неуклюжий строитель, уронивший кирпич с высоты, она всюду, в тысячах лиц и событий, окружающих нас каждый день. И порой люди даже не подозревают,

что уже идут рука об руку с ней, вдыхают ее вместе с облаком смога и сигаретного дыма, пьют ее из красивых бутылок, глотают ее с таблетками и вводят в вены с уколами. Люди ищут ее, несмотря на страх перед ней и упорное ее отрицание, они зовут ее, они торопят ее каждым злым словом, каждой выкуренной сигаретой, каждым подлым поступком. И она приходит на их зов, всегда внезапно и тихо. Словно хищный зверь, она подкрадывается к своей жертве и ждет, а когда приходит время, она наносит удар. Иногда она милосердна, иногда жестока, но итог всегда один – конец отсчета и начало нового пути.

Сидя в своем уютном кабинете и наслаждаясь кофе и своими победами, Виталий не слышал тиканья часов, отсчитывающих его последние минуты. Он был счастлив и не думал о плохом, с надеждой и уверенностью глядя в будущее. И в этом, возможно, заключается самая благородная и самая милостивая сторона смерти – она никогда не раскрывает своих карт. Был бы он так же горд собой, зная, что больше ни одна красавица не будет флиртовать с ним? Был бы кофе таким же вкусным, а зефир таким нежным, если бы он точно знал, что ест и пьет в последний раз?

В тот вечер смерть пришла за ним, но не для того чтобы забрать. Она поиграла с ним, как кошка с мышкой, она позволила ему вырваться из ее когтей, точно зная, что никуда он от нее не денется. Она позволила ему заблуждаться и последние часы жизни провести в радости и гордости за себя. Но она не отступила, она никогда не отпускает свою жертву, никогда не отпускает тех, на кого легла ее печать. Смерть, старуха с косой, приняла облик красивой девушки и пришла за ним, чтобы увести его в свое темное царство. Она принимала тысячи обликов и разыгрывала тысячи и тысячи сценариев, но всегда доводила дело до конца.

И пока довольный Колобок наслаждался последним в своей жизни перерывом, смерть в обличье Фатимы уже кружила по улицам, подстерегая свою жертву, дожидаясь своего часа.

Было уже далеко за полночь, когда девушка, которую немногочисленные соседи знали как Катерину Давыдову, вернулась в свой коттедж. Несмотря на усталость, она была довольна собой и пребывала в прекрасном настроении от того, что наконец-то заканчивает дело и уже завтра сможет покинуть этот ненавистный город. Первым делом она включила телевизор внизу и сделала его погромче. Она не любила смотреть новости и прочие передачи, где собирались представители бараньего стада и строили из себя гигантов мысли, сообщая прописные истины с таким величием, словно открыли важнейшие законы вселенной или Создатель вдруг спустился с небес и лично передал им Истину. Нет, она предпочитала музыкальные каналы, но только тогда, когда была в хорошем настроении, в остальных случаях она любила тишину. Тихонечко подпевая какой-то очередной клонированной блондинке, которая противным голоском столала бессмысленную попсовую песенку, Фатима не спеша разделась и, пританцовывая, направила в душ. Там, стоя под горячими струями, она продолжала напевать, пока песня не кончилась, и не началась другая, незнакомая ей.

Вот она прелесть загородного дома, с улыбкой думала она, нежась под горячей водой, можно посреди ночи врубить музыку, и все равно никто не услышит. Делай, что хочешь, будь сама себе хозяйкой! Именно так она понимала жизнь, поэтому-то и сняла этот симпатичный домик вдали от людей и шумных дорог. Спешить ей было некуда, поэтому сейчас она позволила себе подольше постоять под упругими горячими струями, наслаждаясь ароматом геля для душа и шампуня.

– Имею право, – прошептала она, закрывая глаза и раздувая густую пену, – я хорошо поработала, могу позволить себе удовольствие.

Пробыв в ванной почти час, Фатима вышла, накинув на себя пушистый махровый халат и довольно улыбаясь. Вот что может поднять настроение любой представительнице прекрасного пола, подумала она, спускаясь вниз и делая телевизор потише, часок в ванной – и ты чувствуешь себя королевой.

Пока заваривался чай, она собирала вещи, аккуратно складывая их в чемодан. Собственно, она даже не успела распаковать их, поэтому сборы не заняли много времени, оно и к лучшему, у нее еще были дела, а час уже поздний. Сложив все и еще раз тщательно проверив, она поднялась наверх в свою спальню и оставила в ванне только смену белья на утро и то, что собиралась завтра надеть. Блондинистый парик она тоже не стала убирать далеко, хотя утром она покинет дом совершенно в другом образе. Вот бы соседи удивились, подумал она. Да, но эти курицы и петушки не увидят ее, что для них же лучше, свидетелей она не любила и никогда не оставляла. Она уедет еще до рассвета, неся в руках не только чемодан с вещами, но и дорогой черный кейс, который она привезла с собой и хранила в подвальчике. В этом кейсе она хранила то, что привыкла называть «моя опасная подруга». Эта подруга сопровождала ее во многих поездках, и завтра рано утром она покинет свое укромное убежище, чтобы выйти на сцену и сыграть свою роковую роль. Фатима уже перенесла ее из маленького подвальчика под кухней в свою спальню и теперь, разобравшись с вещами, чистила и смазывала ее с такой любовью и нежностью, словно ласкала любимое дитя.

– Завтра, подруга, – приговаривала она, нежно проводя маслянистой мягкой тряпочкой по разобранным частям винтовки, – завтра ты должна поработать. И хорошо поработать. Впрочем, ты ведь никогда не подводила меня, не подведи и завтра.

Черный металл мягко поблескивал в свете люстры, как будто соглашался со словами своей хозяйки, выражая готовность в очередной раз сделать свое дело.

– Ты не подведешь, я знаю. – Фатима закончила смазывать оружие и бережно уложила его обратно в кейс, – теперь отдыхай. А завтра будь самой смертью в моих руках.

С этими словами она закрыла кейс и пошла в ванную. Там она сначала вымыла руки, а потом еще раз пробежала свежим взглядом по комнате – не осталось ли забытых вещей. Теперь ей оставалось только одно дело, самое приятное, и она не стала откладывать его на завтра. Закончив приготовления, она забралась в постель со своим ноутбуком, который везде возила с собой. Он тоже являлся необходимой частью ее бизнеса, но, в отличие от «маленькой опасной подруги», он был единственной связью своей хозяйки с окружающим миром: именно через электронную почту она вела все переговоры и получала заказы, расчет тоже шел через интернет – только так она могла сохранить в тайне свою личность и лицо.

– Что день насущный нам готовит, – прошептала Фатима, открывая свой почтовый ящик. В разделе «имя» она быстро набрала свой адрес, который трудно было узнать, но на этот адрес приходило множество заказов. И только на одно письмо из 20 она отвечала, и то очень часто, узнав дело, она отказывалась от него. Причин было много: слишком большие запросы (как будто она супер-герой из фильма, а не обычная живая девушка); маленький гонорар; слишком удаленное место операции (она никогда не брала дела в маленьких городках и деревнях, где люди всех и всё знали и пристально следили за всем от скуки); а то и просто откровенные ловушки.

Таких вот писем с ловушками приходила ровно половина, и Фатима сразу же удаляла их, недоумевая: неужели некоторые до сих пор считают ее настолько глупой? Неужели они думают, что свою репутацию она заработала с помощью газет или эфирных часов в прайм-тайм, что настолько ей не соответствует? Она ведь не какая-нибудь пустозвонная телезвезда, она ведь не ходит по передачам и не предлагает свои услуги, одновременно расхваливая себя. Нет, она работает в тени, а то, как она работает, ценят уже сами люди! Поэтому-то она и носит гордое звание лучшего специалиста, это звание ей дали клиенты, даже не зная ее лица и возраста, она не выиграла его в конкурсе и не получила ленту с такой надписью из рук какой-нибудь шишки в погонах! Так почему же эти глупые письма продолжают поступать на ее адрес с постоянством, с каким приходит только смена времен года или времени суток!

Ну что это такое, с презрением подумала она, открывая почтовый ящик: «Очень важное и **ОЧЕНЬ** прибыльное дело. Подробности **только** при личной встрече, так как дело государ-

ственной важности»?! Смешно. Если уж человек пошел так далеко и узнал ее электронный адрес, он не мог не узнать, что она никогда ни с кем не имеет «личных встреч», и уж тем более никогда не занимается «делами государственной важности», она ведь не какой-нибудь агент госбезопасности, слава Богу! А что касается денег, она уже давно в них не нуждается, так что, это третья и очень большая глупость: считать, что она клюнет на такую простую наживку, как несколько сотен тысяч бумажек другой страны.

Прошли те времена, когда она бралась почти за любое дело, *почти*, потому что даже в самом начале своей карьеры она была осторожна и избирательна, поэтому не только дожила до 24 лет, но и стала очень известной в своем деле. Но если раньше она могла согласиться и взять заказ, если угрозы не было, а платили хорошо, то теперь она могла позволить себе отказаться только потому, что ей просто не хотелось лететь куда-то или не нравился стиль обращения заказчика. Да, она стала дорогой и капризной, и вполне заслуживала небольших привилегий после столь напряженной работы и борьбы за свой авторитет.

Я-то без работы не останусь, рассуждала она, а вы как хотите, вам решать: либо будет работать лучший специалист, и все пройдет гладко, либо продолжайте выпендриваться дальше и нанимайте, кого попало, только потом не сетуйте, что деньги сэкономили, а головную боль нажили. В конце концов, она богата и может себе позволить вообще послать всю эту клоаку подальше и прекрасно прожить жизнь где-нибудь в теплой стране, нежась под пальмами и потягивая коктейли. Она точно знала: придет такой день и она уйдет, но тот день еще не пришел, ей было все еще интересно заниматься этим делом и она все еще отлично держала позиции, ведь она была молодой и сильной, так что теперь она работала просто ради удовольствия, выбирая то, что покажется ей интересным или укрепит авторитет.

Смерть – это наука и искусство, и она с удовольствием постигала ее тонкости и тайны, с каждым разом узнавая что-то новое и все больше очаровываясь ею. Смерть всегда поражала и восхищала ее, потому что, как она ни старалась, она так и не могла понять ее природу и сущность. Что такое смерть? Для чего она? Куда уходят люди после смерти и что чувствуют, переходя из мира живых в мир мертвых? Чувствуют ли они приближение конца? Видят ли, как выглядит смерть, узнают ее? Все эти вопросы волновали ее с самого детства, но сколько бы человек она ни отправила на тот свет, она так и не получила ответа ни на один. Смерть продолжала оставаться тайной, как и сама жизнь.

Одно Фатима поняла – она лишь орудие в руках смерти, она ничего не решает, как и те, кто платит ей деньги за смерть. На самом деле решает только судьба или сама старуха с косой, за кем, как и когда она придет, и никто другой. Некоторые работают на жизнь, она – на смерть. Ее босс и покровитель – нечто, что люди изображают в виде скелета с косой, но на самом деле эта сущность не имеет лица, или имеет множество лиц, она прячется и остается в тайне, как и все ее слуги. Такие, как Фатима. Именно смерть дает ей возможность получать все эти деньги, смерть платит их ей, а не заказчики, поэтому она не могла не преклоняться перед ее величием, не могла не восхищаться ей.

В конце концов, смерть придет и за ней, когда кончится время контракта, который они заключили где-то на небесах, еще до ее рождения. Смерть не знает пощады, она забирает своих сотрудников точно так же, как и всех остальных, совершенно не делая скидок. Интересно, подумала Фатима, глядя далеким задумчивым взглядом на светящийся экран ноутбука, на какой срок подписала контракт я?

Из оцепенения ее вывел резкий гудок проносащегося мимо грузовика, ездили они не часто, но если уж появлялись, то непременно ставили в известность всю округу. Тряхнув головой, девушка протерла глаза и снова погрузилась в разбор почты. Итак, что мы имеем, сказала про себя она: 8 писем, 5 из которых можно удалять, даже не читая, а вот еще три можно и почитать.

В одном она нашла признание в любви от какого-то сумасшедшего недохакера, его она тут же удалила, в двух других ей предлагали работу. Внимательно изучив оба письма, Фатима выключила ноутбук, а затем и свет, и легла в постель. Настроение и без того хорошее стало просто отличным. Ей предлагали два дела, оба хорошие, оба в больших городах, оба очень прибыльные и, что самое главное, после исполнения оба дела стали бы настоящей сенсацией. Уж она-то в этом разбиралась и поэтому смело делала прогнозы.

Фатима лежала в темноте и улыбалась, она специально оставила проверку почты на потом, чтобы засыпая, в ее голове крутились только приятные мысли о будущем. И никакого негатива. Перевернувшись на бок и укрывшись одеялом с головой, она медленно соскальзывала в сон, и последней ее мыслью было: Питер или Москва?

4

Небо было еще по ночному темным и звездным, когда в спальне маленького двухэтажного коттеджа загорелся свет. Фатима всегда спала крепко, но чутко, поэтому, стоило будильнику пропикать всего один раз, как она тут же открыла глаза и села, одновременно протягивая руку, чтобы прекратить противный писк. В комнате было совершенно темно, но она уже отлично ориентировалась в этом доме, так что для того, чтобы дойти до ванны, свет ей не требовался. Но собираться на ощупь она не могла, поэтому, покончив с утренним туалетом и зарядкой, она зажгла свет и принялась быстро складывать оставшиеся еще вещи в чемодан. Она торопилась, но в движениях не было паники или нервозности, она никогда не позволяла себе дергаться или поддаваться эмоциям, поэтому вместо того, чтобы постоянно поглядывать на часы и вздыхать, она спокойно и уверенно делала свое дело.

Когда в доме не осталось ни одной ее вещи, кроме того, что она собиралась надеть, Фатима спустилась в кухню и начала приготовление завтрака. Зеленый чай, творог, фрукты, каша. Никаких булочек, никакого шоколада. Пока чай заваривался, а каша мокла в молоке, она поднялась в спальню для создания своего нового образа. Короткую юбочку сменили обтягивающие, но не стесняющие движений черные штаны, кофточку с нелепым вырезом заменила черная водолазка, а вместо пышного белого парика появился темно-каштановый с длинными, ниже плеч, прямыми волосами и густой прямой челкой до бровей. И никаких длинных красных ногтей, никакой красной помады.

– Надо же, – прокомментировала Фатима, глядя на себя в зеркало, – какая перемена.

Внизу запищала микроволновка, оповещая ее о том, что каша готова, и Фатима поспешила вниз, бросив последний взгляд в зеркало. Свет мой, зеркальце, подумала она, вытаскивая мисочку с кашей и садясь за стол, скажи: кто на свете самый симпатичный хамелеон?

За окном по-прежнему царила ночь, хотя время было уже утреннее: 5.20. Надо поторопиться, подумала она, глядя на темные силуэты деревьев и пока еще ночное небо, а то петушки и курочки иногда встают рано и мешают делать дела. Позавтракав, она исправно вымыла за собой посуду – все-таки дом вернется к хозяевам, а негатив очень врежется в память – а потом в последний раз поднялась наверх и, еще раз окинув комнату взглядом, понесла чемодан и кейс вниз. В прихожей она обула мягкие черные ботинки без каблука, сегодня модельная обувь явно была ни к чему, и такое же черное пальто до колен. Запихнув тапочки в чемодан, последний раз посмотрела на себя в зеркало и, следуя традиции, подняла вверх большой палец и ослепительно улыбнулась.

– Отлично, – прошептала она, обращаясь к незнакомке в зеркале, – теперь ты настоящая.

Она снова улыбнулась:

– Пора на охоту!

С этими словами она открыла дверь и вышла в темноту, захватив с собой дымчатые солнцезащитные очки. С восходом солнца они идеально дополняют образ и скроют ее лицо. На улице царила еще самая настоящая ночь, только небо на востоке стало чуть-чуть светлее, чем везде. Она не хотела зажигать свет, хотя, после освещенного помещения, темнота на улице казалась сплошной. Однако она быстро нащупала замочную скважину и заперла дом, терпеливо дожидаясь, пока глаза привыкнут к слабому свету звезд. Как там писал Толкиен в своем «Хоббите»: темные дела должны совершаться в темноте? По-моему так, решила она, быстро и без всякой возни открывая гараж, это вчера она могла долго возиться с дверью и причитать, вчера она была другим человеком, но сегодня – хотя бы на несколько часов – она стала сама собой. А эта девушка никогда не тратила драгоценное время на жалобы и вздохи и могла заткнуть за пояс любого мужчину в обращении с совсем не женскими игрушками.

Выгнав машину, она быстро погрузила в нее свои вещи, положив кейс и небольшую черную сумочку в салон. В сумке лежали ее документы, косметика и белый парик «Кати Дывыдовой», а так же накладные ногти и другие необходимые для перевоплощения мелочи – после успешно выполненной работы ей снова предстояло стать гламурной и яркой блондинкой, так как билет на самолет был взят на ее имя. Так же в салоне лежал большой пакет с бумагой и множество папок, дорогих ручек в футлярах и ее ноутбук – все это понадобится ей для перелета, а пока ей надо было думать совсем о других вещах. Фатима еще раз проверила, заперта ли дверь, а потом села в машину и, помахав рукой коттеджу, выехала на трассу.

На этот раз она оставила свою машину в другом месте, постоянная смена обстановки – необходимое условие для того, кто привык жить в тени и не намерен менять свои привычки. Получилось немного дальше, чем обычно, зато там ее еще никогда не видели любопытные и наблюдательные продавцы магазинов и прочий персонал. Выходя из машины, она захватила с собой только кейс, сумочку и пакет с бумагами опустила на пол и замкнула двери. Эта стоянка была платной, зато на ней имелся и сторож, что очень устраивало Фатиму – в машине лежали все ее вещи, и угон был бы как нельзя некстати. Заплатив за стоянку, она дала сторожу 500 рублей и попросила приглянуть пару часов за ее машиной чуть лучше, чем за всеми остальными.

– Понимаете, в машине документы моей фирмы, – серьезно сказала она пожилому смотрителю стоянки, – если бы они были моими, ладно, полбеды. Но я здесь в командировке, документы рабочие, и если с ними – не дай Бог! – что-нибудь случится... – она в ужасе закатила глаза и прижала руки к груди, как бы говоря, что такое несчастье равносильно смерти для нее.

Сторож охотно взял деньги и пообещал тщательно смотреть за зеленой «пятеркой».

– Всего пару часов. Не больше, – с улыбкой облегчения пообещала она сторожу и поспешила на площадь.

Пусть старый пердун думает, что она отчиталась и теперь спешит уйти, чтобы не сильно беспокоить его ленивую задницу. В обществе баранов ведь все очень любят, когда у них что-то просят, да еще и деньги за это дают, а они могут покривляться и почувствовать свою безграничную значимость и просто вселенскую незаменимость.

Фыркнув, девушка покрепче сжала кейс и поспешила к кофейне «Черный Дьявол». У меня ведь там сегодня свидание, с улыбкой подумала она, и я действительно приду.

Шагая по почти пустым улицам, она с удовольствием вдыхала еще не такой грязный воздух и любовалась рассветом, постепенно проникавшим на темные, спрятанные между высоких зданий улицы. Самое удивительное время суток, думала она, глядя, как медленно свет растворяет тени, и город приобретает совсем другие черты. Ей всегда нравилось наблюдать пробуждение мира, будь то в городах или на природе. В такие часы мир не казался ей таким ужасным и грязным, как будто восходящее солнце своими первыми золотыми лучами стирало с лица земли всю грязь, и мир становился чистым, как в первые дни, пусть всего лишь и на несколько минут.

Да, думала она, глядя на светлое голубое небо, этот мир мог бы и оставаться таким, если бы не полчища паразитов, называющих себя «человечеством», они-то загадят его в считанные секунды, стоит им только проснуться, и они тут же начинают гадить, портить и ломать. И нет этому конца, печально подумала она, проходя мимо старого бродяги, роющегося в стоящей возле здания урне и выбрасывающего все, что не заинтересовало его внимание, прямо на тротуар. Все бы хорошо, но в такие вот волшебные утренние часы всегда вылезают те, кто не вписывается в общество, будь то бродяги или такие вот люди тени, как она.

Именно нам, всем «нестандартным» и принадлежит рассвет, подумала Фатима, задумчиво глядя на грязного бродягу, может это наша награда, наше время, самое красивое, то время, которое нехватило себе большинство. Хорошо хоть оно у нас есть, усмехнулась про себя девушка, надо же как-то существовать тем, кого создали не на конвейере фабрики, тем, кто не является моделью, вышедшей в серийное производство. Мы – ручная работа мастера,

его чистое творчество думала она, шагая по рассветным улицам города. Правда, иногда у всех бывают неудачи, отметила она, вспоминая бродягу, даже у гениев, и они создают брак вместо великолепия. Что ж, «бракованные» это ведь тоже нечто уникальное, не такое, как все, нечто созданное в единственном экземпляре, значит, они тоже примыкают к нашему обществу рассветных людей, решила она. Зато в нашем обществе одиночек есть разнообразие, а не безликий ряд манекенов.

А может, вдруг пришла в голову мысль, именно всем «нестандартным» и принадлежит рассвет только потому, что это время, когда встречаются тьма и свет? Может, именно потому выползают все самые уникальные и необычные творения природы, потому что именно в эти волшебные минуты можно увидеть четкую грань между светом и тьмой? Ночь прекрасна, как и день, и тьма нужна миру, как и свет. Так и мы, прекрасные и ужасные, добрые и злые одновременно, встречаем рассвет, чтобы доказать самим себе, что мы тоже имеем право на существование, ведь сама природа четко поделена на темное и светлое и сочетает в себе и то, и другое одновременно.

Погруженная в свои мысли, Фатима дошла до площади и остановилась, глядя на сверкающее в лучах утреннего солнца стеклянное здание банка Возрождения и Развития. Уже через пару часов директор этого заведения умрет и возродится вновь где-то в другом мире. Фатима верила в бессмертие душ, это помогало делать свое дело и ни о чем не жалеть. Только один раз она пожелала поверить, что за смертью идет пустота. Вечная пустота и тьма. Но это было очень давно и всего лишь один раз, а все остальное время она продолжала придерживаться своей веры.

Как всегда, перед убийством Фатима чувствовала легкую грусть и в тоже время непонятное возвышенное чувство, в эти минуты злость и раздражение покидали ее, и она могла даже принять общество, от которого отвернулась, и пожалеть его. Но сердце ее оставалось твердым, а ум продолжал собирать и анализировать информацию. Какие бы мысли ни посещали ее в «минуты чистоты», как она их называла, она никогда не отказывалась от дела, никогда не хотела бросить то, чем занималась и уйти на покой. Наоборот, теперь она выходила на финишную прямую, и ничто в целом мире не могло ее остановить, она становилась роботом, запрограммированным на одно единственное дело и не способным нарушить программу.

Постояв несколько минут, она повернулась и направилась к зданию старой гостиницы, одновременно глядя на часы. Кофейня открывалась в 8, и ей надо было успеть попасть на крышу и разобраться с охранником до того, как начнет приходить персонал. Без двадцати семь показывали часы на стеклянном здании банка, отсчитывая последние минуты жизни своего директора. Успеваю, решила Фатима и, крепче сжимая кейс, свернула в проулок.

Только бы ты был на месте, мистер Главный Мачо города, думала она, шагая по темному каменному коридору – высокие глухие стены со всех сторон не позволяли солнцу даже днем освещать его в полной мере, а в эти ранние часы здесь царила настоящая ночь. Шаги ее были практически беззвучны благодаря мягкой подошве и легкой походке, пальто развевалось и хлопало ее по ногам, а сквозняк, всегда обитающий в таких местах, трепал длинные темные пряди парика. Асфальт под ногами был мокрым от талого снега, но вдоль стен тянулись длинные серые от грязи полосы снежной кашицы – солнце редко заходило сюда, поэтому пролежать этот снег мог и до апреля. Фатима стремительно шагала по проулку, внимательно вглядываясь в окружающий ее сумрак, замечая любое движение, слыша любые шорохи, ощущая кожей любое колебание воздуха. Так бывало всегда, выходя на охоту, она становилась хищником, все инстинкты обострились, а на уме была только жажда крови.

Сейчас, думала она, подходя к повороту, за которым, она точно знала, находилась ее жертва, сейчас я с тобой разделаюсь, мой маленький ягненок, я уже близко. Она буквально видела свою жертву, так как видят ее хищники перед броском, она чувствовала ее пульс, ее запах, ее невинность и незащищенность. Перед глазами возникла четкая картина: молодой охран-

ник – она уже не помнила, как его зовут, да это было и не важно – в форме уже сидит на своем посту около задней двери кофейни и ждет, когда начнет стекаться персонал. Он еще толком не проснулся, поэтому в руке у него чашка растворимого кофе (ну разве не ирония, работник кофейни пьет растворимый кофе!) и бутерброд, лицо сонное и глупое, он мерзнет, поэтому форменная куртка застегнута до самого конца, но этого ему явно недостаточно, потому что он постоянно вжимает шею в воротник, как будто хочет полностью спрятаться в своей куртке. Да, примерно так он и выглядел в свои последние минуты жизни, а Фатима уже дошла до поворота и остановилась, внимательно оглядывая тупик. Ее интересовал большой контейнер для мусора, похожий на огромную жестяную шкатулку, в ближайшие несколько минут он ей очень понадобится. Контейнер стоял на прежнем месте, только крышка была откинута – видимо, в конце рабочего дня уборщик вынес мусор. Что ж, это ей только на руку. Еще раз оглядев лестницу, ведущую на крышу, Фатима улыбнулась и позволила инстинктам взять верх.

Она тихо подошла к мусорному баку и поставила кейс на сухой асфальт за баком так, что заходя в проулок его нельзя было бы увидеть. Пристроив кейс, она со всей силы ударила ногой большой мусорник, не переставая при этом улыбаться – адреналин уже начал поступать в кровь, и ее захватила восхитительная волна безумной, безудержной энергии. Бак, как она и предполагала, оказался пустым, поэтому звук получился что надо, глубоким и громким.

– Да! – прошептала девушка, больше похожая в эту минуту на некое демоническое существо, вырвавшееся из преисподней. – Да! Да!

Она снова размахнулась и ударила пустой мусорный контейнер, и снова глубокие звучные волны покатались по каменному коридору, отражаясь от стен и наслаиваясь друг на друга. Она, было, собралась ударить ящик в третий раз, но тут наконец-то дверь черного хода кофейни открылась, и из нее стремительно выскочил тот самый охранник, который еще вчера назначал ей свидание и просил телефон. Лицо у него действительно оказалось заспанным, но теперь на нем еще проступала и злость – звуки такого рода всегда действуют на нервы, а если слышишь это в такую рань, когда все нормальные люди спят, а ты работаешь...! В такой час эти звуки способны просто свести с ума. На это Фатима и рассчитывала. Она успела заметить, что в руке у него на самом деле была чашка кофе, а потом все завертелось перед глазами в бешеной пляске смерти.

Молодой Антон, всегда считающий свою работу скучной и однообразной, только что пришел и заступил на смену, хотя искренне не понимал, для чего круглосуточно охранять какие-то офисы и кофейню. Видимо, причины все-таки были, потому что каждый день он приходил на работу ровно в 6.00, а уходил в 17.00, изо дня в день видя и делая одно и то же: протирал штаны и читал желтую прессу. Его напарник всегда говорил, что лучшей работы не найти во всем городе, они-то абсолютно вне зоны риска, просто сидят и получают за это деньги, в то время как их коллеги каждый день рискуют собой, охраняя банки и крупные магазины в этом криминальном городе, где каждый день кого-то убивают. Но Антон, сколько бы ни убеждал его напарник, продолжал считать свою работу скучнейшей в мире и мечтал охранять какой-нибудь крутой банк, а может, даже быть телохранителем. Ну что тут может произойти, часто говорил он, тут даже мухи не летают! «Я тут плесенью покроюсь!», – часто причитал он.

Но вот, наконец, судьба услышала его молитвы и послала ему не просто нарушителя, а белокурую красотку. Одну из тех, о ком говорят: воплощение мужской мечты – стройная, грудастая блондинка, да еще и без избытка серого вещества. Ну просто подарок судьбы! Вчера Антон единственный раз был благодарен судьбе за то, что работает именно здесь, ведь иначе он мог бы упустить свое счастье! Зато сегодня он идет на свидание с этой крошкой, а потом – он в этом не сомневался – его ждет один из самых лучших трахов в его жизни. Вот и работа на что-то сгодилась.

Он как раз думал об этом, в деталях представляя вечер этого дня, даже не подозревая, что не доживет до заката. На работу он пришел как всегда в плохом настроении, но мысли о блон-

динке и лучшем в его жизни сексе здорово скрашивали холодное утро. Единственная мысль, мучавшая его со вчерашнего вечера: придет она или не придет, портила картину, заставляя его нервничать и злиться. Как всегда, сидя на стуле возле двери с чашкой кофе, он так погрузился в свои мысли, что не сразу услышал противный глубокий звук, идущий с улицы. Что-то долетело до его сознания, и он очнулся от грез, еще злее, чем прежде, ведь его грубо вышвырнули из его же мечты. Вернувшись в реальность, он стал прислушиваться, и тут до него донесся противный дребезжащий звук. Кто-то бьет по мусорному контейнеру. Кто-то специально изводит его. Наверняка маленькие бомжи, нанюхавшиеся клея или растворителя. Вот и нарушители, о которых он так мечтал, только почему-то всегда судьба дает тебе то, что ты хочешь в самый неподходящий момент. Ну ничего, сейчас он им покажет! Это даже хорошо, появился повод выместить на ком-то свою утреннюю злость, вызванную слишком ранним пробуждением и неуверенностью в исходе сегодняшнего вечера. Он даже не подозревал, что та самая девушка уже пришла. Пришла за ним.

Конечно же, он ее не узнал, тем более, что выходя из кофейни, он ожидал увидеть маленьких беспризорников и от души надавать им по шее. Да и потом, все произошло слишком быстро, чтобы он мог хоть что-то понять.

Выскочив из здания, он стремительно понесся по направлению к мусорнику, забыв даже про чашку с кофе, которую все еще держал в руке, поэтому, даже увидев, что вместо малолеток там стоит высокая девушка, он не смог затормозить сразу. В какой-то момент злость на его лице стала сменяться удивлением, которое, спустя пару секунд навсегда застыло на его лице. Единственное, что он успел заметить – это хищную и совершенно спокойную улыбку на красивом лице и яростный блеск черных глаз, а потом мир перестал существовать для охранника Антона.

Он шел слишком быстро, стремительно сокращая расстояние между собой и девушкой в черном пальто, но она двигалась еще быстрее, и как только достаточно приблизилась, резко выбросила правую ногу вперед, нанося сильный и точный удар по мужским достоинствам Антона. Он ахнул и согнулся пополам, совершенно не понимая, что происходит и где же те беспризорники, которым он так хотел открутить головы. Чашка выскользнула из рук и полетела на асфальт, разлетевшись там на множество кусочков, кофе разлился, напоминая свежую кровь, такую же темную и густую. Между ног начало нарастать что-то большое и горячее, но он не успел понять, больно ли ему и отчего вдруг он согнулся пополам и видит перед собой асфальт, а не темноволосую девушку с улыбкой самого сатаны – в ту же секунду Фатима подскочила к нему и, схватив за голову, резко свернула ему шею. Раздался негромкий хруст, а потом тело, бывшее еще секунду назад охранником Антоном, рухнуло на мокрый асфальт и застыло, словно брошенная кем-то игрушка. Последней его мыслью была: знакомое лицо, где же я ее видел?

Покончив с охранником, Фатима стояла над телом и смотрела на него. Лихорадка охоты еще не прошла, но она уже могла контролировать себя. До чего же быстро все произошло! Она даже не успела поздороваться с ним и сказать, что пришла на свидание немного пораньше. Ну ничего, зато все прошло тихо и без хлопот, а впереди ее ждало главное дело, то, ради чего она собственно и притащилась в это гнилое место.

– Мне не жаль, что так случилось, – сказала он телу, – такая твоя судьба. Так решила Смерть, а я просто ее посланник. В играх больших людей ты оказался всего лишь маленькой случайной помехой, так что не обижайся.

Договорив, она быстро схватила тело и, оттащив его поближе к контейнеру, начала поднимать его.

– Ну и тяжелый же ты, красавчик, – пыхтя, прошептала она, – а с виду казался таким стройным.

Поместив, наконец, тело в контейнер, Фатима закрыла крышку и принялась ногой заталкивать осколки чашки под жестяной гроб Антона. Когда в тупике не осталось никаких заметных следов случившегося, она забрала свой кейс и поспешила к лестнице на крышу – времени оставалось мало, вот-вот начнут приходить работники кофейни, а свидетели ей не нужны.

Подойдя к лестнице, она зажала кейс между ног и прыгнула, ухватившись за нижнюю ступеньку руками. Сердце колотилось в ее груди, адреналин снова разрывал сосуды и взрывался в мозгу.

– Давай, девочка, – прошептала она, изо всех сил цепляясь за железную перекладину, – для чего ты занимаешься собой!

Глубоко вдохнув, она подтянулась и схватилась за вторую ступень, одновременно подтягивая ноги с зажатым между ними кейсом. Поставила колени на первую ступень и снова подтянулась. Теперь уже ноги нормально стояли на первой перекладине, и, взяв кейс в левую руку, она полезла наверх, не теряя ни секунды.

На крыше ее встретил легкий ветерок, приятно охладивший разгоряченное лицо, и, перекинув ноги через высокий парапет крыши, она с удовольствием остановилась и подставила ему лицо. Как же хорошо было вот так стоять и наслаждаться прохладными потоками воздуха, вдыхать его полной грудью, ощущать его свежесть и аромат, одновременно чувствуя, как усталость постепенно выходит из мышц, а дыхание снова становится ровным. Да, подумала она, богатые люди знают толк в красоте, не зря же все рестораны на высоте – высшего класса.

Она могла бы часами любоваться небом и городом с высоты старой гостиницы, но у нее было дело, она еще не закончила то, для чего приехала сюда, поэтому, решив отложить любование пейзажем на потом, Фатима подхватила свой кейс и прошла к противоположному краю крыши. Там парапет был немного выше и доходил ей до груди, но это даже хорошо, она будет надежно укрыта от посторонних глаз и для этого ей не придется валяться на холодной крыше. Внимательно осмотрев всю площадку, она положила кейс на железную ступеньку одной из трех лестниц, которые были перекинуты через каменные заграждения, делящие крышу на четыре неравные части. Она находилась на срединной, самой большой площадке, прямо напротив входа в здание банка. Отлично.

Рядом с лестницей, на которой она расположилась, находилась одна из трех дымовых труб, и, спрятавшись за нее и оказавшись, таким образом, спиной к площади, Фатима открыла кейс и начала собирать оружие. В ее движениях не было спешки, она собирала свою «опасную подругу» умело и проворно, как опытный человек, настолько привыкший к своему делу, что все движения уже дошли до автоматизма. Тщательно проверив сборку, Фатима подошла с винтовкой к самому парапету и взглянула на здание банка. Да, она на правильном месте, точно напротив входа. Оставалось только установить оружие и проверить прицел.

В день перед убийством она всегда проверяла его, стреляя во что-нибудь маленькое из окна или еще откуда-нибудь, таким образом она страховала себя от случайностей и несчастных случаев, ведь если она промахнется, вся ее карьера полетит к черту. А может и жизнь. Так что винтовка была отстреляна и настроена как надо, но Фатима, все же, решила проверить, тем более, что и время вполне позволяло, и место было очень хорошее.

Она встала на одно колено и, положив руки с оружием на парапет, посмотрела в прицел. Здание банка тут же увеличилось, так что теперь она отчетливо видела входную дверь и даже без труда могла прочитать надпись «Ростовский Банк Возрождения и Развития». Черт, да она даже видела рисунок на медной ручке двери, а уж этого жирного банкира увидит и подавно. Интересно, подумала она, внимательно осматривая тротуар перед входом в поисках тренировочной мишени, что сейчас делает будущая жертва? Еще нежится в кровати со своей «безопасной» жирной женой? Или уже поглощает свой завтрак из десяти блюд? О чем он думает? Чувствует ли приближение смерти, как антилопы предчувствуют появление хищника, точно зная, что он их съест?

– Вообще-то, меня это не касается. – Прошептала она.

А вот и подходящая мишень – стеклянная бутылка из-под пива, оставленная кем-то на мусорном контейнере в проулке, разделяющем здание банка и следующее здание с офисами. К битому стеклу на улицах давно все привыкли, а пуля улетит в проулок и там наверняка застрянет в стене, так что, риск минимальный. К тому же, в такую рань в узком проулке точно никого не будет, да и прохожих еще почти нет. Можно стрелять.

И она выстрелила, точно прицелившись в середину стеклянной бутылки. Послышался негромкий щелчок и такой же негромкий свистящий звук, а меньше чем через секунду бутылка на мусорном баке взорвалась тысячей зеленых осколков. Никто не видел неожиданной смерти стеклянной беспризорницы – Фатима тщательно осмотрела улицу, прежде чем выстрелить, обычные прохожие так никогда и не узнают, что это не хулиганы и не алкаши разбили стекло прямо на тротуаре, и уж конечно, никто из обывателей не свяжет битое стекло со смертью влиятельного банкира.

– Отлично! – воскликнула Фатима, убедившись в точности своего оружия, – просто отлично! В яблочко!

Теперь, когда все проверенно, а место выбрано, она могла немного перевести дух, ведь до приезда банкира на работу еще куча времени, а небо над головой такое красивое! Она снова взглянула в прицел: часы на зеленом здании банка показывали 7.25.

Фатима отошла от парапета и отряхнула пыльную штанину, морщась от неприятных ощущений в колене, которым упиралась для устойчивости, все-таки ограждение было холодным и твердым, а она надела тонкие штаны. Зато в них удобно, а в ее деле главное – личный комфорт во всем, иначе ничего не получится. Вот, например, как бы она могла так проворно карабкаться по лестнице на крышу, если бы одежда стесняла движения и мешала? Ответ: она бы потеряла время, а время – самое ценное, что у нее есть. Так что, придется потерпеть маленькие неудобства, без них не обходится ни одно дело, так уж устроена жизнь. Надо просто научиться не обращать внимания на незначительное и концентрировать его на главном, тогда успех обеспечен – так она думала всегда, и до сих пор это убеждение ее не подводило.

Пометив место для стрельбы плевком, Фатима направилась туда, где лежал кейс. Там она присела на корточки, положив винтовку себе на колени, и стала ждать. Погода как будто была с ней заодно: никакого ветра, никакого снега, тихо и не очень холодно. Единственный минус – это солнце, она любила солнечную погоду, но хорошо знала, что для стрелка такая погода всегда очень не к стати – солнечный блик на прицеле был виден очень хорошо и с очень далекого расстояния, и если не соблюдать максимальную осторожность, можно сорвать заказ, а то и лишиться жизни. Она знала это по собственному опыту, когда в самом начале своей карьеры едва не попала из-за такого вот солнечного зайчика, только поймала она тогда его не прицелом, а биноклем – винтовки в те дни у нее еще не было.

А вот изготовители снайперских винтовок, видимо, знали это всегда, потому что на прицеле ее «подруги» стояли две резиновые заглушки, не позволяя солнцу выдать местоположение ее хозяина, и, сидя за широкой каменной трубой для отвода дыма, Фатима надела эти заглушки на оба конца прицела. Времени еще достаточно, а солнце поднимается все выше и выше, так что ни к чему лишний раз рисковать, тем более что она не новичок и прекрасно умеет рассчитывать свои действия.

Она сидела на корточках, облокотившись спиной о каменную трубу, и вдыхала полной грудью свежий прохладный воздух, еще не загазованный и не пыльный. Хотя на такой высоте, подумала она, пыли, наверное, и не бывает практически. Фатима откинула голову и уставилась в нежно-голубое небо, кое-где украшенное маленькими розовыми облачками. Они почти не двигались, такая тихая стояла погода, только легкий ветерок лениво играл прядями ее парика.

Интересно, а есть ли где-то люди, делающие то же самое в этот момент? Мир такой огромный и такой непонятный, неужели в нем есть что-то в единственном экземпляре, что-то,

что принадлежит только одной секунде и никогда не повторяется? Ответа на этот вопрос она не знала, но глядя в бесконечное голубое небо, Фатима вдруг почувствовала такую легкость и такое умиротворение, что, не смотря на дело, которое ей предстояло совершить, откинула голову и тихонько засмеялась. Этот момент уж точно принадлежал только ей одной, и она не собиралась быстро отпускать его. В ее жизни почти не было счастливых минут, вот почему она так ценила те редкие моменты, когда ей казалось, что и она может быть счастлива, как и все нормальные люди. В такие мгновения она понимала, что возможно избрала не тот путь, если она вообще что-то выбирала в этой жизни, кроме как что съесть на завтрак и во что одеться сегодня.

Может, всё изменится, думала она, глядя широко раскрытыми глазами в бесстрастное синее небо, может, я еще найду свою дорогу к счастью и покою? Но вся беда была в том, что она не знала, что такое счастье, не знала, чего хочет от жизни и как этого достичь. С 17 лет ей было не к чему стремиться, не о чем мечтать, кроме одного: отомстить. И она отомстила, даже не подозревая, что это была ее последняя мечта.

Каждый день она просыпалась и понимала, что внутри у нее пустота, заполнить которую не могут ни деньги, ни успех и слава в криминальных кругах, ни путешествия. Работа помогала ей отвлечься и не чувствовать эту свистящую пустоту в сердце, причину которой она не знала. И каждый раз, рискуя жизнью и получая очередную порцию адреналина, Фатима на миг забывала обо всем, кроме желания выжить и не ударить в грязь лицом. Она много работала, берясь за самые опасные дела не из-за денег, нет, их ей уже давно некуда было девать. Просто так у нее не оставалось времени на себя, а больше всего она боялась остаться наедине с собой и той черной пустотой, живущей в ее душе.

Кто я, спрашивала она себя иногда, но не находила ответа. Зачем я живу? И снова нет ответа. Куда я иду? А в ответ – тишина. И тогда она начинала слышать свою пустоту, она свистела и стонала, словно заточенная в ней душа не могла переносить пытки этой жизни. Жизни, в которой нет ничего, кроме смерти и постоянных переездов, а так же страха, что тебя вычислят и убьют либо конкуренты, либо спецслужбы. Жизни полной одиночества и ненависти к окружающему ее обществу. Да-а, а ведь когда-то у нее были планы на жизнь, и то, чем она теперь занимается мало похоже на то, что она планировала.

А может, судьбе наплевать на наши желания, она все равно поставит тебя на нужное только ей место, думала она, глядя на медленно проплывающие над ней розовые облака. Какая польза мне от моих денег, которые я зарабатываю, рискуя жизнью и отказываясь от всего, если я не могу купить себе даже дом, не говоря уж о чем-то большем. Что мне с ними делать? Есть их, что ли, ведь единственное, на что я их трачу – это, опять таки, на свою работу! У меня нет дома, который я могла бы обставить по собственному вкусу, нет машины, которая нравилась бы мне, нет своего гардероба, потому что я вынуждена постоянно играть роли и носить «чужую» одежду, у меня нет друзей, с которыми я могла бы сходить в кино или на вечеринку. Даже с днем рождения меня никто не поздравляет уже 8 лет! Разве такой жизни я хотела?

Фатима знала, что иногда бывает близка к тому, чтобы бросить все и жить спокойно, но в глубине души понимала, что не сможет. Ее словно вела какая-то мощная и неведомая сила, твердой рукой направляя все ее поступки и решения. Может, ею руководит сама Смерть, которой она служит? Может, просто еще не вышел срок контракта, который они подписали где-то, когда-то? Ничего мы не решаем, пришла к выводу она, грустно улыбаясь небу над головой, мы всего лишь передвигаемся по клетке, решая, в какой угол нам сейчас перейти. Но клетку выбирают за нас.

Сейчас ей было так хорошо, так спокойно, но она осознавала, что когда придет время, она встанет и нажмет на курок, и ничто, кроме смерти не остановит ее, какой бы расслабленной и умиротворенной она ни была несколько секунд назад. И ничто не могло сбить заложенную в ней программу. Или, все же, что-то могло?

А небо все-таки фантастически красивое в это утро, подумала Фатима и решила выкинуть все посторонние мысли из головы и не портить прекрасный момент. Она видела красоту и очень ее ценила, может, потому что в ее жизни было мало красивого и доброго, она жила среди крови, жестокости, предательства и ненависти и сама уже стала такой же. Иногда ей казалось, что все человеческое в ней давно убито и мертво, так же, как и ее объекты... Но в такие моменты, стоило ей увидеть нечто красивое и величественное, как, например, восход или закат, как что-то начинало шевелиться внутри, напоминая о себе и доказывая, что в ее душе еще не все умерло. Осталось *что-то*, но оно затаилось глубоко внутри ради собственного спасения и теперь просто ждет своего часа.

А пока она оставалась один на один со своей жадной охоты и ненавистью к людям, разрушившим ее жизнь. Те, кто это сделал, давно были мертвы, но оставались миллионы других, таких же, как те, и она решила, что будет без жалости очищать от них землю. Она дала себе слово, что никогда не остановится, пока не придет время, ничто не остановит ее, для нее не будет запретов и моральных барьеров, ей будет незнакома жалость, она не будет знать пощады и никогда не отступит от выбранной цели, ей будет неведом страх, она забудет о лени и усталости. Она всегда будет идти вперед, и нет ничего, что сможет смягчить ее сердце.

Из раздумья ее вывел звонкий стук каблучков по асфальту проулка и веселые женские голоса – персонал кофейни подтягивался на работу. Шаги приближались к двери в кофейню, а Фатима улыбалась, сидя на крыше как огромная черная кошка. Страх не было, как и волнения, все это осталось в далеком прошлом, когда она только-только делала свои первые профессиональные шаги, вместо них по телу разливалось приятное возбуждение – найдут тело или не найдут. Она всегда любила ходить по лезвию ножа, поэтому такие моменты доставляли ей особое удовольствие, ведь она прекрасно знала, что при любом повороте событий сделает то, что должна сделать, только вот трупов может быть намного больше, чем один озабоченный охранник.

– Какая хорошая погода, небо такое ясное, а ведь вчера еще шел снег! – сказал женский голос.

– Просто чудо, – согласилась с невидимой женщиной коллега, – в такое утро даже на работу идешь с удовольствием.

– Точно! – радостно сказал голос дамочки №1, – даже на такую, как наша!

Обе женщины рассмеялись, а потом послышался легкий скрип открываемой двери.

– Антошка! Эй, ты где? Встречай первую смену!

Естественно, им ответила тишина.

– Анто-о-н!

Женщины вошли внутрь, и до Фатимы донеслось тихое неразборчивое бормотание, они явно были очень удивлены отсутствием охранника. Фатима снова улыбнулась, ищите Антошку, подумала она, а он ведь никуда не ушел, он прямо у вас под носом. И тут, как будто услышав ее мысли, женщины снова вышли на улицу и остановились прямо перед мусорным контейнером, в котором лежал тот, кого они искали и не могли найти.

– Куда же он мог пойти? – недоумевал голос №1, – он никогда не уходит в это время.

– Может, он еще не пришел? – предположила дамочка №2, но тут же сама опровергла свою теорию, – хотя нет, передняя дверь ведь открыта, значит, он был здесь.

– Не вовремя он решил прогуляться, – раздраженно сказала женщина с голосом №1, – нам что теперь – торчать на улице, пока он не соизволит прийти и открыть нам вторую дверь!

– Как можно так безответственно поступать! – согласилась ее напарница, но голос у нее был немного испуганный, – он же знает, что в это время люди приходят на работу, а ключи только у него и у Пети.

– Да уж, – недовольно проворчала женщина №1, – из Пети администратор такой же хреновый, как из Антона охранник.

Постояв еще немного, женщины пришли к выводу, что Антон решил пройтись и увидел какую-то красотку, вот и заболтался с ней.

– Он ведь как молодая собака, – глубокомысленно заключила дамочка №1, – увидит сучку и бежит за ней, не помня ничего. – А после театральной паузы со вздохом добавила, – Возраст.

– Я-то все понимаю, – нервно добавила дамочка №2, – по мне так пусть хоть и не возвращается, но ведь ключи у него, а Петя с нас шкуру сдерет, если мы скатерти не постелем и посуду не разложим!

– Ладно, пошли внутрь. – Мрачно сказал голос №1, – не замерзать же нам тут. А Пете я лично все расскажу, пусть *ему* мозги за скатерти вправляет.

Снова послышался тихий скрип двери, а потом все стихло. Слава богу, подумала Фатима, причитание женщина начало действовать ей на нервы. Они-то уж точно не найдут тело, даже если затолкать их в полном сознании туда же, такие курицы не способны найти даже собственную задницу на ощупь – непременно подумают, что это голова.

Ее уединение было недолгим, через пять минут подошла целая группа официантов и работников кухни, все они оживленно беседовали и смеялись, а еще через две минуты весь персонал кофейни был в сборе. Люди не уместались в маленьком помещении между передними дверьми и запертыми дверьми кофейни, именно в этой прихожей и сидел охранник Антон. Все они выражали свое недоумение и раздражение по поводу неожиданной отлучки охранника, а некоторые были даже рады.

– И чего вы недовольны? – спрашивал чей-то веселый и хриплый голос, – то бы мы в это время уже запахивали, а то стоим воздухом дышим, анекдоты травим. Лафа!

– Ага, – стервозным голосом ответила какая-то молодая барышня, – вот придет Петя, он тебе устроит лафу!

– А че мне? – сразу стал открещиваться официант, – не я же свалил с ключами! Вот пусть Антоху и дружит!

Как же мне повезло, думала Фатима, сидя на крыше, что Антон на самом деле любил прогуляться и мог заболтаться с девушками, просто везение в чистом виде! Она еще несколько минут прислушивалась к голосам внизу, а потом взглянула на часы: 8.03. Пора.

Она встала и прошла к парапету, встав в том месте, где оставила свой плевок. Время подсказывало ей, что пора подготовиться к финальному броску, ведь банкир мог подбежать в любую минуту. Обычно он приезжал немного позже, но вдруг именно сегодня он решит приехать на работу хоть один раз в жизни вовремя, ведь люди перед смертью иногда ведут себя странно. К тому же, в ее работе ничего нельзя откладывать и делать в последнюю секунду, в ее работе тщательная подготовка – основа всего.

Она снова встала на одно колено и проверила прицел. Да, все точно, именно с этой точки она и будет стрелять. Заглушки она снова водрузила на место – время еще не пришло, а солнце светило вовсю. Остается только ждать и внимательно наблюдать за дорогой, благо с крыши открывается отличный обзор в обе стороны, так что машину банкира она увидит издалека и успеет снять глушки и хорошенько прицелиться.

Слева от нее сплошной линией шли крыши, образуя второй ярус улиц, только на высоте. На этом тротуаре давок не бывает, с улыбкой подумала Фатима, сами пешеходы – это уже большая редкость. Она прекрасно сможет уйти по этим крышам и попасть на любую улицу, ну чем не город над городом? Правда, улицы второго яруса не такие ровные и напоминают больше дистанцию для бега с препятствиями, но ведь по ним и не ходят пенсионеры и мамочки с колясками, верно? Улыбнувшись, Фатима отвернулась и принялась наблюдать за улицей внизу.

Она ждала, пока мышка сама явится в когтистые лапы кошки, подойдя достаточно близко для броска. Она была предельно сосредоточена и сконцентрирована, краски стали ярче, звуки – громче, зрение, и без того острое, стало просто орлиным, слух обострился настолько, что ей казалось, она может услышать даже тихий шелест таинственных подземных рек, питающих

Дон. Все инстинкты были на пределе, и она, в самом деле, стала походить на пантеру перед прыжком. А вот все постороннее отошло на задний план – голоса и смех внизу едва долетали до ее сознания, хотя какая-то его часть продолжала слышать и анализировать все. И эта самая часть известила ее о том, что великий Петя наконец-то прибыл на работу и теперь задает всем (включая покойного Антона) хорошую трепку, стоя прямо на улице.

Да, судя по всему, о теле она может не волноваться, в это утро работники «Черного Дьявола» заняты совершенно другими вещами. Фатима слегка улыбнулась, продолжая зорко следить за всей площадью и дорогой. Пока ничего. Легкий и совсем не такой холодный как вчера, ветер лениво трепал длинные пряди ее парика, она стояла возле парапета, обеими руками сжимая свою винтовку и ждала. Черные изящные брови сошлись возле переносицы, губы были плотно сжаты, а глаза ни на секунду не отрывались от лежащей у ее ног площади.

Часы на здании банка показывали 8.17, пора бы уже и приехать. Может он застрял в пробке, подумала она, а может просто решил подольше попить кофе в свое последнее утро. Она была абсолютно спокойна, задержка банкира никак не отражалась на ее нервах, шли последние и самые важные секунды, и она знала, что будет стоять здесь хоть вечность, но объект умрет.

И тут, как будто судьба решила не заставлять ее ждать так долго, она заметила движущийся справа по направлению к банку серебристый «Мерседес». На мгновение она почувствовала неопишемое волнение, сердце оглушительно застучало где-то в голове, руки так стиснули винтовку, что пальцы стали белыми, а ногти посинели. Но это длилось даже меньше чем секунду, а потом по венам побежала вода со льдом.

– Ну, наконец-то. – Прошептал она, хищно улыбаясь, и быстро пригнулась, принимая удобное для стрельбы положение. Заглушки она все еще не снимала, но глаза ее внимательно следили за серебристой машиной.

«Мерседес» двигался довольно быстро, поэтому уже через две минуты он въехал на площадь. Пора, подумала она и сняла резиновую защиту с прицела. И тут, как будто, и правда, сама судьба помогала ей, солнце ушло за большую темную тучку, которую ветер пригнал с запада. Площадь накрыла тень, и в этой тени серебристая машина блестела и выделялась, как большая искра. Фатима навела прицел и увидела, как из центральных дверей вышел вчерашний охранник с автоматом и стал с нарочитым вниманием оглядывать улицу. «Мерседес» медленно подкатил ко входу и остановился. Вот оно, подумала Фатима и положила палец на курок.

Внизу Петя и остальные продолжали искать виноватого, громко крича и хлопая дверью. Дверца водителя открылась, и на дорогу вышел телохранитель Виталия Мухина – здоровенный и бестолковый мужик, в черном пальто больше напоминающий шкаф на ногах. Медленно посмотрев в обе стороны, он тяжело обошел машину и не спеша открыл заднюю дверь. Фатима напряглась, а на ее губах показалась едва заметная улыбка. Секунду ничего не происходило, а потом на тротуар перед банком вывалился сам господин Мухин, больше известный в узких кругах под кличкой Колобок. Как и предполагала Фатима, он появился с сотовым телефоном у уха и кейсом в левой руке. Выйдя из машины, он повернулся к ней спиной и остановился – всего на секунду – чтобы что-то сказать охраннику с автоматом, но это был шанс, и Фатима не намерена была его упускать.

– Прикрывал бы лучше спину хозяину, болван. – Прошептала она и нажала на курок, целясь точно под левое плечо господина Пупса.

Послышался приглушенный звук, пуля долетела до цели меньше чем за секунду. Банкира бросило вперед, как будто кто-то толкнул его сзади, телефон вывалился из руки. Сам банкир растянулся поперек тротуара, упав прямо к ногам своего охранника с автоматом, кейс он по-прежнему не выпускал из руки, телефон проехался по асфальту мимо охранника и стукнулся о двери банка. На доли секунды все трое застыли, телохранитель в черном пальто тупо уставился на хозяина, а охранник – на телохранителя, как будто спрашивая: я действительно это вижу?

Фатима наблюдала всю картину в прицел, хотя пора было уже уходить, но что-то не давало ей просто разобрать винтовку и уйти по крышам. Интуиция, необыкновенно сильная у женщин, у нее была развита сильнее других, и, как всегда, она не подвела. Неизвестно сколько бы длилась немая сцена, оба охранника явно были просто в шоке, но тут господин Пупс зашевелился и начал энергично отползать обратно к машине, крича что-то двум идиотам, охранявшим его.

– Бронежилет! – воскликнула Фатима в гневе, – вот сукин сын!

Значит, он знал. А вот это уже полностью меняет дело, кто-то ее подставил. Ну ничего, с этим она разберется, сейчас главное – закончить начатое.

Она могла бы и не убить его сегодня, она итак уже облажалась, но помогла ей охрана. Банкир барахтался на асфальте, пытаясь развернуться и заползти под машину, его телохранитель начал лихорадочно расстегивать пальто, видимо, пытаясь достать оружие, в объектив прицела Фатима видела, что он что-то орет охраннику с автоматом. Тот, очевидно, тоже в панике, начал бегать взад-вперед по тротуару, то и дело, хватая редких прохожих и тыча своим автоматом во все стороны. Они снова оставили банкира незащищенным и прямо на линии огня. Дебилы, одно слово, подумала она, повторно целясь, только теперь в центре мишени была светлая лысеющая голова господина Пупса. Он как раз умудрился развернуться и теперь лежа полз к машине, как самая огромная и уродливая в мире ящерица.

Вся ситуация длилась не больше 10 секунд, но Фатиме показалось, что она возится уже как минимум полчаса. В прицел она видела, что на лице банкира нет и следа паники, и невольно восхитилась им: все же, самоконтроль у этого пухлячка железный, в отличие от тела. Он царапал руками асфальт и отталкивался ногами, кейс он уже отпустил, видимо, решив, что жизнь дороже, и теперь тот лежал посреди тротуара, как забытая детская игрушка. Обычно бледное лицо Виталия Мухина стало красным, глаза были широко раскрыты, но взгляд оставался острым и чистым – он видел цель, пространство под днищем машины, и стремился к ней изо всех сил.

Наверное, так он и заработал свои миллионы, решила Фатима и, прицелившись в наморщенный лоб банкира, повторно нажала на курок.

Снова раздался приглушенный шелчок. А потом в самом центре лба Виталия Мухина появилась небольшая красная точка, и он перестал бороться за свою жизнь. Она видела, как его голова упала и стукнулась об асфальт, пальцы на руках еще продолжали сжиматься и разжиматься, как будто не хотели признать, что все кончено и до сих пор пытались спасти жизнь своего хозяина. А потом к телу подбежал телохранитель, наконец-то сумевший извлечь пистолет из кобуры под пальто, он упал на колени рядом с телом и принялся его трясти, как будто хотел разбудить, или сказать, что игра окончена, теперь водит банкир.

Эта сцена напомнила Фатиме дешевые и тупые фильмы, которые показывали по второсортным и не особенно популярным каналам. Вот сейчас телохранитель обнимет тело и начнет плакать над ним, шепча сквозь слезы: «Вернись, вернись, я не могу жить без тебя» и все в таком духе.

Надо же, подумала Фатима, последний раз оглядывая тротуар перед банком, какая длинная жизнь, и какая короткая смерть. Мы живем годы и десятилетия, а умираем всего секунду.

На этот раз действительно все кончено. Она попала ему в голову и сама видела след от пули, на этот раз он мертв, и никаких сюрпризов. Она быстро надела заглушки на прицел и уже хотела отойти от парапета, как вдруг охранник с автоматом, продолжающий свои забеги по площади, поднял голову и начал тыкать пальцем в то место, где она сидела, крича:

– Там, на крыше! Я видел, там кто-то есть! Это снайпер!

А вот теперь действительно время уйти, подумала Фатима и проворно побежала к лестнице, на которой оставила кейс. Винтовку она разобрала всего за каких-то три секунды и уложила ее в бархатное гнездо кейса. По площади уже бежали телохранитель и охранник мертвого

банкира, а в проулке персонал кофейни никак не мог найти виноватого и потому до сих пор оставался в неведении о том, что только что произошло у них под носом.

– Чао, ребята! – прошептала Фатима и, перемахнув через каменный барьер по лестнице, побежала по крыше.

5

Ветер свистел в ушах, но даже сквозь свист она слышала резкий протяжный вой полицейских сирен – кто-то уже успел их вызвать. Все равно не поймают, пронеслась в ее голове веселая мысль, она уже хорошо знала, что вместо того, чтобы работать по горячим следам, органы правопорядка сначала разведут совершенно бесполезную бюрократию на месте преступления, а потом будут еще два месяца опрашивать свидетелей, пытаясь выяснить, связаны ли как-то два трупа на одной площади. Вот потому в России мафия сильнее, чем в Италии, думала она, легко преодолевая каменные барьеры на крышах, просто в России люди привыкли все пускать на самотек.

Она бежала со всей скоростью, которую позволяла поверхность крыш, то и дело перепрыгивая маленькие пропасти между зданиями или проворно взбираясь на железные лестницы, перекинутые через каменные барьеры на крышах. Волосы она собрала сзади, чтобы они не развевались и не привлекали внимания, но полы пальто хлопали вовсю и летели за ней, словно черные крылья. Какой же гений придумал такие сплошные постройки, причем примерно одинаковой высоты, думала она, если бы он не скончался где-то в веке 19, я бы обязательно пожала ему руку.

Отбежав на приличное расстояние, она рискнула обернуться и ничего не увидела. Никакой погони. Что ж, а разве могло быть по-другому? Эти два олуха – охранник и телохранитель – наверняка не решаться лезть на крышу, и причина не в том, что они побоятся испортить место преступления. Фатима повидала таких «профессионалов», в присутствии хозяина они еще могли оторвать зад от кресла и изобразить напряженную деятельность, но без контролирующих глаз... А по большому счету, они не погнались за ней по той простой причине, что заранее были уверены, что не догонят, кроме того, судя по всему, стрелял профессионал, а эти двое, даже при всей своей тупости, понимали, что они далеко не профессионалы. А кому же хочется схлопотать пулю, тем более что хозяин уже мертв и не спросит с них за такую трусость. К тому же, может быть, поиски Антона, наконец, увенчались успехом?

Вот и славненько, можно не торопиться и немного сбавить темп, а то ведь она все-таки не в спортивной одежде и не налегке, а местность довольно своеобразная. Она спряталась за большую дымовую трубу, торчащую прямо из крыши, и теперь еще раз оглянулась, внимательно осматривая каждый сантиметр пройденного пути – вдруг кто-то все же решил залезть и теперь крадется. Нет, чисто, на втором ярусе улицы она совершенно одна.

Удостоверившись, Фатима вылезла из своего укрытия и поспешила дальше, пригнувшись пониже и придерживая свободной рукой полы пальто. Добежав до конца площади, она повернула налево, потому что эта дорога шла только в одном направлении, впрочем, это направление ей как раз подходило. Еще немного, и можно будет приземлиться, решила она, глядя по сторонам – справа под ней тянулась улица, по которой она шла вчера в кофейню, слева простирались крыши и дворы. Неужели в позапрошлом столетии людям так не хватало места, что они буквально лепили здания друг на друга? Хотя, если бы не такая экономия места в прошлом, я бы ни за что не ушла так легко, подумала Фатима и начала оглядываться в поисках лестницы, ведущей вниз.

На этой крыше был люк, но он наверняка заперт, а ломать его, значит, потерять время и создать лишний шум... да и незачем, когда стоит пройти всего 20 метров, и попадешь на другую крышу с лестницей и тихим двором. Так она и сделала, не забывая оглядываться, но погони не было. Интересно, подумала вдруг она, слышат ли обитатели зданий, по крышам которых я бежала, мой топот? Конечно нет, ответила она сама себе, но эта мысль показалась ей забавной: тише мыши, кот на крыше. Ха-ха-ха. Да уж, подумала она, лучше бы вам, мышата, сидеть потише и не вылезать, особенно, когда кошечка захочет спуститься вниз.

Пройдя еще полквартиры, она нашла наконец не только лестницу, но и достаточно тихий дворик – с трех сторон он был закрыт зданиями, а на улицу вел узкий промежуток между домами, замусоренный и сырой. То, что надо. Два здания, правда, имели окна, но к ее счастью, почти все они были заколочены, что говорило о том, что офисов – а, следовательно, и людей – там нет. Третье здание, на крыше которого она и стояла, имело такую же глухую стену, как и здание старой гостиницы. Надеюсь, охраны там нет, подумала Фатима и начала спускаться по узкой железной лесенке, в одной руке держа кейс, а другой крепко цепляясь за скользкие железные перекладины.

Еще с крыши она внимательно оглядела дворик: он был почти ровной квадратной формы, посередине чернел овальный островок земли, видимо, когда-то там была клумба, хотя Фатима сомневалась, что в таком темном и сыром месте могло вырасти что-нибудь, кроме сорной травы. Вокруг этого островка стояли наполовину сгнившие деревянные лавочки. Должно быть, работники офисов из двух соседних зданий любили проводить здесь если не перерыв, то перекур уж точно, она заметила старые обрывки газет и пластиковые стаканчики. Ну а теперь это место использует совершенно другой слой общества, подумала Фатима, когда, спустившись, обнаружила разбросанные всюду пластиковые шприцы и разбитые ампулы. Она понимала, почему они выбрали это место – в центре всегда много торговцев наркотой, а ждать, пока приедешь в свой тихий район сил нет, вот они и нашли это тихое и укромное местечко. А ведь когда-то (судя по газетам и стаканам, не в очень далеком прошлом) на этих лавочках, чистых и покрашенных, собирались работники офисов в своих костюмах и галстуках, а дамы в чулках и туфлях на высоком каблуке. Фатима буквально видела, как они спускались по зигзагообразным железным лестницам, которые имелись на двух других зданиях, на каждом этаже была дверь, ведущая на пожарную лестницу – отпечаток современности. И вот, в обеденный перерыв двери распахивались, и по железным ступенькам осторожно, чтобы не сломать каблук, шли офисные дамы, а за ними, поддерживая их под руки, с самодовольным видом шли мужчины в галстуках и безупречных брюках. Они садились на лавочки, доставали сигареты, курили и смеялись, обсуждали последние офисные сплетни и просто флиртовали друг с другом. После полудня, проведенного в напичканном электроникой и излучениями офисе, возможность 15 минут посидеть в прохладе на свежем воздухе – поистине райское наслаждение.

И ведь они счастливы, подумала Фатима, прыгая на землю с последней перекладины, кого-то ведь привлекает такая жизнь с маленькими радостями, вроде 15-минутного перерыва, и маленькими огорчениями, вроде сломанного принтера или заносчивого босса. Кто они, эти маленькие люди, любящие свою маленькую жизнь, со всеми ее маленькими событиями и маленькими заботами?

Ветер, гоняющий по асфальту обрывки газет, нагнал на нее неожиданную грусть, и Фатима позволила себе остановиться на несколько секунд и погрузиться в это мучительно-приятное чувство. Вот так всё проходит, останутся только серые обрывки, но и их скоро не станет, и тогда ничто уже не будет напоминать о той жизни, что кипела когда-то в этом маленьком дворике.

Жизнь – всего секунда, подумал она, а нам почему-то кажется, что эта секунда будет длиться вечно, что она имеет огромное значение не только для тех, кто ее проживает, но и для всего мира. А ведь миру совершенно наплевать на какую-то ничтожную искорку жизни, таких искринок миллиарды миллионов, они вспыхивают и гаснут так быстро, что вселенная не успевает их сосчитать, не говоря уж о том, чтобы запомнить или придать им какое-то значение.

Фатима была уверена, что люди, когда-то сидящие во время своего перерыва на этих лавочках, тоже были уверены, что именно их жизнь настоящая, что она важна, что она не пройдет так быстро и так бесследно. И что? Ветер гонит серые обрывки их жизней, и никому нет дела до того, что было раньше, никто не помнит и не знает о тех чудесных минутах под чистым голубым небом, которые провели здесь те люди, никто не помнит и не знает самих

людей. Жизнь – всего лишь секунда, а время – это смерть. Время – огромная могила, такая же бесконечная как вселенная, подумала Фатима, в ней погребены все цивилизации и все их тайны, все миры и все судьбы сброшены в одну единственную могилу под названием Время. И на этой могиле есть надгробие – память, то, что передается и поддерживается в должном виде с каждым поколением жизни, то, что никогда не будет утрачено и забыто. Может быть, памятник на могиле жизни – сама жизнь? Да, подумала она, вот теперь начинаю понимать, почему вселенную часто изображают в форме замкнутого круга – нет ни начала ни конца, от чего оттолкнешься, к тому же и вернешься.

Ее размышления прервал резкий и пронзительный вой сирен, должно быть, город уже узнал о кончине одного из своих королей. Она осторожно выглянула из проулка, и тут же мимо нее пронеслась машина скорой помощи с бешено вращающейся мигалкой и завывающей, как оборотень в полнолуние, сиреной. Сейчас начнется суматоха, подумала она, медленно подходя к выходу из двора, вот когда наступает самое подходящее время для исчезновения.

Перед тем как выйти, она тщательно осмотрела свой внешний вид – правда, без зеркала это было очень неудобно – распустила и пригладила волосы, завязанные до этого в узел, чтобы не мешали, поправила пальто и убедилась, что ничего не порвала и не испачкала во время бегства по крышам. Все было в полном порядке, оставалось только надеть очки, перчатки и двинуться вместе с толпой зевак к площади, а потом, потолкавшись там для приличия – ну и, чего скрывать, для развлечения – полчаса, можно забирать машину и катиться из этого города к чертям собачьим.

А ведь дело-то сделано, внезапно подумала она, и вдруг осознала, что только что выполнила еще один хороший заказ. Эта мысль пришла как всегда внезапно, и именно эти секунды были лучшими в ее жизни. Ты уже выполнила свое дело и снова совершенно свободна, хотя еще балансируешь на грани, и опасность все еще висит над тобой, но она призрачна, и ты понимаешь, что тебе нечего бояться, ты неуловима, беспощадна и сильна.

В такие секунды по венам растекалось легкое приятное возбуждение, как будто она не жила на самом деле, а играла в какую-то экстремальную игру, полную приключений и волнений, но совершенно безопасную – ведь это только игра, где стреляют резиновыми шариками, а если поймают – три раза стукнут по плечу и скажут: «Фатиму поймали, она не играет», а потом отведут к ближайшему дереву, которое будет тюрьмой, пока игра не кончится и не начнется сначала.

Да, так она играла в детстве, которое было, кажется, две тысячи лет назад, когда она еще свято верила, что счастье в жизни – выйти замуж и иметь детей. Время, эта могила, погребла ту проворную веселую девочку вместе с ее мечтами и надеждами, ее подруги, которые играли тогда вместе с ней, тоже исчезли, вместо них пришли взрослые тети, которые исполнили свою мечту – вышли замуж и родили первых (а некоторые, особо шустрые, уже и вторых) детей. Они, наверное, и не помнят уже свое детство и даже не подозревают, что одна из тех нескладных девчонок все еще играет, но теперь уже в совершенно другие игры.

– Поздравляю, – прошептала Фатима, закрыв глаза и слегка улыбаясь, – еще один кирпичик в твою стену славы заложен.

Так она поздравляла себя с успешно выполненным делом, поскольку больше никто поздравить ее не мог. Договорив, она открыла глаза, широко улыбнулась и посмотрела на чистое небо с маленькими белыми облачками. Ну вот и все, пора возвращаться. Куда? Она могла бы сказать домой, но у нее не было дома. Она поедет туда, куда ее позовет очередное дело и ее сердце. Может быть, это будет красивая и теплая страна, а может очередной серый и холодный город с грязными улицами и озлобленными людьми. Но, так или иначе, а оставаться здесь дольше, чем необходимо она не собиралась, поэтому, глубоко вдохнув, она надела очки и вышла на улицу.

Никто не заметил ее неожиданного появления, прохожие спешили к площади, а те, кому нужно было в другую сторону, с любопытством оглядывались, как будто могли что-то увидеть или услышать. Все без исключения громко и бурно обсуждали события последних 20 минут, некоторые спрашивали, что случилось, и им тут же отвечал целый хор нестройных возбужденных голосов, каждый участник которого высказывал свою версию происшедшего и настаивал на ее исключительной достоверности.

Фатима плавно влилась в людской поток и двинулась к площади, внимательно слушая мнения людей и последние сплетни с места происшествия. Она шла с непроницаемым лицом, но в глазах, скрытых большими темными стеклами, светился смех и плясали искорки. Люди вокруг городили такую чепуху, что не рассмеяться было очень сложно. Одни утверждали, что банкира отравили, другие, что машина, в которой он ехал, взорвалась, а некоторые особо умные даже предполагали, что киллером был его продажный телохранитель. Нет, подумала Фатима, его охране не пришлось даже платить, они итак помогали мне, как могли, просто чудесные ребята. Эта мысль вызвала в ней новый прилив веселья, и ей пришлось даже прикрыть рот рукой – губы сами собой расплзались в улыбке.

Впрочем, эти версии были далеко не самыми смешными, попадались даже совершенно дикие бредни – одна немолодая женщина в косынке бежала, размахивая руками и громко и истерично кричала, что наступает конец света, на площадь только что упал метеорит. Группа молодых парней, тоже спешащих к площади, посоветовала ей немедленно заткнуться, но женщина не замечала никого вокруг, она продолжала голосить и размахивать руками, глядя на людей совершенно безумными глазами. То и дело в толпе слышались реплики о конце света и страшном суде, причем говорились они с такой уверенностью, словно всего пару минут назад Иисус сошел с неба прямо на площадь на глазах у всех этих людей. Как же быстро и неудержимо образуются слухи, которые в свою очередь порождают панику, думала Фатима, пробираясь сквозь людской поток.

На площади уже собралась приличная толпа зевак, которых безуспешно пыталась оттеснить полиция. Количество версий происшедшего увеличивалось с количеством людей, и теперь Фатима слышала, что, оказывается, народ на площади собрался по поводу митинга коммунистов, кто-то добавил, что так и начинаются революции. Настоящий дурдом, заключила она и начала пробираться поближе к зданию банка.

Там толпа становилась плотнее, тесным кольцом окружив место преступления, не смотря на крики и ругань служителей закона. Участок от начала банка и до конца следующего здания был огорожен красными лентами, в этом свободном от толпы островке стояла и серебристая машина банкира. Фатиме пришлось изрядно поработать локтями, чтобы пробраться в первые ряды зрителей, она очень хотела посмотреть и послушать разговоры прибывших следователей – в данном случае ее интересовал бронезилет, совершенно неожиданно оказавшийся на господине Мухине.

Она подошла почти к самому заграждению и остановилась, спрятавшись за спины тех, кто стоял в первом ряду. По всему периметру сновали полицейские в форме и в штатском, каждую секунду мелькали фотовспышки, причем, не только полицейские – пресса как всегда была на чеку. То и дело кто-нибудь из служителей закона отрывался от созерцания тела, все еще лежащего в луже крови рядом с машиной, и начинал неистово орать на зевак, употребляя все известные русскому народу матерные выражения, но толпа лишь немного подавалась назад, чтобы через секунду снова занять лишние сантиметры.

Полицейские машины продолжали подъезжать, из них вылезали одетые в форму сотрудники с блокнотами и рациями, они сновали по толпе и пытались найти свидетелей, впрочем, пока безуспешно. А вот журналистам явно везло больше – у диктофонов и микрофонов теле- и радиокорреспондентов выстраивались настоящие очереди. Конечно, подумала со злорадством

Фатима, быть свидетелем по протоколу никто не хочет, а вот ради пяти минут славы люди расскажут что угодно и даже то, о чем их не спрашивают.

Она оглядела стоящих рядом людей и поразились той жадности, с какой их взгляды пожирали мертвого банкира, они смотрела на кровь с таким голодом и удовольствием, что казалось, не будь здесь столько полиции, люди бы в ту же секунду набросились на тело и разорвали на куски. Вот оно, кровожадное и жестокое лицо толпы, подумала она, поспешно отводя взгляд, вот оно – истинное нутро человека, которое каждый прячет и пытается отрицать, но в толпе люди смелеют и уже не стесняются показать свой истинный лик. Люди любят кровь, любят чужую боль, люди любят зрелища. С древних времен ничего не изменилось, хотя вместо пещер люди теперь собираются в высоченных зданиях из стекла и бетона, уже не заворачиваются в шкуры и не боятся грозы или затмения, люди придумали себе тысячи законов и норм, но так и не сумели побороть в себе свою первобытную природу.

Толпа вызывала у Фатимы отвращение, но она не позволила себе уйти – надо было довести до конца то, за чем она пришла на площадь. Интересно, вдруг подумала она, нашли уже тело Антона, или все так поглощены убийством банкира, что в миг забыли обо всем остальном? Она стала внимательно осматриваться и увидела телохранителя покойного господина Пупса и того самого охранника, который бежал по площади с автоматом, как полный псих, только теперь автомата у него уже не было, видимо, доблестные сотрудники полиции решили на всякий случай проверить и его. Оба свидетеля – и соучастника, подумала Фатима, их поведение можно назвать только так, настоящая охрана так себя не ведет – сидели на бампере полицейского «бобика» и монотонно отвечали на бесконечные вопросы трех следователей, периодически показывая руками, что и как произошло. Они выглядели сонными и подавленными, однако точно и полно отвечали на все вопросы. Именно ради их рассказа она и пришла в это месиво сумасшедших, поэтому, обнаружив тех, кого искала, она начала энергично, но не слишком заметно подбираться ближе.

– Стреляли с крыши, – лишенным эмоций голосом говорил «автоматчик», по его тону Фатима поняла, что повторяет это он уже как минимум тысячный раз. Держись, милый, подумала она, это только первая, но далеко не последняя тысяча.

– Вы уверены? – деловито спросил следователь, лысоватый подтянутый мужчина лет 40.

– Абсолютно, – устало кивнул охранник, – после того, как Виталий Валерьевича убили, я побежал на поиски свидетелей, ну и, может, даже убийцы. Я как раз бежал к старой гостинице, – он махнул рукой на здание напротив, – и тут случайно поднял глаза. – Охранник замолчал, нервно облизывая губы, а троица следователей напряглась, подавшись вперед. Прямо таки дети, слушающие сказку про тролля, подумала Фатима, стараясь уловить каждое слово, шум и гомон толпы сильно осложняли эту задачу.

– Ну? – нетерпеливо спросил один из следователей, толстый, как мыльный пузырь, – Что же вы увидели?

Охранник снова устало вздохнул и продолжил:

– На крыше был человек. Я не смог разглядеть хорошо, потому что он уже уходил. Единственное, что я успел заметить: он худой и во всем черном.

– Не густо. – Недовольно заметил «пузырь».

– Я же сказал, я видел только мелькнувший силуэт. – Равнодушно пожал плечами охранник.

– Вы пытались преследовать его? – спросил сорокалетний. – Пытались задержать?

– А какой смысл? – так же ровно вопросом на вопрос ответил охранник, – скорее всего, это настоящий профессионал, и у него было преимущество – он был уже на крыше. Вы ведь знаете, что крыши тут тянутся сплошной линией во всех направлениях, так что, пока я бы лез на эту крышу, его уже, понятное дело, и след простыл.

Троица следователей молча кивнула и тут же переключилась на телохранителя. Они стали выяснять, как все произошло с его точки зрения и очень удивились, когда узнали, что было сделано два выстрела. Вот тут Фатима наострила ушки, полностью превратившись в слух. Начиналось самое интересное.

– Бронежилет, – все трое следователей многозначительно закивали головами, – расскажите подробнее об этом.

Они буквально забросали бедного телохранителя вопросами: почему банкир надел бронежилет, всегда ли он носил его или, может, знал о покушении и т.д. и т.п. Ну же, нетерпеливо думала Фатима, толкаться в толпе ей уже надоело, но уйти и не получить ответа на мучивший и ее тоже вопрос о бронежилете, она не могла. Вы же сами не даете ему рта раскрыть, возмущалась про себя она, слушая следователей, бесконечно тараторивших одни и те же вопросы, заткнитесь хоть на секунду и дайте человеку сказать! Как будто услышав ее мысленный призыв, следователи неожиданно замолчали, как по команде, и с нетерпением уставились на охранника.

– Тот, кто стрелял, явно облажался, – невозмутимо начал охранник, нисколько не смущаясь под тяжелыми взглядами троих мужчин, – никто ведь не знал, кроме Сереги, – он кивком указал на сидящего рядом телохранителя, – что босс с недавних пор каждый день носил эту фигню. Я вот, например, тоже не знал, под костюмом его ведь совершенно не видно.

– С вами пока разговор окончен, – довольно грубо оборвал его «пузырь», – мы спрашивали не вас. Так что скажете? – толстяк принялся сверлить взглядом широкое и ничего не выражающее лицо телохранителя.

– Ну что я могу сказать? – вздохнул здоровяк, – босс действительно уже где-то с месяц носит жилет. Я никогда не спрашивал, ведь он босс, я в его дела не лезу. Но как-то он сказал, что повздорил с какими-то шишками, вроде как компаньоны его, что ли. Не знаю я, он никогда не просил усилить охрану или чего-нибудь в этом роде. Наверное, просто страховался, он ведь такой, все пытается предусмотреть. Видимо, думал, что реальной угрозы нет, просто так носил его, для успокоения совести.

Да уж, подумала Фатима, если бы господин Пупс действительно был таким предусмотрительным, он бы в первую очередь сменил охрану и нанял настоящих профессионалов, а не держал этих отмороzków.

– Бронежилет для успокоения совести не носят. – Сухо сказал сорокалетний. – Больше вам ничего о его делах не известно?

Оба охранника покачали головами.

– Ладно, поехали в участок. Надо еще кучу всего сделать, проверить все его контакты, разговоры. На какие встречи, куда и с кем вы его возили. Постарайтесь припомнить, пока мы будем ехать, я понимаю, что вы потрясены, но, все же, прошу вас попытаться помочь нам. Вы ведь проводили с ним больше всего времени.

Телохранитель кивнул и встал с бампера. Они обменялись с «автоматчиком» ничего не выражающими взглядами и медленно, как во сне, двинулись к кофейной иномарке, на которой приехал лысоватый следователь. Пока они шли к машине, тот раздавал всем указания, из чего Фатима сделала вывод, что он будет вести это дело.

– Гена, поезжай, поговори с его женой, – не терпящим возражения тоном сказал он, обращаясь к «пузырю». Этот тон Фатима хорошо знала, так разговаривали люди, привыкшие всегда и всеми руководить – начальники, большие и не очень.

– А ты, Андрей, – он наставил палец на третьего следователя, молодого усатого мужчину с детскими голубыми глазами, – пойдешь, займись его офисом. И чтоб ни одна муха не пролетела и не засрала там ни одного предмета. Уяснил? – тот, кого он называл Андреем, кивнул и направился к дверям банка. А лысоватый следователь уже повернулся и раздавал какие-то указания работающей группе. – Я скоро буду, сметаюсь с этими – он кивнул на сидящих в его машине охранников, – в отделение и назад.

Больше здесь ловить нечего, поняла Фатима, все, что хотела она уже выяснила. Теперь начнется огромная и в большинстве случаев бесполезная работа по опросу свидетелей, отработке версий убийства и контактов мертвого банкира. Что тут начнется, когда они еще Антошку найдут, подумала она, пробираясь к тротуару, если найдут конечно, а то ведь может и залежаться.

Удаляясь от площади, она испытывала просто фантастическое облегчение: подставы не было, никто не пытался ее кинуть, просто банкир был слишком трусливым, но не таким умным в вопросах безопасности, как ему казалось. Отсюда и результат – два выстрела, когда все могло кончиться для него совсем по-другому, не будь у его охраны куриных мозгов.

Когда Фатима уже покинула территорию площади, мимо нее пронеслась карета скорой помощи – следователи закончили и позволили увезти тело в морг. Счастливого пути, подумала Фатима, провожая взглядом быстро удаляющуюся машину, куда бы он ни лежал.

Всю дорогу до стоянки, где она оставила машину, она видела, как новость растекается по городу. Люди на улицах передавали ее друг другу, и она катилась от центра к окраинам, обрастая все новыми подробностями и фактами. Она шла с непроницаемым лицом приезжего человека, которого не касаются дела и события чужого города, только глаза неистово блестели за темными стеклами очков, а руки в перчатках иногда чуть крепче сжимали стальную ручку кейса, когда она слышала что-то совсем уж нелепое и смешное.

Сторож стоянки встретил ее у самого входа. Старик даже не сидел в своей кабинке, глаза его лихорадочно блестели, а старая куртка распахнулась и хлопала на ветру. Увидев ее, он тут же устремился к ней, размахивая руками и стараясь идти как можно быстрее, не смотря на хромоту.

– Вы слышали? – не доходя до нее, начал он, – ужас-то какой! Среди бела дня уже убивают! Ну разве не кошмар?! – возбуждение, хорошо слышимое в голосе, так и рвалось наружу – старик в сердцах ударил рукой по бедру и снова начал причитать. – Вы ничего не видели? А то многие говорят, что его прямо на площади изрешетили, сволочи.

– А что я должна была видеть? – удивленно спросила Фатима, не снимая черных очков. – Что за паника в городе? Что вообще произошло, может, хоть вы мне объясните?

– Так вы ничего не знаете, – в голосе сторожа слышалось одновременно разочарование и радость – с одной стороны плохо, что эта бизнес-леди не в курсе, почерпнуть новые подробности и слухи не получится. Но вот с другой стороны, если человек ничего не знает, значит можно рассказывать все, что угодно и никто не уличит тебя во лжи.

– Не знаю. – Подтвердила Фатима, направляясь к своей машине.

– Сегодня утром, примерно часов в 8, на площади застрелили банкира. Он был большой шишкой в нашем городе, потому такая суeta развелась, – семена за ней, рассказывал старик, – хоть и молодой был, а уже много чего к рукам прибрал. Шустрый был малый.

– Так вот в чем дело. – Фатима дошла до машины и принялась искать в карманах ключи, не обращая на сторожа никакого внимания.

– Угу. Говорят, там вся площадь залита кровью, – не унимался старик, – его ведь просто изрешетили пулями, вот как. Я даже слышал...

– Послушайте, – прервала его Фатима, – я не знаю этого банкира и знать не хочу. Я в этом городе проездом, поэтому мне совершенно не интересно слушать истории про местных шишек. – Она открыла дверь и повернулась лицом к сторожу, явно не ожидавшему такого поворота, обычно люди любят слухи и сплетни. – Знаете, как у нас в Москве говорят: меня не интересует то, что меня не касается. – Она села в машину и уже взялась за ручку двери, чтобы ее захлопнуть, – спасибо, что присмотрели за моей машиной, а кровавые истории каждый день показывают по телевизору в таком количестве, что меня от них уже просто тошнит.

Лицо сторожа выражало такую растерянность, что Фатиме даже стало его немного жалко, все-таки он весь день только и делает, что сидит на этой стоянке и собирает слухи и сплетни, в этом вся его жизнь.

– Извините за резкость, – уже мягче проговорила она, – просто я дико устала в этой командировке. А тут еще пришлось так рано вставать и ехать за подписью прямо на дом к чиновнику, у меня ведь в 10 уже самолет.

– Ничего, – махнул рукой старик, – это для нас, для местных событие, а для вас – просто еще один случай, как новости по телевизору: слушаешь про наводнение в какой-нибудь Германии, ахаешь и тут же забываешь. Не под твоим домом же вода течет. А, чего там! – он снова махнул рукой и побрел к своей будке в ожидании новых посетителей и новых слухов.

Выезжая со стоянки, она думала о том, насколько непредсказуем и тесен мир. Знал ли этот любопытный старик, что только что беседовал с той, из-за кого и началась вся эта шумиха? Конечно нет, потому что жизнь любит шутки, только вот чувство юмора у нее чаще всего черное.

На широкой обочине дороги, ведущей за город, стояла зеленая «пятерка». Машины с бешеной скоростью проносились по трассе в обоих направлениях, и никто не видел, как красивая девушка из брюнетки вдруг сразу стала блондинкой с наивно хлопающими глазами и длинными красными ногтями. Смена произошла так быстро, что едва ли кто-нибудь, даже при пристальном наблюдении, успел заметить этот момент. Сменив прическу, девушка достала маленькую черную сумочку, набитую косметикой и принялась методично приводить себя в порядок, словно заново рисуя новое лицо с новым взглядом и совсем другим выражением.

Было уже 10.30, до самолета оставалось еще два с половиной часа, а ей еще надо было сдать обратно машину. Закончив с перевоплощением, девушка сложила парик и затолкала в чемодан, который она перенесла из багажника в салон. Оставалось еще одно дело, необходимое для перелета. Девушка взяла черный кейс и, вытащив из него бархатное нутро с разобранной винтовкой, положила в него другое, с папками и бумагами, которые терпеливо дожидались своего часа на заднем сидении ее машины. Она тщательно все разложила и даже создала видимость рабочего беспорядка – деловым людям некогда следить, чтобы каждая ручка лежала в своем кармашке. Потом она открыла чемодан и бережно положила в него винтовку в бархатной «колыбельке», набросав сверху вещей. Вот так, теперь все готово. У нее никогда не возникало проблем с перевозом оружия. Она давно работала и имела в запасе множество маленьких хитростей и технических чудес, к тому же, по России перевозить оружие было намного легче, чем за границей. Вот там начинались настоящие сложности, и ей приходилось покупать необходимое на месте, благо в эру интернета проблем почти не возникало, так что она всегда выполняла заказ и всегда работала со своим оружием.

Неужели всего через полчаса я наконец-то покину этот город, с радостью думала Фатима, доставая из глубин сумочки документы и билет – все на имя Катерины Давыдовой, симпатичной ухоженной блондинки. С хозяевами коттеджа проблем тоже не возникло, она заранее сказала им, что улетает в 12.00, поэтому ключи завезет утром. Но оказалось, что в это время дома никого не будет, поэтому они предложили ей просто бросить ключи в почтовый ящик, все равно он железный, и заперт на замок. Еще лучше, подумала Фатима, она и так уже была сыта по горло общением с людьми и стремилась как можно быстрее покинуть ненавистный город.

Старик-дачник остался очень доволен от того, что машину возвращают в таком идеальном состоянии – обычно люди обращаются бережно только со своими вещами. Блондинка так ослепительно улыбалась и так стреляла глазками, что почти влюбила в себя немолодого мужчину. Он даже предложил донести ее багаж до такси, девушка рассыпалась в благодарностях и улыбалась еще прекраснее, но от помощи отказалась. Провожая красавицу взглядом, старик удивлялся, как такая хрупкая и стройная девушка одна несет весьма тяжелый на вид чемодан и

кейс, плюс на плече у нее еще болтается дамская сумочка. А у таких дамочек она всегда набита всяким хламом – в основном пудра, духи, помады и все в таком же духе – и тоже немало весит.

Когда блондинка сдавала багаж, ее попросили только открыть кейс, и она тут же подчинилась, едва не сломав ноготь, так что ахать и охать она не перестала, даже отойдя от служащего. Вот уж эти гламурные курицы, недовольно думал мужчина, осматривающий ее кейс, в командировке она была! Да у нее же на лице написано: ДУРА, какая командировка?! Небось, как все в наше время, дала, кому надо, и сделала карьеру, а теперь вот разъезжает по командировкам. Тоже мне, бизнес – бледи!

С посадкой не возникло никаких проблем, и, сидя в салоне возле окна, блондинка нервно теребила свою сумочку и причитала, что боится летать. Сидящий рядом мужчина тут же начал ее успокаивать, думая про себя, что хотя бы этот полет будет приятным – такая красотка сидит рядом с ним да еще и нуждается в утешении и поддержке!

Ровно в 13 часов дня самолет Ростов – Москва поднялся в воздух, унося на своем борту самого высокооплачиваемого «специалиста по ликвидации». В это же время одна из поварих кофейни «Черный Дьявол» пошла выносить мусор и случайно обнаружила пропавшего утром охранника. У немолодой уже женщины случился сердечный приступ, и она умерла еще до того, как самолет с Фатимой приземлился в Московском аэропорту. А виновница всех событий спокойно сидела в салоне самолета и потягивала сок из трубочки, уже строя планы и просчитывая новые ходы, пока оставленный позади город ахал и пожинал кровавые плоды ее труда.

Глава 2.

1

Весна была уже в самом разгаре, но на северных широтах зима крепко держала свои позиции, так что весна была пока только на календаре и, пожалуй, в сердцах молодых парочек, прогуливающих по сырым и все еще холодным улицам. На юге люди уже сменили теплые и тяжелые пальто на легкие и короткие курточки, а девушки уже отваживались носить короткие юбки, хотя часто мерзли и ежились на остановках и тротуарах, но никто уже не хотел возвращаться к теплой одежде и напяливать на себя кучу вещей. Весна пришла, и как бы холода ни держались, все знали, что впереди тепло, солнце и отличное настроение, так что даже ледяной ветер и срывающийся иногда мокрый снег не могли испортить настроение москвичам и москвичкам, даже не смотря на то, то многие по-прежнему ходили в пальто. И хотя в Москве вовсе не пахло цветами и нежной молодой травой, как на юге, но весна чувствовалась и здесь, отражаясь в рекламных щитах и витринах магазинов, рекламирующих весенние распродажи и скидки.

Аромат весны приносил южный ветер, и, даже не смотря на расстояние, в нем чувствовались нежные и едва уловимые запахи подснежников и первых горных фиалок. Конечно, большинство жителей столицы ворчали, что кроме вони выхлопных газов они ничего не чувствуют, но молодежь чувствовала аромат весны даже сквозь смог и пыль городских улиц. Именно этот едва уловимый аромат и выгонял их на холодные и грязные улицы в поисках улыбок и приключений, заставляя сердце биться быстрее, а кровь бурлить и закипать в жилах.

Учителя начинали жаловаться, что до лета еще далеко, а дети – в основном старшие классы – уже просто с ума посходили и ни о чем, кроме гулянок и шуток, думать не могут. Впрочем, каждый год история повторялась, и каждый год с приходом весны все взрослые твердили, что именно в этом году молодежь особенно сходит с ума, забыв, видимо, как сами веселились и радовались весне в их возрасте. И как бы ни ворчали люди постарше, но возрождение природы действовало и на них – только весной можно было увидеть как в непрерывном потоке людей, стремительно несущемся по улицам, иногда останавливается и замирает одинокий силуэт, а толпа продолжает течь мимо него, как река обтекает неожиданно упавший в нее валун. И если подойти ближе, можно увидеть, как какой-нибудь взрослый солидный дядечка с улыбкой трехлетнего малыша смотрит в небо и старательно втягивает в себя загазованный воздух в надежде уловить хоть едва различимый аромат цветов и молодой зелени; или этим силуэтом оказывается каменная бизнес-леди, широка распахнутыми глазами глядящая на крохотный и чахлый цветок, неизвестно как выросший среди пыли и бетона. Да, весна действует на всех, а как же иначе? Ведь, как бы ни убеждал себя человек, что он может подчинить себе природу, именно она всегда подчиняет нас себе, напоминая, что мы всего лишь одна из ее многочисленных частей и подчиняемся ее процессам и явлениям так же, как и все живое.

В пригороде Москвы весна чувствовалась намного острее, чем в городе, ведь здесь не было высотных зданий, а улицы не были закованы в бетон. Кое-где уже проглядывала первая травка, почки набухли и вот-вот должны были раскрыться, а птицы пели на деревьях весь день без умолку и радовались окончанию зимы, сооружая гнезда для будущего потомства. Коты по ночам затягивали свои длинные заунывные серенады, хотя март уже прошел, а собаки выли и просились на улицу, сводя с ума своих хозяев – те кричали на них, но все без толку. Весна манила и возбуждала всех, и крики и смех людей, песни птиц и котов, вой собак и шуршание еще сонных насекомых сливались в величественный и одновременно веселый гимн. Гимн весны.

В один из самых прекрасных дней весны, когда солнце ярко светит и уже дает тепло, а воздух прозрачный и неподвижный, в тихом и уютном пригороде столицы молодая женщина лет 30 гуляла с ребенком. Девочке было не больше 3 лет, но она уже радостно щебетала что-

то на тайном детском языке и неуклюже топала по тротуару. Мама внимательно следила за малышкой, держась на безопасном расстоянии, чтобы быть не далеко в случае чего, но в тоже время и не слишком контролировать ребенка. Малышка разгуливала по тротуару и даже выходила на дорогу, мама была совершенно спокойна – их улица была очень тихой, днем здесь почти не было движения, только рано утром и вечером. И сейчас вся улица принадлежала им, так как все соседи уже уехали на работу, прислуга или приезжающие на дом парикмахеры и маникюрши так рано обычно не появлялись, а больше здесь никто не проезжал. Зеленая Бухта была настоящим раем, зеленым, тихим и чистым, где все друг друга знают, а дома аккуратные и свежие, как кукольные домики. Стоили эти «игрушечки» весьма недешево, но здесь жили те, кто мог себе позволить свежий воздух и зеленые газоны перед домом. Богатый район, и все здесь просто кричало об этом, начиная от ухоженных домиков с клумбами перед ними, до их владельцев – всегда дорого одетых, разъезжающих на таких же дорогих иномарках. Презрительные и высокомерные в городе, здесь они мило и фальшиво улыбались друг другу и спрашивали, как дела, чтобы потом обсудить и посплетничать за закрытыми дверями собственного дома.

– Ты видела, какое на ней было безвкусное платье...

– У меня машина на 10 тыс.\$ дороже, а он так нос задирает...

– Говорят, он пошел на повышение...

– Об этом красноречиво говорят бриллианты в ушах этой стервы. Я таких огромных никогда не видела...

– Стас с женой вот летят летом в Сан-Тропе. Я тоже хочу!

И все в таком духе, разговоры и проблемы людей, у которых, по сути, нет проблем. Красивые и ухоженные жены неизменно объединяются в коалиции по принципу «против кого дружим», а при встрече с «противником» улыбаются и колют друг друга едкими фразами и шутками. Жизнь здесь течет не так быстро как в Москве, хотя до нее всего несколько км, но влияние столицы чувствуется только в вечерах, проведенных в самых дорогих ресторанах и разговорах о событиях и слухах высшего общества Москвы. Жизнь обитателей Зеленой Бухты, как и работа – в Москве, здесь они только спят в своих красивых домиках, но они гордятся своим районом, хотя Зеленая Бухта район скорее вершины среднего класса, но не как не высшего общества. И все равно здесь своя неповторимая жизнь, словно в маленькой стране с населением 8 тыс. человек.

И вот одна из представителей крошечного государства с нежной улыбкой на ухоженном и свежем лице купалась в первых теплых солнечных лучах, не забывая приглядывать за маленькой представительницей следующего поколения жителей Зеленой Бухты. Не смотря на то, что женщина вышла погулять с ребенком и никуда отходить от дома не собиралась, она была при полном макияже и на каблуках, а волосы были тщательно уложены в прическу – таковы законы этой маленькой страны, если один раз покажешься на улице в неподобающем виде, сплетни не утихнут еще очень и очень долго. Плохо выглядеть здесь – значит уронить свое достоинство и потерять уважение соседей. Женщина хорошо это знала и уже начала передавать свой опыт малышке, та тоже была одета с иголочки и уже держала в ручках маленькую плюшевую сумочку в тон одежде.

Было только 8 утра, но дети ведь ранние пташки, поэтому молодая мама зевала практически каждые две-три секунды. Она только что проводила мужа на работу и теперь прогуливала малышку, явно мечтая о теплой постели и тишине. А вот девочка, напротив, была бодрой и полной энергии, как и все здоровые дети ее возраста, она с бесконечным любопытством познавала мир, и нехватка скорости и сноровки с лихвой компенсировалась желанием и увлеченностью. Пока мама зевала и предавалась мечтам о лишней паре часиков сна, девочка уже успела перейти дорогу и деловито копошилась в песке, привезенном соседями для кошки. Пухлыми ручками она старательно загребала мокрый от недавнего снега песок и медленно подносила

ко рту, стараясь не просыпать ни капли. Она едва не дополнила свой завтрак кашей из песка, но в эту секунду мамочка перестала зевать и оглянулась в поисках малышки. Глаза ее тут же расширились, а с лица в момент исчезло сонное выражение, женщина всплеснула руками и помчалась к дочке.

– Ангелина! – строго крикнула она, хватая девочку, как куклу, – ты что это творишь! Я сколько говорила: никогда не смей ничего подбирать на улице и совать в рот! Давно не болела?

Видимо женщина часто разговаривала с малышкой в таком тоне, потому что та совершенно не реагировала на недовольство матери. Вместо того, чтобы притихнуть или даже заплакать, маленькая Ангелина только пронзительно рассмеялась и начала выкручиваться, пытаясь вырваться из рук. Песок по-прежнему был зажат в пухлом кулачке.

– А ну-ка успокойся! – женщина пыталась удержать извивающуюся девочку, но та, похоже, разошлась не на шутку, брыкаясь и извиваясь всем тельцем. – Успокойся, кому говорю!

Молодая мама зажала дочку под мышкой и начала переходить дорогу, унося девочку подальше от песка, что очень разозлило маленькую красавицу, и ее игривое настроение тут же сменилось праведным гневом, так внезапно, как бывает только у маленьких детей и сумасшедших. Как только до малышки дошло, что ее уносят от приглянувшейся ей кучи, она поняла, что это вовсе не новая игра. Ее звонкий и веселый смех тут же перешел в такой же громкий плач, личико исказилось, и она начала вырываться с удвоенной силой, гневно крича что-то на непонятном языке. Мамочка продолжала нести малышку с невозмутимым видом, только слегка закатив глаза, как будто обращалась с претензией к Богу: вот, полюбуйся, кого Ты мне послал. Дойдя до своего участка, женщина опустила малышку на землю, и та тут же рванула обратно к куче песка, едва не расквасив себе нос, когда перебежала дорогу. Терпение женщины явно кончилось, и она, сердито цокнув и нахмутив брови, направилась к девочке быстрым шагом.

– Да что же это такое! – она схватила дочку и, снова засунув под мышку, понесла к своему дому, – ты будешь сегодня слушаться или нет!

Ответ явно был отрицательный – Ангелина завизжала и принялась брыкаться как бешеная, ударяя при этом мать своими крохотными кулачками. Разозленная женщина шлепнула ее по попке, но это не дало никакого эффекта, кроме пронзительных визгов и гневных криков девочки. Женщина донесла малышку до дома, поставила на тротуар, но на этот раз не стала отпускать, а крепко зажала руками и тряхнула, чтобы завладеть вниманием дочки.

– Почему я должна по сто раз повторять одно и то же, а? – крикнула она в лицо девочке, но та только кричала и вырывалась, – мы не пойдем больше гулять, если ты еще хоть раз подойдешь к тому песку, ты меня поняла?

Было похоже, что нет – Ангелина продолжала визжать и брыкаться, совершенно не оправдывая свое имя – на бесенка она походила гораздо больше, чем на ангела. И тогда, видя, что девочка и не думает успокаиваться, мамочка решила применить самое сильное средство. Она снова тряхнула малышку и тихо, но твердо проговорила:

– Придется вызывать доктора и делать тебе укол. – Девочка тут же перестала брыкаться, – а что еще мне остается делать? Все, сейчас приедет доктор, возьмет шприц с большой иглой и сделает тебе укол. Очень больно.

Это средство подействовало, Ангелина мгновенно успокоилась и со страхом уставилась на мать такими же большими голубыми глазами. Теперь удерживать ее не было никакой необходимости, и женщина отпустила девочку, доставая из кармана короткой дубленки сотовый телефон последней модели.

– Вот видишь, что бывает, когда ты не слушаешься? – строго спросила она, делая вид, что набирает номер. – Вот сейчас позвоню и вызову доктора.

Личико девочки, искаженное злостью всего секунду назад, сразу стало испуганным и ангельским. Она протянула к маме пухлую ручку и демонстративно высыпала песок.

– Не, – проговорила она, тихо и испуганно, мотая головой из стороны в сторону, – не. Не.

Ее большие голубые глаза теперь стали просто огромными от страха, губы задрожали, и по щеке покатилась одинокая слезинка. Она умоляюще смотрела на мать и продолжала твердить: «не, не», показывая ей пустую ладошку, испачканную песком.

– Ты не будешь больше трогать этот песок? – строго спросила женщина, делая вид, что раздумывает. Девочка тут же покачала головой, в ее ангельских глазах засветилась надежда. – Не будешь брыкаться и махать руками? – малышка снова покачала головой, сейчас она готова была пообещать что угодно. – Будешь слушаться? – Ангелина радостно кивнула, невинно хлопая большими глазами. – Нуу, тогда...

Но договорить женщина не успела, двери соседнего дома распахнулись, и оттуда выбежала огромная овчарка, тут же завладев вниманием девочки.

– Майта! – радостно завизжала малышка и кинулась к собаке. Но ее маленькие ножки еще не обладали достаточной силой и ловкостью, поэтому через несколько шагов она упала, растянувшись на тротуаре во весь рост и сильно ударившись об асфальт. Девочка закричала и начала рыдать, из разбитого носа и губы текла кровь, капая на чистый тротуар.

– Ангелина! – крикнула в ужасе женщина и ринулась к девочке, приходя в ужас от вида крови малышки. Телефон она машинально сунула в карман дубленки, но промахнулась и даже не заметила, как он упал на зеленый газон возле крыльца, где она пыталась утихомирить девочку. Там он и остался лежать, совершенно забытый из-за неожиданных событий этого утра, когда мать нежно подняла плачущую девочку и унесла в дом.

Улица, залитая весенним солнцем, снова опустела, поэтому никто, кроме овчарки Марты не видел, как из припаркованного на углу автомобиля вышла темноволосая девушка в больших темных очках, быстро подошла к дому, где жила малышка и подняла с земли телефон. Незнакомка сунула его в карман и начала обходить дом, через несколько секунд скрывшись за ним. Улица снова опустела.

Никогда не заведу детей, с неприязнью думала Фатима, притаившись у окна за домом, даже сквозь стены она отчетливо слышала громкий плач малышки. Какие же нервы надо иметь, чтобы ежедневно выносить такое? Постоянные вопли, капризы, непослушание, да еще к тому же надо кормить этого вопящего маленького монстра по часам и все время следить и устранять последствия бесконечных проказ и шалостей. Нет, подумала Фатима, материнство точно не для меня, я бы убила маленького нервомотателя после первой же бессонной ночи.

Плач приблизился, и она осторожно заглянула в окно. Уютная небольшая комната с шикарнейшей двуспальной кроватью и нежными обоями в цветочек – спальня родителей девочки. Блондинка сидела на кровати, нежно укачивая всхлипывающую дочь, видимо, с малышкой ничего серьезного при падении не случилось, и мать, умыв ее, утешала, как могла. Наверное, слегка разбила губу и поцарапала нос, решила Фатима, только и всего, иначе мамаша подняла бы такой хай, что сюда приехал бы сам министр здравоохранения.

Вот и славненько, в планы Фатимы совершенно не входила неожиданная поездка этой дамочки к мужу или, что еще хуже, если она позвонила бы ему и сорвала с рабочего места. Мне, как всегда, везет, отметила сидящая под окном девушка, так легко заполучить сотовый телефон этой матери-героини! В ее плане этот маленький телефон играл довольно значительную роль, поэтому Фатима готова была на любые уловки ради того, чтобы заполучить его.

Оставалось сделать еще одно дело и можно убираться из маленького рая для богатых людей. Правда, придется подождать, а вдруг мамаша решит вызвать врача или посоветоваться с мужем насчет малышки? Фатиме нужно было удержать ее дома, а если перерезать телефонный провод сейчас, то эта клуша может запаниковать и поехать к врачу или мужу сама и немедленно. Нет, придется еще поторчать под окном, как ребенок, играющий в прятки, но зато она удостоверится, что малышка не при смерти, а мамаша успокоилась и не собирается никому звонить. Насчет того, поедет ли блондинка в город, Фатима уже не беспокоилась – если бы она собиралась поехать, поехала бы сразу, а не укачивала бы девочку, переодев ее в явно домаш-

нюю одежду. Похоже, ей действительно везет, словно сама Смерть помогает своему посланнику.

Когда всхлипывания девочки стали сначала реже, а потом и вовсе стихли, Фатима снова рискнула выглянуть из своего убежища. Блондинка по-прежнему сидела спиной к ней, но малышка переключалась с коленей матери на широкую кровать, где раскинулась как королева и уснула. На девочке уже не было шапочки, и Фатима отметила, что волосы у нее такие же золотистые и красивые как у матери. Интересно, каково это, неожиданно мелькнула мысль, дать кому-то жизнь вместо смерти? Какое испытываешь чувство, глядя на крошку, у которой твои глаза, твои волосы? Что думаешь, глядя на маленького человечка и узнавая в нем себя?

Мать нежно гладила дочку по волосам, совершенно не замечая и не чувствуя, что за ними наблюдают. Счастлива ли она, задалась вдруг вопросом Фатима, о такой жизни мечтала эта женщина? На первый взгляд у нее просто прекрасная жизнь: красивый дом в чистом и зеленом районе, так похожем на американские фильмы, где вокруг каждого домика газон, и мальчишка по утрам кидает газету на живописное крыльцо, симпатичный образованный муж, который, к тому же, очень неплохо зарабатывает, прелестная малышка, которая явно вырастет красавицей. Так счастлива ли эта женщина или она мечтала совсем о другом? Может, она с радостью променяла бы свою благополучную и скучную жизнь на одинокие странствия по дорогам, или посвятила бы свою жизнь искусству, или поиску истины и совершенства?

А что мешает всем этим людям делать то, что подсказывает сердце, а не разум и не всезнающая и умудренная своей ничтожной жизнью «тетя Маша»? Что заставляет людей убивать в себе то, что заложено самим Создателем? Откуда берется этот страх перед зовом сердца, как позволили люди ему стать таким непобедимым и сильным, почему они предпочитают убивать в себе личность, а не бороться за себя? Фатима не знала, откуда в ее голове возникают такие мысли, но с возрастом они посещали ее все чаще и чаще. Может поэтому она так презирала людей, за их трусость и лень, которые они сами выбирают и культивируют.

Убедившись, что малышка крепко спит, женщина встала с кровати и направилась куда-то вглубь дома. Наверное, собирается звонить мужу, подумала Фатима и начала перебираться к небольшому щиту, прикрепленному к стене дома с надписью «осторожно кабель». Да, подумала она, вспоминая похотливую улыбочку муженька этой блондинки, абсолютно верное предупреждение, берегитесь дамочки, в этом доме действительно живет настоящий кобелина.

Щит находился возле самого угла дома, поэтому Фатима рискнула и заглянула в окно за углом. Она увидела чистую и светлую кухню, со вкусом обставленную и напичканную всяческой техникой, прямо перед ней находился мягкий уголок, и женщина пила чай, сидя спиной к Фатиме. Судя по всему, звонить она никому не собиралась. Это хорошо, значит можно заканчивать свои дела в Зеленой Бухте и работать дальше. Фатима снова пригнулась и перебежала к щиту. Она не опасалась, что ее кто-нибудь увидит – соседи на ее глазах уехали утром на работу, а от домов, расположенных на другой улице, ее отделяла высокая живая изгородь сзади и дом спереди. Хотя, тянулась изгородь не по всей улице, и уже через пять домов задние дворы соприкасались, разделенные только невысокими заборами и деревьями. Опасаться стоило только мамочки белокурой Ангелины, но та, похоже, не собиралась в ближайшие 10 минут вставать из-за стола, а для того, чтобы перерезать провод и убраться отсюда подальше Фатиме требовалось гораздо меньше времени.

От металлического щита по стене вниз уходили провода, исчезая в земле, а один толстенный провод наоборот уходил вверх и там соединялся с проводами на столбах. Нет, электричество им отключать не нужно, улыбнулась Фатима, открывая запертый на щеколду щит. Там в переплетении проводов она нашла один, выходящий, как и электрический провод, наружу, он тянулся по стене, закрепленный на металлических скобках и исчезал в стене под кухонным окном. А прямо на подоконнике стояла база с радиотелефоном. Все просто. Фатима без колебаний быстро перерезала шнур острым армейским ножом, который работал с ней почти так

же часто, как и ее «опасная подруга». А что, профессионал привыкает к своим инструментам, и она не была исключением.

Вот теперь пора убираться и заняться другими делами, благо их всегда хватает, особенно в день операции. Она, пригнувшись, пробежала мимо окон и вышла на тротуар. Улица по-прежнему была безлюдной, даже овчарка Марта сделала свои важные собачьи дела и отправилась домой. Это хорошо, очень хорошо. Засунув руки в карманы короткой черной куртки, Фатима быстрым шагом направилась к своей машине, на ходу продумывая и просчитывая следующие ходы. Солнце играло в ее черных локонах, превращая их в каскад бриллиантовых волн, и в свете этого весеннего утра она была похожа на прекрасного черного ангела, бросающего вызов миру и всегда побеждающего.

Возможность выбора – вот что Фатима считала своим главным достижением. Она ненавидела времена, когда ей приходилось браться за любое мало-мальски выгодное и безопасное дело, но и тогда она работала и терпела, стиснув зубы, потому что знала, ради чего мотается по холодным городам и спит в подвалах и дешевых грязных гостиницах. В те сумрачные первые дни и месяцы ее жизни в качестве наемного убийцы она уже знала, что недолго будет терпеть такие неудобства и лишения, она знала, надо перетерпеть, надо стараться и работать изо всех сил, закладывая с невероятным трудом по одному невероятно тяжелому кирпичику в стену своей репутации. Да, это трудно, да, это выматывает, но зато когда стена возвысится и станет крепкой и неприступной, она сможет залезть на нее и отныне смотреть на мир сверху вниз, и пусть только кто-нибудь попробует сбить ее оттуда! Нет! Она будет видеть своих врагов с высоты своего опыта, который и лег в основу стены, став ее фундаментом, как на ладони и безжалостно давить, как назойливых маленьких букашек. Вот ради чего она пять лет жила как мышь под половицей, тихо шурша и потихоньку делая свое дело, но она добилась своего. Теперь *она* устанавливала правила и сама выбирала где, когда и с кем ей работать, и это поистине было самым лучшим!

В Ростове ей предложили два реальных заказа, оба от весьма и весьма солидных людей и оба в крупных городах. Оставалось только воспользоваться своей возможностью и выбрать, что в этот раз было не так-то просто. Все дело в том, что в мае в обеих столицах должны были состояться выборы – мэра выбирали в Москве, а в Питере народу предстояло избрать губернатора. И там и там имелись весьма сильные кандидаты, которых поддерживали не совсем дружественные для действующей власти силы. Она никогда не лезла в политику, но знала выражение «сейчас дешевле и проще посадить, чем убить», однако некоторые люди оставались опасными пока дышали. И реальная угроза того, что пост получит совсем не тот человек и начнет устанавливать свои порядки, и вынудила некоторых лиц обратиться к ней. Изнанку политической жизни Фатима хорошо успела изучить за 8 лет карьеры, так что ситуация была для нее предельно понятной – «нехорошего», как потом выяснится, кандидата в разборках убила мафия, с которой он был плотно связан, как покажет следствие. Так же выяснится – она знала эти сценарии почти наизусть – что он отобрал, ограбил и разорил какое-нибудь крупное предприятие и таким образом достал деньги на предвыборную кампанию, а дальше грязь польется ручьем, кто во что горазд, то и придумает. Но ее это уже никак не заботило, ее работа – отправить «не того» выскочку в мир иной, может, в следующей жизни ему повезет больше, и он волеется в «правильную» компанию.

Итак, оставалось только решить: Питер или Москва? Тщательно изучив оба дела на теплом и солнечном побережье Тайланда, Фатима сначала было склонилась к выбору северной столицы, но, вспомнив вечную сырость и холод, решила, все же, ехать в Москву. Там, конечно, в это время года тоже не Африка, но повеселее, чем в находящемся на одной широте с Лондоном Петербурге. В начале апреля она собрала свои вещи и вылетела в Москву, встретившую ее противной слякотью и пронизывающим ветром. Вот вам и весна в северных широтах, с тоской

подумала Фатима, закутываясь в пальто и натягивая на руки перчатки, после тепла и солнечного побережья Андаманского моря, Москва казалась ей особенно холодной и неудобной.

Первым делом предстояло найти хорошее жилье, и – за работу. Москва – не Ростов, да и ее объект не какой-то провинциальный банкир, а депутат правительства столицы, имеющий большие деньги, большие связи и такие же большие амбиции. Тут придется попотеть, но она уже так засиделась (целых полтора месяца ничего не делала, кроме как плавала, нежилась на солнце, спала и разъезжала по экскурсиям), что была только рада возможности поработать на полную мощность. Как же ей не хватало того адреналина, того чувства опасности, когда балансируешь на грани и каждый шаг может стать роковой ошибкой. Как же она соскучилась по работе! И поэтому, она не стала терять ни одного дня, а сразу же окунулась в нее с головой.

Она никогда не оговаривала с заказчиками конкретные даты убийства, это было слишком опасно для нее, но всегда устанавливала временные рамки исполнения заказа. В данном случае она должна была убрать депутата за неделю до начала выборов, то есть не позднее 8 мая, но не раньше конца апреля – по сценарию заказчика депутат должен засветиться в предвыборной гонке. Что ж, так, значит так, лить грязь и расхлебывать последствия его смерти – дело заказчика, а не ее.

Она как всегда запросила обычные данные и вскоре получила фотографию средних лет мужчины с пронзительными серыми глазами, в которых светился ум, и стройным подтянутым телом. Такого и убивать жалко, с иронией подумала Фатима, внимательно рассматривая все пришедшие фото и запоминая объект, какой подтянутый и энергичный на вид, не то что все эти жирные свиньи с заплывшими глазами и самодовольными лицами. Но дело есть дело, ничего личного. Так же она получила его домашний адрес, любимые места в городе, фото и характеристику его телохранителей и, что самое важное, сценарий его предвыборной кампании и расписание почти каждого дня. Именно это ей и было нужно.

Мотаясь по городу за черным бронированным BMW депутата, Фатима поняла, что здесь номер с крышей или с домашним нападением не пройдет, охрана у этого человека была первоклассная. На рабочем месте достать его она тоже не могла, все-таки Дума не банк, и подбратиться к зданию практически невозможно, не говоря уж о том, чтобы проникнуть внутрь. В ресторанах и закрытых клубах было слишком опасно, к тому же, она еще хотела жить, а его охрана убедила ее в том, что к ним лучше не соваться.

И вот, после напряженных дней слежки, просчетов различных вариантов и их отметания Фатима неожиданно нашла лазейку. План родился в ее голове сразу же, как она взглянула в рабочее расписание депутата Долгова. Эврика, едва не закричала она, увидев, что запланировано на 27 апреля. Там-то она его и достанет, и никакая охрана не сможет ей помешать, потому что они сами откроют ей двери, а потом сами пропустят обратно. Но для этого ей нужна кое-какая помощь, которую она легко сможет получить, если сделает все быстро и четко.

Итак, наконец-то в деле появился план, причем, просто превосходный, оставалось только не терять время и успеть сделать все необходимые приготовления. Но у нее была еще неделя, а за неделю она вполне все успеет, ведь она как никто умеет делать все быстро и надежно, именно поэтому клиенты так доверяли ей, что даже не оговаривали четкие сроки. Просто все, кому надо было, знали ее репутацию, знали, что если Фатима вам ответила и взяла заказ, значит можно не беспокоиться и выплачивать хоть всю сумму сразу, ничего не спрашивая и не уточняя, объект будет уничтожен в любом случае. Иначе она никогда бы не взяла дело, она – лучшая, а лучшие не портят свою с таким трудом заработанную репутацию глупыми выходками и недоработками, ведь земля слухами полнится, и стоит хоть один раз оплошать, как тут же потеряешь позиции. А претендентов на трон всегда бывает много, и недаром в народе говорят: легче завоевать, чем удержать.

Предвыборная гонка – война за голоса, в которой все средства хороши, но некоторые хороши особенно. Например, такие старые и испытанные, как публичные встречи с потенци-

альными избирателями, где говорят тысячи красивых и ненужных слов и дают тысячи таких же пустых обещаний. Эти встречи с народом делились на два уровня: с простыми смертными (их проводили прямо на улицах, где политики вещали с наспех сколоченной деревянной сцены); и с богатыми простыми смертными – эти встречи проводили, как правило, в ресторанах и гостиницах, приглашая не только состоятельных людей, но и прессу и даже несколько бедных вдов и пенсионеров, чтобы вся страна увидела, какой честный и отзывчивый человек претендует на высокий пост.

Депутат Долгов Юрий Семенович ничем не отличался от тысяч своих предшественников, поэтому в его рабочем графике выступления на улицах чередовались с пресс-конференциями в дорогих гостиницах Москвы и обедами и ужинами в самых роскошных ресторанах. Просматривая его рабочий план, расписанный буквально по минутам, Фатима не могла не отметить, что наши депутаты действительно много работают. Может, не совсем в том направлении, которого ждет народ, но в безделье их точно не упрекнешь.

Среди бесконечных встреч, обедов и ужинов, и лихорадочных перемещений по городу Фатима, наконец, нашла то, что искала – полтора часа без единого переезда. Вот это другой разговор, обрадовалась она, изучив расписание на 27 апреля. При таком бешеном графике и постоянной смене местоположения депутат был просто неуязвим, но полтора часа без переездов меняли все.

27 апреля депутат собирался посвятить исключительно своим избирателям: с 9 утра у него начинались поездка по детским домам и приютам для стариков, а после 12 начиналась череда выступлений под открытым небом, каждое по полчаса; затем в 15.00 у него обед с каким-то инвестором недалеко от гостиницы «Славянская», а уже в полпятого он снова выступит перед богатыми избирателями в этой самой гостинице, причем на этот раз он не уедет сразу после того, как сфотографируется со всеми влиятельными гостями и раздаст парочку автографов репортерам. Нет, единственный раз во всей своей предвыборной кампании он дважды даст пресс-конференцию в одном и том же месте, причем, с перерывом в полчаса. Итак, в 16.30 он выступит первый раз, затем полчаса отдохнет в номере гостиницы, чтобы уже в 17.30 последний раз пообщаться с прессой и избирателями и закончить свой рабочий день.

Лучше и не придумаешь, радостно думала Фатима, в голове у нее тут же созрел план, причем, до того хороший, что она едва не захлопала в ладоши. Там-то она и доберется до него, в тихом и шикарном люксе, когда он будет сидеть в мягком кресле с развязанным галстуком и потягивать крепкий чай, мысленно настраиваясь на предстоящую речь. Конечно, это будет не так-то просто, но она уж постарается, она уже буквально видела, что и как надо сделать, чтобы ровно в 16.10 оказаться в номере господина Долгова.

2

Первое, с чего она начала, это с того, что на следующий же день поехала в эту гостиницу, напялив свой «любимый» светлый парик и короткую юбку. Она намеревалась осмотреться внутри, присмотреться к персоналу и вообще понять, как лучше себя повести. Гостиница «Славянская» располагалась недалеко от Красной площади и была предназначена для постояльцев с шестизначным банковским счетом, но зато уже от одного внешнего вида этого высокого величественного здания захватывало дух. 50 этажей из стекла и бетона с красивыми балконами и прекрасным парком на территории, рестораном, баром и казино, а также красной ковровой дорожкой у парадного входа и безупречными швейцарами у дверей.

Да, подумала Фатима, останавливая взятую на прокат «Ауди R8», вот это отдых! Когда живешь в такой гостинице и проводишь время с такими людьми, любой город покажется прекрасным, ведь ты никогда не увидишь грязных улиц и их нищих и озлобленных обитателей, никогда не увидишь роющихся в мусорниках стариков, не заметишь малолетних наркоманов и проституток. Постояльцы этой гостиницы увезут с собой самые прекрасные впечатления от Москвы, так и не увидев изнанку этого блеска.

Не успела она остановить машину, как к ней тут же подскочил молоденький швейцар и открыл дверцу.

– Добрый день, – вежливо улыбнулся юноша, – припарковать?

– Да, пожалуйста, – улыбнулась она в ответ, выходя из машины, и взяла парковочный талон с изображением гостиницы и храма Василия Блаженного – символа столицы.

Она не спеша прошла по ковровой дорожке, чувствуя себя до того нелепо, что едва сдержалась, чтобы не прибавить шаг. Нет, нельзя, убеждала она себя, этот сорт людей любит понты, им нравится чувствовать себя полубогами, иначе они спокойно ходили бы по асфальту, а не требовали ковровые дорожки, давая таким образом понять всем остальным, что они слишком хороши и величественны, чтобы ступать на грязный асфальт со всеми простыми смертными. Даже по ковровой дорожке они идут всегда нарочито медленно, чтобы все успели рассмотреть, кто во что одет и как они прекрасны и недостижимы, поэтому Фатима максимально вошла в образ и неспешно поплыла к стеклянным дверям гостиницы, задрав голову, виляя бедрами и презрительно глядя на окружающий мир. Высота ее шпильки была умопомрачительна, а на груди под дорогой короткой шубкой сверкали бриллианты в тяжелом ожерелье. Вот и мой пропуск в мир «полубогов», с презрительной усмешкой подумала Фатима, когда один из швейцаров раскланялся и открыл ей дверь, добро пожаловать в филиал ада.

Внутри гостиница выглядела еще шикарнее и дороже. Фатима попала в просторный холл с аквариумами и кожаными диванами, разбросанными по всему помещению для создания уединенной атмосферы отдыхающим на них людям. Прямо напротив двери в глубине светлого холла вверх поднималась широкая лестница, так же устланная красной ковровой дорожкой, после первого пролета лестница расходилась в разные стороны, рядом с ней Фатима увидела два лифта. Недалеко от лифтов по правой стене тянулась стойка администратора, там кипела работа, возле стойки туда-сюда сновали посыльные и носильщики, а за стойкой сидела три молодых человека и то и дело отвечали на телефонные звонки и выдавали постояльцам ключи. Здесь же, справа широкие стеклянные двери вели в ресторан, там было немногочисленно, но официанты все равно носились по залу как бешеные – клиенты такого уровня любят быстрое и вежливое обслуживание, готовое сию же секунду удовлетворить любую прихоть богатого клиента. Напротив дверей в ресторан с левой стороны такие же стеклянные двери, только немного поуже, вели в бар, в этот ранний час почти пустой. Рядом с баром находился конференц-зал, именно в нем депутату Долгову предстояло выступить 27 числа.

Фатима медленно пошла к стойке администратора, на ходу оглядывая помещение и запоминая расположение вещей. Судя по всему, конференц-зал здесь был большим, не таким большим, как ресторан, но, все же, он тянулся почти во всю длину здания, только в самом конце оставляя небольшое пространство для кабинета, возможно, главного менеджера. То, сообщала блестящая табличка на двери, с такого расстояния и угла обзора прочесть было невозможно. Так вот где искать помощь, отметила про себя девушка и тут же вежливо улыбнулась, встретившись глазами с одним из администраторов.

– Чем могу помочь? – тут же осведомился молодой человек, сверкая отточенной профессиональной улыбкой.

– Я хочу поселиться у вас. – Она выдержала паузу, пристально глядя на молодого человека, а потом добавила, – только мне нужен самый шикарный номер. Я не привыкла жить в сарае. Понимаете?

– Конечно! – вежливо согласился администратор.

Наверное, он так же радостно будет соглашаться со всем, подумала она, даже если кто-то из толстопузов подойдет и заявит, что трахал его мамашу. Конечно, ответит он, сверкая улыбкой, надеюсь, вам понравилось. Фатима вдруг почувствовала, что вот-вот рассмеется, причем, не просто захихикает, а будет смеяться по-настоящему, громко и долго. Пришлось сильно сжать кулаки и прикусить язык, иначе ее бы запомнили, а это было ей совсем не нужно, она ведь собиралась вернуться в эту гостиницу 27 числа, только в другом обличье.

– Наша гостиница самого высокого уровня... – начал, было, парень, но Фатима решительно оборвала его.

– Да-да, – нетерпеливо махнула рукой она, – иначе ноги бы моей здесь не было. Не надо толкать мне всю эту рекламную чушь, раз я здесь, значит, сама все знаю. Мне не нужен просто номер, я что не по-русски говорю? Мне нужен люкс, самый шикарный и самый красивый номер в этом отеле. Или мне поговорить с менеджером?

При упоминании начальства молодой администратор побелел как мел. Еще бы, если клиенты такого уровня проявляют недовольство, начальство просто шкуру с них снимает, ведь этим несчастным платят именно за то, чтобы они как можно тщательнее вылизывали зад всем этим шишкам. Кем ты работаешь, пронеслась в ее голове веселая и опять совсем неуместная мысль, я работаю жополизом в гостинице «Славянская». И сколько платят? Зависит от того, насколько хорошо будешь лизать. Господи, подумала она, у меня сейчас начнется истерика. Просто, правда в том, думала она, что какую бы должность ты ни занимал в месте, подобном этому, вся суть твоей работы сводится к одному – вылизывать зад богатым людям.

– Ну что вы, никаких проблем! – залепетал юноша, – у нас как раз есть парочка свободных апартаментов на 10 и на 30 этажах. Стоимость вас приятно удивит.

Еще бы, подумала Фатима, бросив быстрый взгляд в прейскурант, судя по цене, у вас там унитаза из золота, не меньше.

– Я хочу посмотреть. – Капризно заявила она, хлопая километровыми ресницами. Она ненавидела тяжелый и яркий макияж, но иногда приходилось помучиться, особенно если собираешься потом вернуться в это место, косметика скроет черты твоего лица и отвлечет от них внимание.

– Разумеется. – Улыбнулся администратор, – сейчас наш коридорный вас проводит. – Он махнул рукой и к ним подошел высокий нескладный молодой человек в красной форме гостиницы и с такой же ослепительной улыбкой на лице. – Константин, покажи даме наши люксы на 10 и на 30-м. – Он снова улыбнулся, глядя на Фатиму счастливыми глазами. Ему бы Оскара дать, подумала она. – Надеюсь, вам понравится.

– Я тоже надеюсь. – Бросила она и последовала за долговязым Константином к лифтам.

– Неужели в такой большой гостинице свободны всего два люкса? – спросила она коридорного, когда они вошли в лифт, и он нажал кнопку 10 этажа.

– Увы, – виновато улыбнулся он, пожав плечами, – Москва привлекает туристов со всего мира, они-то и позанимали все лучшие номера. И все забронировано на месяцы вперед. Но ничего, для наших клиентов мы всегда находим то, что нужно, – и он снова улыбнулся. Фатима решила промолчать.

Какой же люкс выберет депутат, гадала она, эту информацию ей не предоставили, так как никто таких мелочей не знал. Но в гостинице должны знать, думала она, наверняка он забронировал себе номер на 27-е, не будет же он отдыхать в холле или в обычной комнате. Это она и собиралась выяснить, оставалось только верно выбрать люкс, иначе она рискует привлечь внимание, если начнет расспрашивать или переселяться.

В коридоре 10 этажа было тихо и уютно, на кремового цвета стенах висели картины, на полу лежал толстый ковер, изящные светильники на стенах и горшки с экзотическими растениями придавали помещению какую-то неуловимую элегантность и ощущение покоя. Люкс №1010 находился в самом конце коридора прямо перед огромным панорамным окном, из которого открывался прекрасный вид на город. Коридорный достал из кармана формы золотистую карточку-ключ и открыл двери.

– Проходите. – Вежливо произнес он, пропуская Фатиму вперед.

Она вошла и приятно удивилась, увидев перед собой роскошную гостиную с кожаными диванами, громадным телевизором, музыкальным центром и баром. Вместо стены было огромное окно, завешенное дорогими шелковыми занавесками с узорами кофейного цвета. Она прошла дальше в спальню, такую же просторную и наполненную солнечным светом, с большой кроватью и красивыми светильниками на прикроватных столиках. Вся мебель была изящной и красивой, любая мелочь дополняла интерьер и настолько гармонично сочеталась со всем остальным, что казалось, это ненастоящая комната, а какой-нибудь кукольный домик. Из спальни дверь вела в ванную, что очень порадовало Фатиму, такая планировка ей и была нужна для ее дела. Здесь просто отлично подумала она, привыкшая к шикарным отелям и дорогим виллам за границей, неужели и в России научились селить людей не в бараках!

– Неплохо, – кивнула она, возвращаясь к ожидающему в коридоре молодому человеку. – А что на 30-м?

– Сейчас покажу, – он снова вежливо улыбнулся и запер дверь. – Номера нашей гостиницы отвечают требованиям даже самых изысканных клиентов.

Фатима снова промолчала, и они двинулись к лифтам. 10 или 30-й, все время думала она, пока лифт медленно полз вверх, какой же люкс выбрал господин Долгов? Наконец, казалось через 20 лет, а не 20 этажей, лифт остановился с тихим мелодичным звоном, на панели засветилась цифра 30. Как только двери открылись, Фатиму поразила белизна, окружившая ее со всех сторон – стены и ковер на 30-м этаже были ослепительно белоснежные, как и светильники на стенах, имеющие едва уловимый жемчужный оттенок. Зелень на фоне этой белизны выглядела слишком яркой и неестественной, но в целом здесь тоже было довольно уютно, хотя атмосфера была боле холодной и неживой, как в дорогом офисе или больнице для VIP-персон. Фатима несколько не удивилась, когда коридорный повел ее к дальнему окну – все люксы располагались друг над другом и имели одинаковые номера, на двери этого золотистые цифры образовывали 3010.

– Прошу. – Молодой человек распахнул перед ней дверь и жестом пригласил войти и осмотреться.

Фатима не стала мешкать и с интересом вошла в номер. Перед ней оказалась такая же гостиная, только выполненная в другой цветовой гамме – как и в коридоре в комнате преобладал белый цвет, а диваны и занавески были нежного кремового оттенка. Она прошла в спальню, хотя прекрасно знала, что может там увидеть, но надо держаться образа и придирчиво осматривать все до конца. Спальня тоже имела такой же размер и была обставлена так же, как на 10 этаже, отличие было только в цветах мебели и стен – здесь все было сделано в стиле домино,

черное и белое. Очень стильно, подумала девушка, проходя по толстому ковру и садясь на мягкую кровать, здесь мне даже нравится больше. Но вот что нравится депутату?

Она позволила себе расслабиться на несколько секунд и представить, что она – кандидат в мэры. У нее бешеный график, каждая секунда на счету, бесконечные обеды и встречи, постоянные выступления и только редкие и короткие моменты для отдыха. Значит, она должна экономить любую секунду и не тратить ее на всякие пустяки типа медленного лифта или слишком высоко расположенного номера. Ей и так отводится всего полчаса на отдых, и она совсем не хочет потратить драгоценные 10 минут на подъем и спуск с 30 этажа. К тому же, зачем тащить все бумаги, сувениры и прочую предвыборную дребедень через лишние 20 этажей, когда можно прекрасно все разместить на 10-м? Не стоит так же забывать про охрану, помощников и остальную свиту, сопровождающую кандидата, их-то тоже придется тащить как багаж на 30-й этаж. А вдруг лифт сломается – хотя в таких гостиницах этого практически не бывает, но, как говорится, раз в год и незаряженное ружье стреляет – с 10 этажа хоть можно дойти пешком, а с 30? Нет, преимущества очевидны, он поселится внизу, теперь у нее не было никаких сомнений. С легкой душой она встала с кровати и быстро вышла к коридорному.

– Я выбрала. – Радостно сообщила она ему, и молодой человек облегченно улыбнулся, решив, видимо, что она останется здесь. Но Фатима тут же разрушила его иллюзии, хлопнув за собой дверь и направляясь к лифтам. – Я хочу жить на 10-м, – на ходу сказала она, и, обернувшись, с радостью отметила, что улыбка на лице коридорного заметно потускнела, – здесь слишком высоко, а лифты меня нервируют. К тому же, зачем тратить лишнее время на спуск и подъем, когда точно такой же номер есть на 20 этажей ниже! Решено, – улыбнувшись, подвела итог она, стоя возле медленного лифта, – беру 10-й!

– Э-э... да, конечно. – После некоторых колебаний согласился Константин, решив предложить администратору или менеджеру заботу по поводу желания этой богатенькой стервы жить в забронированном люксе. В конце концов, им за это платят, а он всего лишь коридорный и не обязан решать чужие проблемы. – Сейчас спустимся к администратору, и он даст вам ключ.

В яблочко, радовалась Фатима, глядя, как коридорный упорно отводит глаза, этому типу явно не нравится, что все вдруг захотели жить в одном люксе, чувствую, будет весело. Как только они оказались в холле, ее проводник молнией метнулся к стойке администратора и начал что-то горячо шептать молодому человеку за стойкой. Кретин, подумала Фатима, с такими манерами его быстро вышвырнут отсюда.

– Вижу, вы остались довольны? – с улыбкой спросил администратор, в его облике, в отличие от Константина, ничто не выдавало волнения. Вот почему он – администратор, а ты – всего лишь мальчик на побегушках, подумала она, глядя на опущенные глаза коридорного, и таким и останешься.

– Да, – кивнула она, – я выбрала номер на 10-м.

– Э-э..., – начал мяться администратор, – видите ли...

– Что, – недовольно перебила она, – есть проблемы?

– Ну... в общем, не то чтобы проблемы...

– Не поняла, – она уперла руки в бока и с нарастающей злостью посмотрела прямо в глаза молодому человеку, – я потратила свое время, я остановила свой выбор на вашей ночлежке, я собиралась потратить у вас свои деньги, а вы заявляете мне, что «видите ли, не то что бы проблемы». Я буду жить там, где захочу, потому что я плачу за это. А иначе я тут же собираюсь и еду в «Монако», там, по крайней мере, мне не придется выслушивать этот бред.

Она с вызовом посмотрела на администратора, похожего в этот момент на побитую собаку.

– Но только я расскажу всем своим друзьям, чтобы они и носа не совали в этот клоповник, где люди даже не могут жить там, где захотят жить за свои деньги!

– Прошу вас, подождите! – умоляюще проговорил молодой человек, – приношу свои извинения, может, мы сможем что-то решить.

Она нехотя обернулась и смерила его взглядом.

– И что вы можете мне предложить?

– Если вы не хотите жить на 30-м, то завтра освободится люкс на 2-м...

– А сегодня мне что, в коридоре спать? – ехидно спросила она, презрительно глядя на администратора. Вот до чего доводит жадность, подумала она, решили сдать тот люкс тому, кто на несколько дней в Москве, а потом благополучно вселить депутата, поэтому и показывали мне его. Но, видимо, решили, что я тут надолго, плюс характер не подарок, вот и вышла накладка. Может, они втайне были уверены, что выберу то, что повыше? А этот показали мне, чтоб не гавкала. Все получилось точно по плану.

– Конечно, нет! Сегодня вы переночуете в 3010, причем за предоставленные неудобства половину стоимости номера оплатит гостиница.

– Молодой человек, – медленно проговорила она, – я в Москве всего на 5 дней и не собираюсь как цыганка переезжать из одного номера в другой.

На лице администратора вдруг отразилось такое облегчение, что Фатима чуть не засмеялась, он тут же расслабился и первый раз за все время искренне улыбнулся.

– На 5 дней? Господи, что ж вы сразу не сказали? А я-то был уверен, что вы как минимум на неделю. Извините, это наша ошибка! – он просто засиял от радости, и Фатима вернулась к стойке, удивленно приподняв одну бровь.

– Что вы хотите этим сказать?

– Вы сможете прямо сейчас въехать в 1010, вы ведь до 26-го, так? – Фатима кивнула, – все дело в том, что на 27-ое этот номер забронирован, но до того времени он абсолютно свободен! Что скажете?

– Скажу, что в России обслуживание никогда не будет хорошим, – проворчала она, – оформляйте.

Она все еще сохраняла недовольное выражение лица, когда уже знакомый ей Константин нес следом за ней ее чемоданы, а она, медленно и важно ступая по ковровой дорожке, несла свой изящный клатч. В холле она гордо прошествовала мимо стойки администратора, даже не удостоив взгляда молодых служащих, глазающих на нее между звонками и раздачей ключей. Она специально придала лицу такое выражение, хотя все внутри просто пело и кричало от радости: переезжаю! Пока все шло просто замечательно, она нашла слабое место в броне депутата, нашла его люкс и даже умудрилась там поселиться. Оставалась еще ровно половина запланированных дел, и она собиралась заняться ими безотлагательно.

Когда самый медленный на свете лифт наконец-то довез их до 10 этажа, она уже позволила легкой улыбке смягчить строгое выражение лица. А к тому времени, когда Константин внес в номер ее чемодан и отдал ей ключ, она уже радостно улыбалась, сверкая всеми 32-мя зубами.

– Спасибо. – Она не глядя сунула коридорному чаевые и, пританцовывая, пошла к панорамному окну. Да, здесь жить намного приятнее, чем в предыдущей гостинице, подумала она, хотя понимала, что дело есть дело, поэтому приходится жить там, где надо, а не там, где хочется.

– Я вам больше не нужен? – вежливо спросил Константин, отходя к двери.

– А ты еще здесь? – удивленно обернулась Фатима, – нет, пока все. Если понадобится – позову. – Быстро закончила она за него и снова отвернулась к окну.

– Конечно. Всего доброго. – И коридорный, наконец, исчез, оставив ее в желанном одиночестве.

Как только дверь за служащим закрылась, с лица девушки тут же слетела вся стервозность и высокомерие вместе с радостной улыбкой. Лицо стало жестким и сосредоточенным, а взгляд

внимательным и пронзительным. Быстрым шагом она подошла к двери – совершенно не взирая бедрами, это ушло вместе с образом – и замкнула ее, предварительно вывесив табличку «не беспокоить». Пусть думают, что я отдыхаю с дороги, решила она, хотя на самом деле отдыхать было некогда. Она даже не стала распаковывать вещи, чтобы не делать потом двойную работу, перекладывая их с места на место, а сразу принялась осматривать номер.

Начала она с гостиной. Мебели здесь было немного и вся она была из кожи, только столик перед диваном был стеклянным, а подставки под телевизор и музыкальный центр – деревянные, она раскрыла все шкафчики и ящички, сантиметр за сантиметром ощупала всю мебель, пол и стены, но так и не нашла ничего подходящего. Те же результаты дал обыск спальни и ванной. Ну, и что мне прятать пистолет в бачке унитаза, как часто показывали в фильмах, подумала она, но опыт подсказывал ей, что перед вселением депутата это будет чуть ли не первое место проверки. Нет, там прятать оружие нельзя, но и с собой пронести не получится, она знала это так же хорошо, как и то, что каждый сантиметр этого номера будет обыскан и прощупан. Оставалось только проявить сою знаменитую изобретательность и найти выход.

Но тайник был не единственной проблемой, 27-го числа ей надо было еще как-то попасть в номер, чтобы воспользоваться им, а уж тут не обойтись без посторонней помощи, так что надо еще найти помощника и познакомиться с ним поближе, а время не ждет. Пока она ползала по комнатам люкса, солнце уже успело сесть, значит, уже примерно половина восьмого, следовательно, того, о ком она думает, уже нет на работе. Что ж, придется отложить на завтра, а пока можно немного и отдохнуть, а заодно и осмотреться.

Порывшись в чемодане, который она уже отнесла в спальню, Фатима достала черное вязаное платье и сапоги на высокой шпильке. Вот на что уходит так много драгоценного времени, с раздражением подумала она, ведь для каждого задания нужен свой специфический гардероб. Стразы на платье горели, как маленькие бриллианты, на сапогах тоже блестели бусинки и камешки, и, надев ко всему этому еще пару сережек и браслет, Фатима подумала: хорошо, что уже ночь, а не то меня бы унесли сороки. Перед тем, как покинуть номер, она вытащила из чемодана небольшую коробку с кодовым замком, положила ее в сейф, а потом взяла маленькую черную сумочку и подошла к зеркалу в спальне.

– Ну что, готова к выходу? – спросила она блондинку в зеркале, волосы спускались ниже плеч идеально прямыми светлыми прядями, очень красиво сочетаясь с черным цветом платья. – Я понимаю, что сегодня ты у нас «кошечка», но все же, не сильно увлекайся и не забывай смотреть по сторонам.

Она замкнула дверь и положила ключ-карточку в черную сумочку. В коридоре было абсолютно пусто и тихо, как будто в здании больше не было живых людей. Наверное, большинство сидит в баре или в ресторане, а другая часть поехала поразвлечься в город, ведь за тем они сюда и приехали – работать днем и развлекаться вечером. Она подошла к лифтам и попыталась вызвать тот, на котором добралась сюда, но он, как назло, был все время занят. Она нажала на кнопку вызова второго лифта – тот же результат. Ну, все понятно, подумала она, народ стекается вниз, как я и предполагала. Придется ждать, решила она, не спускаться же на такой шпильке с 10-го этажа пешком! Через несколько минут один из лифтов остановился на ее этаже, и она вошла внутрь, где уже было трое пассажиров.

– Вниз? – радостно спросил мужчина в смокинге с огромным, как у беременной женщины животом. Фатима улыбнулась и кивнула. Кроме нее и «беременного» господина в лифте ехали две дамы: одна постарше в дорогом вечернем костюме цвета ночного неба, другая лет 18 в брюках и прозрачной красной кофте. Пока лифт медленно полз вниз, Фатима выяснила, что толстого мужчину зовут Олег, он бизнесмен с севера, а дамы оказались его женой и дочерью.

– Эти две красавицы меня совсем измотали, – пожаловался он Фатиме с виноватой улыбкой, – пойдем туда, пойдем сюда, то в Третьяковку, то в мавзолей, то в театр, то в ЦУМ – никакого покоя нет!

– Конечно, нет! – тоже улыбаясь, возмутилась жена, – вот если бы я тут жила, тогда бы и не ходила везде с открытым ртом, а так, приедешь раз в год на 10 дней, вот и бегаешь, как вшивый по бане!

При этих словах дочка захихикала противным визгливым смехом и продолжила с откровенным любопытством разглядывать Фатиму.

– Все женщины одинаковы, – безнадежно махнул рукой толстяк, – накупили тряпья, уезжали с тремя чемоданами, приедем с шестью. – Фатима лишь вежливо кивала и улыбалась, – Вы вот, небось, тоже мужа мучаете, – улыбнулся он Фатиме, – оттого и не соглашаетесь со мной – женская солидарность!

– Я не замужем. – По-прежнему улыбаясь, ответила она, – поэтому мои походы по магазинам никого, кроме моих родителей, в шок не повергают. – Она заметила вопросительный взгляд всех троих членов семейства и добавила, подмигивая – просто я страшная эгоистка, люблю только себя, дорогие вещи и развлечения. – Она выдержала паузу. – Поэтому родители в шоке, а мужа вообще нет.

Они не успели прокомментировать ее заявление, потому что едва она договорила, как лифт остановился, и двери, мелодично звякнув, поползли в разные стороны. С удивлением Фатима заметила, что они не в холле, а на втором этаже, откуда в холл спускалась эта широкая пафосная лестница, покрытая ковровой дорожкой.

– Приятно было познакомиться, – улыбнулась она, выходя из лифта, – желаю хорошо провести вечер.

Они пробормотали в ответ что-то вежливое, что полагается говорить в таких случаях, нестройным хором и вышли вслед за ней. В коридоре второго этажа было всего несколько номеров и один общий холл с книжными полками, креслами и телевизором, так же на стенах было достаточно много зеркал, видимо, хозяева гостиницы хотели предусмотреть все: наверняка гостям захочется проверить и подправить свой шикарный туалет, прежде чем спускаться в бар или ресторан по широкой лестнице. И они не ошиблись, возле зеркал толкались дамы в дорогих – и, в большинстве случаев, безвкусных – вечерних платьях, а их мужчины нетерпеливо ходили взад-вперед или просто переминались с ноги на ногу, дожидаясь, пока леди подправят выбившуюся из прически прядь или разглядят складку на платье.

Как Фатима и ожидала, жена и дочь сибирского бизнесмена тут же прилипли к зеркалам, соперничая с крутящимися женщинами за лишние сантиметры зеркального пространства. Вот и хорошо, подумала она, проходя мимо, не будут доставать своими пустыми разговорами и ненужными расспросами. Сама она даже не взглянула в сторону зеркал, она итак знала, что выглядит отлично, вместо того, чтобы попусту тратить время, она сразу поспешила к лестнице и начала спускаться в холл. Она осторожно шла по ступенькам на своих высоченных каблуках, щурясь от яркого света, которым заливала холл огромная хрустальная люстра под потолком, думая только о том, как бы каблук не зацепился за ковровое покрытие, и она не полетела вниз, смеша людей и срывая заказ – переломанные кости в ее план не входили.

Эта лестница когда-нибудь кончится, нетерпеливо думала она, я прошла уже целый километр! Это надо же так любить понты, чтобы так долго вышагивать по лестнице, дабы все успели рассмотреть и позавидовать. А все действительно смотрели, служащие и постояльцы, сидящие на креслах и диванах с газетами в руках – все то и дело поглядывали на лестницу, оценивая идущих и тут же обсуждая. Фатима провела в гостинице всего несколько часов и еще не знала, что по вечерам дефиле по лестнице – любимое развлечение постояльцев.

Ну, вот и последняя ступенька, и она облегченно вздохнула, теперь можно немного расслабиться и посмотреть по сторонам. Она остановилась возле перил и начала оглядывать холл, запоминая расположение помещений и их назначение. Ее интересовал кабинет главного менеджера, его-то она и искала глазами. Не вечно же мне тут торчать как столб, решила она и присела на ближайший свободный диван. Рядом с ним стоял маленький кофейный столик и

горшок с каким-то пышным цветком, что действительно создавало уютную и уединенную атмосферу. К ней тут же подошел официант и спросил, не хочет ли она чего-нибудь выпить или почитать прессу. Она ответила, что с удовольствием выпьет чашку крепкого зеленого чая, и молодой официант удалился, а Фатима принялась изучать холл.

Прямо напротив нее широкие стеклянные двери вели в конференц-зал, там-то и будет проходить встреча с избирателями. Готова поспорить, подумала она, что, не смотря на стеклянные двери, там прекрасная звукоизоляция. Слева от зала находился бар, а вот справа она увидела то, что искала – в самом дальнем углу сплошная деревянная дверь вела в кабинет главного менеджера. Отлично, подумала она, кабинет-то под самой лестницей, причем, в самом дальнем углу, думаю, проникнуть туда проблем не составит. Главное, чтобы тот, кто поможет ей в ее деле, оказался на месте. Хотя, это была наименьшая из ее проблем.

Надо же, как удачно, радовалась она, кабинет прямо рядом с конференц-залом, при таком столпотворении и суете, как будет 27-го, никто не заметит, как я проникну в дверь по соседству.

3

Через пять минут официант в безупречно сидящей и чистой форме принес ее чай и взял у нее пластиковую регистрационную карту с чипом, на которой был указан номер ее люкса и паспортные данные.

– Мы доверяем нашим клиентам, – сказал ей администратор, протягивая карту при оформлении, – именно поэтому мы избавляем их от необходимости повсюду таскать деньги или кредитные карточки. – Он гордо повертел в руках кусочек пластика с номером комнаты, – с помощью этого вы сможете обедать в нашем ресторане и посещать бар, все ваши затраты будут фиксироваться и в конце вашего пребывания будут включены в общий счет. Удобно, не так ли?

Тогда она лишь высокомерно посмотрела на него, и пошла к машине за вещами, но теперь подумала, что это действительно весьма удобная форма расчета, как раз подходящая для заведений такого уровня. Потягивая горячий чай, пахнущий жасмином, она заметила, как по лестнице начала спускаться семья бизнесмена из Сибири, он старался изо всех сил удерживать равновесие, чтобы живот не потянул вниз, а жена – и особенно дочка – явно чувствовали себя гостями церемонии вручения Оскара, так величественно и вместе с тем смешно они шли. Фатима поспешно уткнулась в чашку, надеясь избежать контакта, но как только туфельки жены толстяка ступили на мраморный пол, она тут же подошла к девушке и с улыбкой до ушей спросила, собирается ли она в ресторан или в бар. Фатима неопределенно пожала плечами, в надежде, что дамочка отстанет, но та не унималась:

– Советую посетить ресторан, – потирая ухоженные руки, проворковала она, – тут просто замечательно готовят! Особенно рыбу, обязательно попробуйте!

– Спасибо, попробую. – Попыталась отвертеться Фатима.

– А после двенадцати можно и в бар, – никак не успокаивалась женщина, – вы ведь девушка молодая, вам нужны развлечения, а там всегда хорошая программа...

– И просто отличный коньяк! – перебил муж, – пойдем, Марго, а то даже мне уже кажется, что ты здесь не живешь, а работаешь. Дай девушке отдохнуть. К тому же, – он лукаво подмигнул Фатиме, – может, она ждет кого-то, а тут ты со своими советами.

Он снова улыбнулся, а его жена кокетливо захихикала. Фатима улыбнулась им в ответ и еще раз пожелала хорошего вечера, но толстяк энергично замотал головой:

– Пока не поедем как следует, вечер для меня плохой. – Он повернулся к жене, потом посмотрел на Фатиму, потом снова на жену и, выпучив глаза, прошептал со счастливой улыбкой, – Ай да за мной! Жрать!

Тут уж Фатима не выдержала и рассмеялась, присоединяясь к хохоту семьи. Напоследок они взяли с нее обещание, что она подсядет к ним, если будет одна и если застанет их в ресторане. Она пообещала и снова уткнулась в свою чашку, с досадой думая, что ей еще долго придется сидеть в холле, прежде чем они уйдут, и она сможет спокойно поесть.

– Извините, можно к вам подсесть? – спросил красивый мужской голос, – а то я сегодня поздновато, все места уже заняты.

Фатима подняла голову и увидела прямо перед собой молодого мужчину среднего роста с черными блестящими волосами и пронзительными голубыми глазами. Первой ее мыслью было: Боже, какие красивые глаза! Она никогда еще не видела таких огромных и таких глубоких глаз, как у этого незнакомца и собственные мысли удивили и даже испугали ее. Но еще большее удивление она испытала, когда совершенно неожиданно для себя улыбнулась и кивком пригласила незнакомца сесть рядом. Что я делаю? – успела подумать она, мне ведь совершенно ни к чему приключения!

– Спасибо, – улыбнулся молодой человек, и Фатима тут же отметила, что у него просто прекрасная улыбка, открытая и такая сияющая, словно его лицо осветилось изнутри. – Не хочу

вам мешать, просто свободное место есть еще только одно, – легким едва заметным кивком головы он указал куда-то в центр холла, – но любой нормальный мужчина согласится, что намного приятнее сидеть с красивой девушкой, чем с болтливой старухой.

И он снова обворожительно улыбнулся слегка виноватой улыбкой, как бы говоря, что ничего не имеет против старухи, просто такова природа.

– Я так понимаю, вам скучно? – спросила Фатима, невероятным усилием воли заставляя себя прийти в норму, – Почему вы не в ресторане или в баре? Или не играете в городе в казино? Ведь в Москве полно развлечений, а вы не старик. Так в чем же дело?

– Ну, я развлекаюсь по мере возможности, – пожал плечами незнакомец, – просто еще слишком рано для поездок в город или спиртного, и есть, как назло, не хочется. – Он усмехнулся. – Вот и сижу здесь, коротаю время, согласитесь, это намного веселее, чем торчать в номере.

– Согласна, – улыбнулась Фатима, собеседник ей явно нравился, особенно его ненавязчивое чувство юмора, – я тут по той же причине.

– Тогда вы меня понимаете, – он повернулся к ней и Фатиме показалось, что она тонет в его голубых глазах, как будто он гипнотизировал ее. – Предлагаю скоротать время вместе.

Он заметил ее возмущенный взгляд и тут же продолжил, выставя ладони вперед:

– Я не подкатываю, как только одному из нас наскучат посиделки на диване, он тут же уйдет. Никаких обменов телефонами или фраз, начинающихся с «а может нам с вами...». Идет?

Фатима согласно кивнула, в который уже раз поражаясь себе. Молодой человек оказался на редкость интересным собеседником, он много чего знал и умел красиво и интересно об этом рассказывать, к тому же его чувство юмора не один раз заставляло Фатиму хихикать, как девчонку, причем, пожалуй, впервые в жизни она не играла.

После первых минут беседы ее поразило, насколько схожи их взгляды на общество и на жизнь в целом, она ничего не говорила ему о себе, но он как будто читал ее мысли, высмеивая разодетых и надутых как мыльные пузыри людей и подкалывая больших любителей поболтать и дать советы. Однако, как бы весело и хорошо ей ни было, она была одиночкой, и ее инстинкты тут же забили тревогу. Кто он, почему подсел, зачем пудрит ей мозги? Не с проста все это, твердил внутренний голос, при твоей-то работе верить в случайные встречи, особенно с молодыми красавчиками, с которыми у тебя поразительно совпадают взгляды на жизнь? Конечно нет, и то, что он так осторожно вел беседу, как бы прощупывая почву настораживало ее еще больше.

Однако он умен, отметила Фатима, продолжая улыбаться, только улыбка теперь была всего лишь фасадом, а внутри росло подозрение и интерес. И красив, как ангел, тут же добавил предательский голосок, который она заставляла молчать все эти долгие годы. У нее не было личной жизни, и она шла на это вполне сознательно, ведь при такой работе либо одно, либо другое. Да она и не нуждалась в любви, она не знала, что это такое. К тому же, глядя на мир вокруг, она с каждым годом понимала все острее и острее, что вряд ли на этой планете есть тот, кто не только будет ей интересен, но и окажется настолько умен и силен духом, что сможет удержать ее. Но, по правде говоря, задумывалась она об этом крайне редко, ведь все ее время поглощала работа, и мысли вертелись только вокруг очередного задания, остальное она просто отсекала.

А сейчас вдруг голос женщины взбунтовался и вышел из-под контроля, как взорвавшийся котел, который всегда запаивали, закрывали вместо того, чтобы время от времени выпускать пар. Она вдруг поняла, что больше не слушает своего собеседника, не анализирует его, вместо этого она восхищается его ухоженными черными волосами, такими густыми и такими длинными. Спорю на миллион долларов, что на ощупь они как шелк, проворковал взбесившийся голос женского начала, а глаза, ты только посмотри в эти небесно-голубые омуты!

Хватит! Заткнись! – попробовала подавить бунт девушка, но впервые за 25 лет ей это не удалось. Это же верная смерть, дура! – пыталась привести себя в чувство она, ты ведь даже не знаешь, кто он такой! А может, он из органов! Или конкурент! Где твои гребаные мозги! Но все было напрасно, в ней как будто произошло раздвоение личности, одна часть продолжала ахать и вздыхать, а вторая пыталась вернуть все в прежнее русло и сматываться.

Наконец, чтобы хоть как-то привести себя в равновесие, Фатима незаметно ущипнула себя за руку, да так сильно, что едва сохранила непроницаемое выражение лица, а на глаза даже навернулись слезы. Помогло, теперь она, похоже, опустилась на землю. Да, он красив, как ангел и к тому же интересный собеседник, но я не бухгалтером работаю, так что надо держать дистанцию и попытаться выяснить, кто он и что ему надо, решила она и очень обрадовалась вернувшейся способности здраво мыслить. Не буду поднимать шум, решила она, полюбезничаю с ним и уйду, а там видно будет. И тут вдруг, как будто снова прочитав ее мысли, молодой человек начал прощаться.

– Ну ладно, с вами приятно было поболтать, – с улыбкой проговорил он, глядя ей прямо в глаза, отчего у нее снова началось помутнение, – вы – редкость, я могу посчитать на пальцах одной руки всех девушек, встреченных мной за всю жизнь, которые были бы не только фантастически красивы, но и так же умны.

Он привстал и с улыбкой пожал ей руку.

– Теперь я буду загигать еще один палец. Спасибо за общество.

И он пошел через холл к ресторану своей гибкой, как будто кошачьей походкой. А мы ведь даже не представились друг другу, с сожалением подумала Фатима, уход этого красивого незнакомца ее очень разочаровал, и она снова начала злиться на себя. Не будь дурой, одернула она внутренний голос, то, что он ушел вовсе не значит, что он не агент и не конкурент, ты сама прекрасно знаешь, что лучший крючок, на который все ловятся – ненавязчивость, пусть жертва сама клюнет, сама решит продолжить общение, тогда у нее не возникнет подозрений. А если даже возникнут, их легче будет усыпить, ведь никто не навязывался и не вынуждал тебя идти на контакт с незнакомцем.

Усилием воли она заставила себя отвернуться и не провожать взглядом удаляющуюся грациозную фигуру незнакомца. Придется еще посидеть, думала она, хотя уже рассмотрела холл до мельчайших деталей, а желудок начал напоминать, что последний раз он видел пищу ранним утром. Теперь еще придется ждать, пока этот «Казанова» поест, разлилась вдруг она, а то еще ненароком подсядет или решит, что она строит ему глазки. Вообще надо теперь стараться как можно реже попадаться ему на глаза, решила она, раз уж мы живем в одной гостинице, случайных встреч не избежать, но надо сделать все, чтобы свести их к минимуму. Фатима полагала, что особого труда это не составит, ведь она работает, и весь день будет занята делами, да и он наверняка здесь не на отдыхе, так что видаться они будут действительно редко. Вот и хорошо, подумала она, а то в его присутствии я почему-то перестаю себя узнавать и контролировать.

Часы над конференц-залом показывали без пяти 8, прошло только пять минут после его ухода, а ей показалось, что она торчит тут уже полчаса, желудок требовательно заурчал. Может попить еще чаю, подумала она, но тут же ощутила тошноту при одной мысли о чае. Нет, она хотела есть, и никакой чай не мог утолить это грызущее чувство. Внезапно она решила, что ей делать, она не будет причинять себе неудобства и кого-то там ждать, нет, она просто рискует свалиться в голодный обморок, пока все, кого она не хочет видеть закончат ужинать и уйдут из ресторана. Она прямо сейчас пойдет и подсядет к семье из Сибири, тем более, что с момента их ухода в ресторан прошло почти 50 минут, следовательно, они должны уже скоро закончить трапезу, так что она ничего не теряет – всего 5-10 минут их болтовни и они уйдут, оставив ее в блаженном одиночестве. Таким образом, она сдержит слово и наконец-то поест. Фатима решительно встала и направилась к ресторану, на ходу поправляя платье, и прямо в

дверях неожиданно наткнулась на ту самую семью, выходящую из ресторана под громкий и явно довольный смех главы семейства.

– Дорогая, а вот и вы! – радостно провозгласил бизнесмен, – что же вы так задержались! А мы вот уже успели поесть.

Заметно, подумала Фатима, сдерживая улыбку, еще час назад ты не выглядел таким веселым и довольным.

– Да я тут встретила одного знакомого, – с сожалением ответила она, – и только сейчас от него избавилась. Думала, еще успею вас застать.

– Ну, ничего! – тут же вставила жена, – мы только позавчера приехали, а вы, наверное, вообще только сегодня, так что нас еще ждет не один совместный ужин, я надеюсь!

Упаси Господь, в ужасе подумала Фатима, но на лице ее расцвела широкая улыбка, и она кивнула.

– Буду очень рада.

Отец семейства пришел в восторг, а его жена смотрела на Фатиму с таким умилением, что ей даже стало не по себе. Одна только дочка не выказывала особого энтузиазма, она натянуто улыбалась и с явным смущением бросала на Фатиму короткие любопытные взгляды. После короткого обмена любезностями они, наконец, разошлись, и Фатима вошла в широкие двери ресторана. Помещение было большим и уютным, с громадными окнами и красивыми светло-кремовыми шторами на них, под потолком висели три люстры, такие же, как в холле, только поменьше. Рядом с дверью с правой стороны располагалась стойка администратора, а за ней начинались ряды столиков, накрытых белоснежными и кремовыми, в тон шторам, скатертями, на каждом столике стояла маленькая круглая изящная вазочка с цветами, все букеты состояли только из двух цветов – желтых и белых роз. Фатиме сразу же здесь понравилось. Надеюсь, кухня здесь хороша так же, как интерьер, подумала она, вспоминая слова бизнесмена и его болтливой жены.

Она оглядела зал, и настроение ее резко испортилось, все столики были заняты, ни одного свободного. Видимо, под вечер всем захотелось есть, зал был полон людей, а официанты сновали туда-сюда, как броуновское движение. Она еще раз осмотрела зал и с растущей злостью снова не нашла ни одного свободного столика. Вот дерьмо, злилась она, теперь придется ехать в город, а это опять время! Я так с голоду помру! В этот момент к ней подошел администратор, аккуратный мужчина 40 лет и спросил, чем может помочь.

– Выгоните кого-нибудь из-за столика, – на полном серьезе ответила она, – этим вы мне очень поможете.

– Прошу прощения? – удивленно и растерянно заморгал он.

– Да так, ничего, – ответила она, немного смягчаясь, – просто злость голодного человека.

– Если позволите, я посмотрю, может, скоро какой-нибудь столик освободится.

– Буду вам очень благодарна.

Администратор исчез в глубине зала, а Фатима осталась ждать, разглядывая людей за ближайшими столиками от скуки. Она даже не осознавала, что ищет глазами своего недавнего собеседника. Она так увлеклась, что даже не заметила появления администратора.

– Очень сожалею, – начал тот, – но ближайший столик будет свободен не раньше, чем через полчаса.

– Полчаса?! – она в ужасе закатила глаза, – да я упаду в голодный обморок, если не поем через 10 минут, а вы мне говорите через полчаса!

– Мне, правда, очень жаль, – проговорил мужчина, – у нас по вечерам всегда людно, не только гости, но и люди из города, понимаете...

– Может, дама подсядет ко мне? – раздался неожиданно голос у нее за спиной, – я не против такой компании, тем более, что народу действительно очень много.

Она резко обернулась на звук голоса и не без удивления увидела прямо перед собой того, кого искала взглядом. Он улыбался и спокойно смотрел ей в глаза.

– О, – вырвалось у нее от неожиданности, она заморгала и тут же выпалила, – дама не против. Вы спасли меня от голодного обморока.

– Вот и отлично, – он взял ее за локоть, почти не касаясь пальцами, – прошу за мой столик.

Администратор просто засиял от счастья, а Фатима только хлопала глазами, послушно следуя за черноволосым красавцем, в голове у нее снова стоял густой туман. Я схожу с ума, подумала она, когда незнакомец отодвинул стул и помог ей присесть, а сам сел напротив. Едва он устроился, как его огромные голубые глаза уставились на нее, опять вызывая головокружение и чувство, что ее гипнотизируют.

– Спасибо, – поблагодарила она его, – я действительно проголодалась. Вы меня очень выручили.

– Не за что, – махнул он рукой, и улыбнулся своей мальчишеской улыбкой, – это вам спасибо, дважды за вечер оказаться в такой компании большая редкость.

– Наверное, вы везунчик, – улыбнулась она.

– Видимо да, – серьезно ответил парень, – когда я вошел, семья как раз уходила, поэтому столик достался мне.

Фатима секунду смотрела на него, а потом рассмеялась. Ну вот, все начинается сначала, подумала она, но все мысли таяли, как только она смотрела в эти огромные глаза и видела эту очаровательную улыбку. Незнакомец тоже смеялся вместе с ней, а потом сказал:

– Я понял, о чем вы, просто пошутил. А если без шуток, то я увидел вас и почувствовал вину, потому что занял столик, вот и решил не заставлять вас куда-то ехать и терять время. – Он отвернулся, разглядывая зал, а потом снова поднял на нее свои ясные глаза и сказал, – Я, правда, рад, что мы опять оказались вместе. Надеюсь, вы тоже.

Фатима лишь вежливо улыбнулась и принялась изучать меню, которое вдруг показалось ей написанным на китайском – она не понимала ничего из того, что читала. Зря я подседа к нему, злилась она на себя, он, наверное, колдун или экстрасенс, совершенно не могу думать в его присутствии! Подошел официант и спросил, что она будет заказывать, и Фатима снова уткнулась в меню, поскольку так и не смогла ничего выбрать.

– Советую рыбу, – помог ее новый знакомый, – а на первое можно грибной суп с шампиньонами.

– Вы как будто знаете мой вкус! – удивилась она, лихорадочно ища глазами названные блюда, сколько она ни пялила глаза в меню, так и не увидела их, пока ей не сказали, что такие блюда имеются. – Я буду то, что назвал молодой человек, – сказала она официанту, – а на десерт – тирамису и зеленый чай.

– Однако, аппетит у вас что надо, – улыбнулся парень, как только официант удалился, – не обижайтесь, я вовсе не смеюсь над вами. Просто вы опять меня очень удивили – девушки с хорошим аппетитом и стройной фигурой встречаются еще реже, чем девушки с умом и хорошей фигурой. А вы просто уникальны! В вас есть абсолютно все.

– Вы меня явно переоцениваете, – сухо сказала Фатима, она не любила комплименты, потому что в глубине души считала их всегда неискренними, ведь мужчинам всегда надо от женщины только одно – секс, а какие у нее мозги или фигура – дело второстепенное. Вообще-то, в обществе полагали, что чем меньше у женщины мозгов, тем лучше, легче напеть ей вот такой вот бред и поскорее уложить в постель. Только я не из таких самочек, думала она, со мной, милый, такие номера не проходят.

О, кто-то похоже приходит в себя, удивился внутренний голос, да здравствуют лживые мужские комплименты! Осторожно, ангел, ты ступил на очень зыбкую почву, подумала

Фатима, глядя на своего нового знакомого, еще одни неверный шаг – и ты потеряешь все свое очарование. Может, это и к лучшему.

Черноволосый красавчик не стал спорить, а только пожал плечами, как бы говоря: может быть, и она почувствовала, как он возвращает потерянные позиции. Либо он умен, как дьявол, либо просто везунчик, решила она, когда парень молча принялся за свой суп, прекращая осыпать ее комплиментами. А по-моему, он просто читает твои мысли, снова заговорил внутренний голос, либо давно следит за тобой. Берегись.

Они так и сидели молча, пока официант не принес ее заказ, и она не начала осторожно есть горячий суп.

– Мы так и будем есть вместе, за одним столом, даже не зная имени друг друга? – неожиданно спросил он, – как-то не хорошо, неприлично, что ли.

– Диана. – Она протянула руку, и он пожал ее не сильно, но твердо. А он мне нравится, мелькнула мысль, и Фатима снова испугалась, поймав себя на том, что ждет его улыбку, она думала, что обидела его, и это вдруг стало ее мучить.

– Ян. – Он снова вернулся к еде, и Фатиме ничего не оставалось, как последовать его примеру. Они снова ели в напряженном молчании, хотя, возможно, напряжена была только она – Ян спокойно ел свой суп, не выказывая никаких признаков того, что за его столом есть еще кто-то.

Наконец Фатима не выдержала, чего раньше с ней никогда не случалось.

– Извините, если обидела вас, – проговорила она, – у меня ужасный характер.

– Всегда есть подвох, – согласился он, – у одних подвохи снаружи, ну там, кривые ноги или плохая фигура, у других – внутри. Не увидишь, пока не натолкнешься. – Он поднял на нее глаза, в которых не было и тени прежней веселости и беззаботности. Сейчас они были холодными, как воды Северного Ледовитого океана, – Теперь мне не придется гадать, какой подвох прячется в вас. Видите, во всем есть своя прелесть.

Фатима молчала. Впервые в жизни она вдруг почувствовала себя неполноценной уродливой, и то, что ее уродство было не физическим, а душевным доставляло ей еще больше боли и стыда. Если ты родился с кривыми ногами – это вина природы, а не твоя, с этим можно смириться, но если уродлив твой характер – вина только твоя и ничья больше.

– А как же насчет вас? – внезапно разозлилась она, она знала, что чувство вины легче всего заглушить злостью на кого-то. – Судя по всему, у вас подвох тоже имеется.

– Спасибо за комплимент, – усмехнулся Ян, – вижу, вы оценили мою внешность, но я не любитель лести. А насчет подвоха, да, он есть, как и у всех. Но раз природа сочла нужным его скрыть, значит там ему и место, вытаскивать его на свет я не собираюсь.

Они снова замолчали, погрузившись в еду. Фатима сидела как на иголках, почти забытое уже чувство обиды и разочарования, от того, что все пошло не так, просто раздирали ее на части. К тому же, к ним прибавилось гораздо более сильное и совершенно новое чувство – неуверенность в себе. Он доводит меня, думала она, тыкает меня носом в мои же минусы. Может, убить его? Она могла, но от этой мысли чувствовала себя еще более оплеванной, ведь его смерть не поможет ей вернуть равновесие. С ужасом она осознала, что не успокоится, пока не вернет расположение этого молодого мужчины с удивительными голубыми глазами. Я чокнулась, обречено подумала она, теперь всему конец.

– И вы мне поверили? – опять совершенно неожиданно заговорил Ян, – ну насчет того, что не раскрою свой подвох? Уже раскрыл, а вы не заметили. – Фатима удивленно уставилась на него, она не знала, что этот странный мужчина испытывал впервые в жизни те же самые чувства. Да он полный псих, подумала она с нарастающей радостью, которая была сейчас совсем неуместна, но ведь он начал разговор первым, значит, они наладят отношения! И Бог мой, он улыбается! – Мой подвох – неспособность поддерживать контакт с людьми, проще говоря, у нас с вами одни подвох – характер.

Фатима больше не в силах сдерживать улыбку, облегченно улыбнулась и кивнула.

– Тогда почему бы нам ни перейти на «ты»? – спросила она, – раз у нас так много общего: целый подвох.

– Напрасно иронизируешь, – улыбнулся Ян, – это не так уж мало. К тому же, у нас намного больше общего, чем мы догадываемся, я в этом уверен. Так что поддерживаю.

Дальше беседа снова потекла весело и непринужденно, Фатима опять смеялась и забывала обо всем. Даже о страхе и осторожности. В этот вечер для нее не существовало ничего, кроме огромных голубых глаз и белоснежной мальчишеской улыбки. Впервые в жизни она не хотела, чтобы время шло вперед, ведь она понимала, что ужин закончится, и они навсегда разойдутся, а ей никогда еще не было так хорошо. Она никогда не была счастлива по-настоящему, и поняла это только сейчас, когда попробовала первую маленькую порцию того, ради чего люди проживают жизнь и совершают самые безумные поступки.

Они говорили обо всем и ни о чем конкретно, узнавая друг друга по намекам и шуткам, по взглядам и жестам и действительно находили все больше и больше точек соприкосновения. Но как бы мило они ни улыбались друг другу, с какой бы теплотой ни смотрели, каждый из них чувствовал невидимый барьер, не подпускающий никого слишком близко. Ян чувствовал, что она держит дистанцию и восхищался ею все больше, Фатима старалась пробиться сквозь его защиту и не могла, и это привлекало ее еще сильнее. Они играли друг с другом, сами не подозревая, что это не игра.

– Знаешь, я бы точно решил, что это – судьба, – с улыбкой сказал Ян, когда они пили уже по третьей чашке чая, обоим не хотелось уходить и оба понимали, что продолжения не будет, поэтому и старались потянуть время.

– Так почему не решишь? – спросила Фатима, ей уже стало грустно, она чувствовала, что вечер подходит к концу, и она больше не увидит Яна. Она чувствовала это, хотя не понимала, почему так уверена. Хотя за себя могла сказать точно: осторожность не позволит ей принять его приглашение, а профессия убивает – ха, ха, какая ирония! – все ее время.

– Я не верю в судьбу. – Просто сказал он, – я верю только в человека. Мы сами создаем свою судьбу. – Она удивленно подняла брови, – да-да, вот, например, взять наше знакомство. Я мог и не подойти к тебе и не пригласить за свой столик – всё, события пошли по другому руслу. Ты едешь в город, а я ужинаю и ухожу. Или взять тебя, ты ведь могла и отказаться и поехать в город. Но ты согласилась, и мы сами выбрали свою судьбу.

– Ты думаешь, я – твоя судьба? – тихо спросила Фатима, с некоторой долей вызова в голосе.

– Да, – серьезно кивнул Ян, – и этот суп – моя судьба, и чай и все, что было сегодня – моя судьба. Не надо относиться к этому так масштабно, всё, что окружает меня – всё это моя судьба на этот миг. А дальше – то, что я выберу сам.

– Интересная теория, – заметила Фатима, склоняясь над чашкой. Вот опять, подумала она, его подвох так и рвется наружу. – Только я вот убедилась, что судьба есть. Например, существует такое явление как «не судьба» – что человек ни делает, ничего не получается, хоть тресни. А бывает, человек даже не думает о чем-то, а оно все равно его находит, как он ни отбрыкивается, как ни старается убежать. Это моя теория.

Ян помолчал, а потом заключил, пожав плечами:

– А может, мы оба правы? Может просто у каждого человека свое устройство мира, потому что каждый из нас живет в своем мире, где все такое же индивидуальное и неповторимое, как и сама душа каждого человека?

– Возможно, ты и прав, – задумчиво сказала Фатима, с каждой секундой он поражал ее все больше, и с каждой секундой она все яснее чувствовала как теряет его. – Не будем спорить, этот спор не имеет смысла. Давай поговорим о другом.

Он снова улыбнулся своей очаровательной улыбкой школьного шалопая:

– О погоде? Знаешь, я где-то прочитал, что когда людям не о чем говорить, они говорят о погоде. Честно сказать, никогда этого не понимал. Если людям не о чем говорить, тогда зачем им вообще разговаривать? Глупо, правда?

Фатима, смеясь, согласилась, уверенная в том, что сейчас он встанет и уйдет, но этого не произошло. Он продолжал болтать, направляя разговор снова в легкое и непринужденное русло. Она все ждала, когда же он спросит, что она делает в Москве, любой бы спросил, но Ян так и не задал ей ни одного вопроса касательно ее жизни. Он не спросил, чем она занимается, кто ее родители, есть ли жених и т.д. и т.п. И это тоже удивило и порадовало ее, поэтому она тоже ни разу не зада ему ни одного вопроса о нем, хотя ей очень хотелось узнать побольше об этом необычном человеке с глубокими глазами и совершенно мальчишеской улыбкой.

Когда стрелка на часах в холле подошла к 11, и сидеть дольше было просто неприлично, Ян неожиданно – она поняла, что спонтанность весьма существенная часть его характера – встал и совершенно без вопросительных интонаций произнес:

– В тебя уже тоже больше не лезет чай, как и в меня. Пошли.

– Куда? – удивилась Фатима, однако встала из-за стола.

– Хочу тебе кое-что подарить.

Сигнал тревоги заработал в ее голове с неожиданной силой, она враз напряглась, с глаз наконец-то упала пелена, а мышцы стали наливаясь силой. Хочешь поиграть, подумала она, снова из домашней кошечки превращаясь в хищницу, что ж, давай поиграем.

– Мне? С какой стати? Мы ведь всего три часа знакомы.

– Не три, а три с половиной, – серьезно поправил он, осторожно беря ее за руку. – Это существенно меняет дело.

– Ах, ну если так... – она развела руками, как бы говоря, что понимает.

– Только так, – опять совершенно серьезно сказал он, но в глаза плясали чертики, – ты еще не знаешь, что я всегда дарю людям подарки после трех с половиной часов знакомства. Это мое правило, понимаешь, не три, а только три с половиной. Вот если бы мы попрощались после трех часов и 29 минут, я бы сказа тебе «до свидания» и спокойно пошел к себе в номер. А теперь, извини, не могу.

Фатима снова рассмеялась, даже не смотря на мобилизованное состояние. Умеет он разрушать оборону, мелькнула мысль, интересно, он хоть сам об этом знает? Они вышли из ресторана под руку, и впервые в жизни, ей приятно было идти с мужчиной, ей хотелось, чтобы на них смотрели, чтобы все видели, что она с ним. Он оплатил счет, и она весело подумала, что если вдруг останется без средств к существованию, уж с голоду точно не умрет. По крайней мере, пока красота и шарм при ней. Весело смеясь, они прошли через холл к лифтам.

– Куда ты меня ведешь? – нетерпеливо спрашивала она, но Ян молчал, как партизан, только улыбаясь и загадочно глядя на нее.

Ситуация нравилась ей все меньше, инстинкты уже не просто кричали в ее голове, нет они вопили, требуя, чтобы она свернула этому «Казанове» шею где-нибудь в тихом месте или выпустила кишки, но сначала узнала, на кого он работает, чтобы послать потом его хозяину какую-нибудь часть тела в подарок.

Однако она шла, успокаивая себя тем, что в любой момент сможет отправить его на тот свет, она просто еще понаблюдает и посмотрит, а вдруг она ошибается, и он простой человек? Что тогда? Не строй из себя святошу, холодно произнес голос в ее голове, ты столько раз убивала случайных людей и ни разу не морочила себе голову такими мыслями, так что не делай мозги! Да, убивала, но они для меня ничего не значили, возразила она, они ведь были просто баранами из стада, а он – личность. А это уже убийство себе подобного, на это всегда сложно пойти.

О-о, протянул голос, так ты нашла свою вторую половинку? Поздравляю, можешь распрощаться со своей блистательной карьерой и получить абонемент в клуб «Мыльных опер»,

он же «Клуб домохозяек, толстых задниц, сопливых детей и разбитых жизней». Ты сама идешь к тому, от чего шарахалась всю жизнь. Может, будет даже лучше, если он убьет тебя, это хотя бы избавит тебя от позора. Дура. Перед этим аргументом она не смогла устоять.

– Слушай, я не люблю сюрпризы, – неожиданно резко сказала она, – и не принимаю подарки от незнакомцев, так что, либо ты скажешь, куда мы едем, либо я иду к себе.

– Боишься, что я – маньяк? – он поднял руки, – обыщи меня. Ну, не стесняйся, а вдруг у меня пистолет или нож под рубашкой?

– Ты псих. – Со злостью сказала Фатима, меньше всего она хотела такого завершения вечера.

– Нет, это ты не в себе, – холодно сказал он, – не у меня обнаружилась мания преследования.

Она промолчала. Они были в лифте вдвоем, и он ехал просто ужасающе медленно.

– Хорошо, я знаю выход, – сказал Ян после недолгого молчания. – Для таких, как ты, тоже находят решения.

И он нажал кнопку «стоп», а потом сразу же кнопку с цифрой 1. То, что он сделал это так быстро, спасло ему жизнь, хотя он об этом даже не догадывался. Замешкайся он хоть на секунду, Фатима без раздумий бросилась бы на него и прикончила, прежде чем он успел бы оправдаться. Она была как натянутая струна. Через несколько секунд лифт остановился, так как успел доехать только до 3-го этажа, двери поползли в разные стороны, и перед ними снова был холл.

– Пошли, – Ян взял ее за руку и вывел из лифта, – сейчас успокоим твой расшатанный разум.

– Почему ты разговариваешь со мной в таком тоне? – резко спросила Фатима, он не просто злил, он уже бесил ее, чего тоже раньше не случалось. – Я тебе не уличная девка...

– А я и не дарю уличным девкам подарки, – перебил он, – ну вот, пришли.

Фатима заметила, что они оказались прямо перед стойкой администратора, и один оставшийся в ночную смену молодой человек удивленно смотрел на них.

– Могу я помочь? – удивленно спросил он, переводя взгляд то на Фатиму со сверкающими от злости глазами, то на Яна, с явным трудом держащего себя в руках.

– Да, вы и не представляете, как поможете мне, – объявил Ян, – у вас ведь есть телефон, так? – администратор кивнул, – так вот, если эта дама, – он отошел в сторону, давая возможность парню рассмотреть и запомнить Фатиму, – не вернется сюда через 15 минут, звоните в полицию. Значит, я ее убил.

– Прекрати этот цирк, – тихо отчеканила Фатима.

– Цирк еще впереди, – улыбнулся ледяной улыбкой Ян, – в каком ты номере? Можешь шепнуть ему на ушко, чтобы я не подслушал. – Фатима медленно подошла и назвала номер люкса, – Так вот, эта дама сейчас уйдет со мной, я из 4010, можете проверить, он сунул администратору свою регистрационную карту, – и если она не вернется и лично не скажет вам, что с ней все в порядке, можете звонить ментам.

– Довольна? – он повернулся к Фатиме, сверкая своими голубыми глазами. – Теперь можем идти?

Он снова потащил ее к лифтам, а она, изумленная, шла за ним. Ну дает, думала она, да он, и правда, не в себе! Внезапная злость исчезла, как будто ее и не было, и, заходя в лифт, Фатима уже еле сдерживала улыбку. Теперь он явно ничего не сможет сделать, либо он действительно полный псих, решила она. Но псих или нет, он нравился ей все больше и больше.

– Зачем ты это сделал? – спросила она, пока лифт медленно полз вверх, – неужели твое правило так важно, что ты готов терпеть даже такие выходки? Так зачем?

– Не знаю, – с растерянной улыбкой ответил Ян, – поверь мне, я, правда, не знаю.

Отлично, подумала Фатима, просто великолепная компания – киллерша и беглый пациент дурдома. Что все-таки ему надо? А может, плюнуть на все и поцеловать его, мелькнула в голове шальная мысль, ведь мне нечего терять, через пять дней я уеду, и мы уже никогда не увидимся. Так может, хоть раз в жизни попробовать то, о чем так любят сплетничать так называемые «нормальные люди»? Пока она думала, лифт дополз до 40 этажа и остановился со знакомым уже мелодичным звоном.

– Мы к тебе? – немного разочарованно спросила она.

– Нет. Не задавай лишних вопросов, а то сюрприз не получится.

Молча, они вышли в светло-зеленый коридор, и Фатиме показалось, что они попали в сказочное подводное царство – все было выполнено в зеленовато-голубой гамме, а светильники имели форму ракушек. Оригинально, подумала она, гостиница «Славянская» нравилась ей все больше. Ян уверенно зашагал по зеленому ковру в противоположную от своего номера сторону, и Фатиме ничего не оставалось, как последовать за ним. В противоположном конце коридора они остановились перед неприметной узкой дверью, покрашенной в тот же зеленый цвет, что и стены, отчего она была практически незаметной. Она хотела уже спросить, что там находится и зачем он ведет ее туда, но вовремя спохватилась – он ведь просил не задавать вопросов. Ее опасения уже почти прошли, но в голове все еще тихо звучал сигнал тревоги, по привычке она была напряжена и собрана, как пантера, готовая к прыжку. Наверняка дверь заперта, решила она, что же за ней?

– А я думала, мы, все же, не к тебе, – пошутила она.

– А, ты проницательней, чем кажешься, – парировал он, – так и знал, что не стоит врать насчет люкса, только чтобы произвести впечатление. Вот теперь всё и раскрылось, не все же такие гении как ты. – Он усмехнулся, – зато теперь я спокойно могу убить тебя и убежать, ведь все думают, что я в 4010.

Он недолго возился с дверью, которая действительно оказалась запета, к полному изумлению Фатимы, он легко открыл ее с помощью взятой у нее шпильки.

– Просто потерял, наверное, ключ, – с притворной досадой сообщил Ян, когда она протянула ему вытащенную из волос шпильку.

– Видимо, ты часто теряешь ключи, – заметила она, когда через несколько секунд раздался щелчок и дверь открылась.

– Видимо, тупость блондинок сильно преувеличивают, – с улыбкой ответил он в тон ей, – прежде чем пригласить тебя, могу я попросить тебя закрыть глаза и ни о чем не спорить?

– Ну, у тебя всего 15 минут, а потом здесь будет весь личный состав полиции.

Она закрыла глаза, впервые в жизни доверяясь совершенно незнакомому человеку, и она хорошо осознавала это. Господи, я сошла с ума, подумала она в сотый раз за этот вечер, но то, что вело ее, было сильнее чувства опасности или профессиональной недоверчивости. Это тоже был инстинкт, причем более сильный, чем тот, который руководил ею обычно. С закрытыми глазами ее чувства обострились до предела, она начала чувствовать то, что раньше оставалось вне зоны сознательного восприятия, ей казалось, что она чувствует едва уловимые флюиды, исходящие от ее спутника, она буквально слышала биение его сердца, ощущала его пульс.

– Осторожно, – произнес его голос прямо ей в ухо, отчего по всему телу пошли мурашки, – я тут очень давно не убирал, а горничные такие клоповники не обслуживают.

Она улыбнулась, не открывая глаз, и почувствовала, как его руки осторожно обнимают ее и медленно ведут куда-то вперед. В комнате было темно, это она поняла даже с закрытыми глазами, на полу валялся какой-то хлам, потому что Ян то и дело вилял из стороны в сторону, обходя невидимые препятствия и обводя ее. Через несколько шагов он таки наткнулся на что-то, потому что послышался грохот и по полу что-то покатилося.

– Дерьмо, – выругался он, но тут же спохватился, – извини, не хотел, просто это чертово ведро прямо посреди комнаты.

– А-а, так ты уборщик? – смеясь, спросила она.

– С тобой бесполезно играть в игры, – печально заключил Ян, – ты не потомок Ванги?

Она покачала головой, и они оба рассмеялись. Смех – залог хорошей дружбы, вдруг вспомнила она одно из любимых изречений своей матери. К чему я это вспомнила, удивлялась Фатима, пока Ян старательно избегал столкновений с ведрами и щетками – это действительно была подсобка уборщиц, причем, порядком не блистала. Что ж, как всегда, сапожник без сапог, думал Ян, однако, эти мысли тут же были вытеснены куда более приятными, например, сводящим с ума запахом духов его новой знакомой, которую он нежно сжимал в объятиях.

Комната была маленькой и имела квадратную форму, прямо напротив двери было большое окно и дверь на маленький балкон, единственный на всем этаже. Если смотреть с улицы, можно было увидеть, как эти маленькие балкончики, расположенные один над другим, тянутся от первого к 50-му этажу, так как все подсобки располагались друг над другом на всех этажах. Но с улицы было не видно, что это не простые балконы, их решетчатое ограждение имело маленькие калиточки, тщательно запираемые после окончания рабочего дня. С помощью этих калиточек мойщики окон забирались в свои корзины, висящие на железных тросах, которые были закреплены где-то на крыше. Так как вся гостиница была сделана из стекла и бетона, номера имели огромные панорамные окна, а с улицы здание вовсе казалось полностью стеклянным, поэтому приходилось каждый день намывать эти стеклянные стены, ведь заведение такого уровня не могло позволить себе пыльные разводы или засохшие капли дождя на окнах. С помощью этих необычных балконов мойщикам было удобно загружать и выгружать свои щетки, ведра и прочие принадлежности для уборки на каждом этаже. На каждой корзине имелись специальные крепления, надежно соединяющие корзину с балконом, чтобы мойщик случайно не шагнул в пустоту, если корзина оттолкнется от здания во время посадки. Когда приходилось мыть дальние окна, специальный человек на крыше перетаскивал тросы и мойщик перемещался к окнам в другом конце. Калитка в балконе открывалась внутрь, а дверца корзины – наружу, поэтому при посадке двери никому не мешали. Все в этом роскошном здании было продуманно до мелочей.

– Осторожно, – предупредил Ян, обходя еще одно невидимое препятствие, судя по звуку, это была швабра, отлетевшая к стене после пинка.

– Слушай, я тут ноги переломаю, – смеясь, возмутилась девушка

– Не переломаешь, ты же со мной, – успокоил ее Ян, – к тому же, надо иметь хрустальные кости, чтобы сломать их о швабру или пустое пластиковое ведро.

– А откуда ты знаешь, что это не так? Я очень хрупкая! – кокетливо заявила Фатима.

– Не сомневаюсь, но вряд ли твои родители были хрустальными статуэтками, – засмеялся молодой человек, – ты выглядишь очень даже живой и настоящей.

Они подошли к окну и остановились. Ян попробовал дверь и совсем не удивился, обнаружив, что она тоже заперта. Ну ничего, такие проблемы он умел решать.

– Не открывай глаза, – повторил он, – мне надо еще кое-что сделать.

– Опять потерял ключи? – с издевкой спросила Фатима.

– Что-то вроде того. Не везет с ключами и все тут.

Он снова воспользовался ее шпилькой, и она услышала скрежет металла и его тихое бормотание – он ругался шепотом на неподатливый замок. Она снова улыбнулась и почувствовала себя во сне, в ее реальной жизни такого просто не могло быть. Ей даже не хотелось открыть глаза, хотя в другой ситуации она обязательно подсмотрела бы уже десять раз. В другой ситуации ты не стала бы вообще закрывать глаза и идти неизвестно куда с первым встречным, холодно заключил голос в ее голове, и ей ничего не оставалось, как согласиться, такой ситуации просто не могло быть.

– Готово! – радостно сообщил голос Яна, и он снова взял ее за руку, – осторожно, иди медленно.

Послышался скрип открывающейся двери, а потом на нее повеяло холодным сырým воздухом, в котором сквозь вонь выхлопных газов едва чувствовался аромат первых цветов и молодых трав.

– Решил сбросить меня с балкона? – с улыбкой спросила она, хотя мысль на самом деле вовсе не казалась смешной.

– Да. Осторожно, высокий порог.

Она опять рассмеялась, как трогательно: заботиться о том, чтобы она не упала, идя к балкону, а потом взять и сбросить ее с этого балкона. А они на 40-вом этаже. Не знаю, что ты нашла такого смешного, раздраженно произнес голос прежней Фатимы в ее голове. И правда, ведь не смешно, подумала она и опять улыбнулась, да у меня же просто эйфория!

Она осторожно перешагнула порог и оказалась на балконе. Калитка в ограде, к счастью Яна, была заперта только на задвижку, видимо, администрация думала, что кого-то может остановить невысокая ограда балкона, тем более, что остальные двери были заперты. С противным скрежетом он сдвинул защелку и помог Фатиме пройти в корзину, висющую за балконом. Перед этим он тщательно проверил, хорошо ли закреплена корзина, шагнул в нее сам и только потом помог Фатиме пробраться к нему.

– Я уже полностью потеряла ориентацию, – сообщила она, когда Ян помогла ей перебираться в корзину. Холодный ветер, на такой высоте превращающийся просто в ледяной ураган продувал ее тонкое вязаное платье и безжалостно трепал волосы. Надеюсь, парик не улетит, подумала Фатима и снова начала смеяться, представляя себе эту картину. – Слушай, мне холодно, ты бы хоть сказал, чтобы я взяла куртку.

– Тогда бы сюрприза не получилось, – возразил он, – мы всего на пару минут.

Она, наконец, взобралась в корзину и теперь стояла с закрытыми глазами, ежась на ледяном ветру.

– Не знаю, может, ты меня убьешь, когда откроешь глаза, – проговорил Ян, – но мне идея показалась хорошей.

– Еще немного и я уже не смогу тебя убить, потому что сама умру от холода. Так можно открывать?

– Да, – выдохнул он.

Фатима тут же распахнула глаза и онемела. Она стояла в корзине на умопомрачительной высоте, вокруг была только чернота неба и завывания ветра, а где-то внизу, у ее ног миллионами самоцветов рассыпались огни города.

– Ах, – ошеломленно проговорила она, – О-о...

Она подняла голову и увидела, что на небе сквозь тучи проглядывает полная луна, огромная и почти белая. Ветер с неистовой силой гнал по небу облака, подсвеченные лунным светом, и Фатиме вдруг показалось, что она летит вместе с ним к луне, летит над городом, как часть ветра, часть ночи. С балкона такого эффекта добиться было невозможно, но здесь, стоя над чернотой, обдуваемая со всех сторон ледяным ветром, она, и правда, потеряла чувство реальности.

– Нравится? – спокойно спросил Ян.

– У меня нет слов, – выдохнула она, не в силах оторвать взгляд от ночного неба и огоньков внизу. Она даже перестала чувствовать холод. – Я никогда не видела ничего красивее.

– Это мой подарок, – сказа Ян, нежно обнимая ее и глядя куда-то в черноту, – я дарю тебе это полнолуние и эти бриллианты, – он указал на огоньки внизу, – они у твоих ног, видишь? Я дарю тебе эту сказку для взрослых. Это и есть мой подарок.

– Мы как будто летим! – восхищенно проговорила она, разводя руки в стороны, ветер немилосердно трепал ее платье и волосы.

Как она прекрасна, подумал молодой человек, как будто ночная эльфа с развевающимися в полете волосами. Ему вдруг нестерпимо захотелось ее поцеловать, хотя одновременно эта

мысль казалась ему кощунственной – таких прекрасных, волшебных созданий не смеют целовать простые смертные, как он.

– Ну, что скажешь? – спросил он, восхищенно глядя на красоту ночи и на ее прекрасное лицо.

– Мне нечего сказать. У меня просто нет слов...

– А если людям нечего сказать, – он плавно повернул ее к себе лицом, – тогда зачем им разговаривать?

– Незачем, – прошептал она, глядя ему в глаза своими блестящими черными глазами, и они поцеловались.

4

Было уже 3 часа ночи, а она все никак не могла заставить себя уснуть. Завтра трудный день, надо работать, спи, убеждала она себя, но кровь просто бурлила в венах, а перед глазами стояла картина ночного неба и подсвеченных полной луной облаков, которые ветер гнал с востока на запад. Но больше всего ей мешали спать слишком свежие и горячие воспоминания о его поцелуе на этом пронизывающем ветру, они как будто целовались в полете, зависнув высоко над землей среди облаков и звезд.

Это мой первый поцелуй, думала она, хотя в техническом смысле этот поцелуй был далеко не первым. Просто она раньше никогда не вкладывала в это действие никакой нежности, в ее прежних поцелуях не было ничего романтического или красивого, не было чувств. Не было души. И вот теперь, на 26-ом году жизни она, наконец, поверила, что все стихи, песни и книги, где воспевалась романтика, не просто треп истеричных графоманов, а нечто такое же реальное, как ветер, который трепал ее платье и волосы.

Что со мной случилось, удивлялась и одновременно пугалась она, как я теперь буду работать? Что станет с моей жизнью? Эти мысли терзали и злили ее, и она вскакивала с кровати – которую еще даже не разобрала и на которой лежала все еще в одежде и обуви – с твердым намерением выбросить эту ерунду из головы и не превращаться в одну из тех глупых слезливых самочек, которых всегда презирала.

Все, думала она, резко садясь на кровати, хватит позориться. Ну, подумаешь, поцеловалась с парнем, тебе что, 13 лет? Может, теперь будешь писать ему длинные страстные письма или пойдешь к гадалке? Прекрати, ты же не сопливая девчонка, ты лучший киллер! Сейчас же возьми себя в руки, прекрати вздыхать и охать, как героиня мыльной оперы, и ложись спать, завтра много работы.

Да, соглашалась она, хватит изображать Джульетту, пора возвращаться в реальный мир. Но стоило ей повернуть голову и посмотреть в окно, за которым висела серебряная луна, как воспоминания вновь накатывали на нее с новой силой. Его глаза, его губы, его гибкая сильная фигура, скрытая черной шелковой рубашкой. Его волосы, такие длинные и такие шелковистые. Она буквально видела, как ветер играет ими, как лунный свет заполняет его большие глаза, она помнила тепло его тела, такое уютное и родное на ледяном ветру, когда он прижимал ее к себе. Она помнила все, и сильно подозревала, что будет помнить еще очень долго. С улыбкой она снова падала на кровать, возвращаясь в те волшебные минуты опять и опять.

Что же теперь будет, спрашивала она сама себя, но ответа все не было. Как ей себя вести, если они столкнутся завтра в холле или ресторане? Как поведет себя он? Вопросов была целая тысяча, а ответов – ни одного, ведь расстались они фактически ни на чем, 15 минут прошли, и она поспешила вниз, доложить администратору, что с ней все в порядке. Ян не провожал ее, улыбаясь он просто стоял возле лифта, а когда двери закрылись, наверное, пошел к себе, потому что больше она его не видела.

Странный он, думала Фатима, вспоминая его загадочную прощальную улыбку, он ведь даже ничего не сказал, ну там, «до свидания» или «встретимся завтра». А то ведь ничего, они расстались в полном молчании, а она не решалась первой нарушить его. Может, он просто так развлекается, с неожиданной для себя самой злостью подумала Фатима, может, он так каждый день цепляет девок. Ага, и вместо того, чтобы трахнуть их в своем люксе ведет на балкон уборщиков и целует под полной луной, иронично спросил голос в ее голове, детка, да он настоящий извращенец! Ладно, допустим, он так не делает, но что тогда произошло между ними? И почему он не сказал ей ни слова, а только молча проводил до лифта и пошел в свой номер? Опять вопросы, а ответов все нет.

– Ну все, хватит! – резко сказала она, в очередной раз садясь на кровати.

Какая к черту разница, что он сказал или не сказал?! В очаровании момента она забылась, а теперь вот должна прийти в себя и подумать о том, что такое поведение – худшее, что она может для себя сделать. Размечталась тут: поцелуй, свидания, может, еще и замуж захочется? Кем бы он ни был, и что бы между ними ни произошло, все это останется в прошлом, потому что ее жизнь не похожа на мыльную оперу и в ней совершенно нет места никому. Каким бы красивым и интересным этот кто-то ни был, и что бы она к нему ни чувствовала. Она не для того столько лет выживала и горбатилась, чтобы в один прекрасный вечер какой-то эксцентричный красавчик вскружил ей голову, и она все бросила. Тем более, что она даже не знает, ради чего может всего лишиться, ведь он не клялся ей в вечной любви и ничего не обещал, ведь они знакомы всего несколько часов, а при расставании он даже не сказал ей «до свидания».

Да, с ним она впервые почувствовала «что-то», какое-то новое шевеление в душе, но это не значит, что она, как сопливая девчонка, размякнет и потеряет все, к чему шла с таким трудом. Любовь – если это она, в чем Фатима еще никак не могла быть уверена – самая опасная ловушка для таких подобных ей людей, это Фатима хорошо понимала, поэтому она твердо решила не поддаваться, ведь она была сильным человеком и привыкла все держать под контролем.

Это пройдет, решила она, вставая с кровати и направляясь в ванную с шелковой пижамой в одной руке и расческой в другой, надо только подавить это неприятное новое чувство, и оно само пойдет на убыль, вот увидишь. Любовь – наркотик, это она прочитала в какой-то книге в дни своей юности, а лучший способ вылечить наркомана – не потакать ему. Поэтому она без жалости затолкает свое новое увлечение в самые отдаленные и глубокие уголки души и будет жить дальше, наслаждаясь тем, что имеет и стремиться к новым горизонтам. А Ян? Ян останется приятным воспоминанием, еще одним жизненным уроком или искушением, которое она смогла преодолеть. Надо затоптать этот подлый маленький росток зарождающейся любви, потому что если пожалеть его сейчас, он вырастет в большое и сильное дерево, способное крушить стены и ломать скалы своими сильными корнями. Так что действовать надо сейчас, пока в ее сердце взошел только малюсенький и нежный побег.

– Ну что ж, – прошептала Фатима, снимая парик перед зеркалом в ванной, – я привыкла быть безжалостной, по-другому в этом деле никак.

Но не к себе, прошептал голос в ее голове, и она замотала ею из стороны в сторону, чтобы отогнать эти мысли. Она и не ожидала, что этот маленький расточек настолько коварный и изворотливый, его даже в таком слабом виде очень сложно уничтожить, а что же будет потом, когда он окрепнет и вырастет? Об этом она не хотела даже думать.

– И к себе тоже, – жестко сказала Фатима, глядя прямо в глаза своему отражению, – я безжалостна ко всем. Для своего же блага.

Стоя под горячими струями душа, она твердо решила, что не позволит себе распускать сопли и давать слабину, поэтому, даже если завтра она столкнется с Яном в ресторане или еще где-нибудь, она поздоровается, вежливо улыбнется и пройдет мимо. И никаких томных взглядов или вздохов. А если он захочет с ней поговорить или пригласит ее куда-нибудь, она откажется и объяснит ему, что один поцелуй – всего лишь минутная слабость двух взрослых людей, ни к чему не обязывающая и ничего не обещающая. Она оттолкнет его, потому что так будет лучше для них обоих. Ему это может стоить жизни, а ей карьеры... да и жизни тоже, ведь она не в офисе работает.

Веди себя так, будто ничего не было, убеждала она себя, покажи ему коготки, поцарапай, если надо, и больше он к тебе не подойдет. Теперь, когда решение было принято, и она, наконец, взяла себя в руки, Фатима снова почувствовала себя самой собой, прежней Фатимой, которая не знает сантиментов, не знает пощады, не знает любви.

Ложась в постель, она уже планировала завтрашний день и раздумывала, как лучше подбаться к своему будущему помощнику – главному менеджеру. Для начала надо получше изу-

чить его рабочий день, а потом и его жизнь в целом, но надо торопиться, ведь на все у нее осталось только 5 дней, на дворе уже 22 апреля.

Она уже почти погрузилась в сон, когда в ее голове вдруг неожиданно вспыхнула мысль: Ян ведь даже не знает, что я не блондинка, жаль, что он не видел моих настоящих волос. А может, брюнеткой я бы ему не понравилась?

Она даже не успела возмутиться, потому что это была ее последняя мысль, а через секунду она уже плыла, медленно покачиваясь на волнах реки сновидений. А когда взошло солнце и его первые лучи осветили спящую девушку, одиноко свернувшуюся клубочком на большой кровати, с разметававшимися по подушкам черными локонами, она улыбалась, целуя черноволосого красавца снова и снова. В мире сновидений запретов не было, там она была свободна и могла делать то, что в реальном мире строго себе запрещала. Она знала, что это сон, и радовалась, что хотя бы здесь может позволить себе вещи, совершенно недоступные в ее настоящей жизни. Например, не только целовать его, но и запустить пальцы в его блестящие шелковые волосы, такие же черные как у нее.

Она еще не знала, что повторяет судьбу матери. Она еще не знала, что это любовь.

Молодой человек, которого звали вовсе не Ян, медленно вошел в свой номер и побрел к дивану в гостиной, даже не включая свет. А зачем, он итак прекрасно знал расположение вещей, как-никак, успел выучить за две недели. В столице он бывал часто и почти всегда селился здесь, ему нравился комфорт и он считал, что вполне заслуживает самого лучшего на этом свете. Он всегда недоумевал, почему люди никогда не могут найти ответы на самые главные вопросы, например, что такое счастье? Никто не мог дать ему однозначный ответ, тогда как он давно решил, что счастье – это комфорт. Вот так легко и просто, а люди вечно все усложняют и путают сами себя. А разве он не прав со своей короткой формулировкой самого главного состояния? Когда тебе удобно там, где ты сейчас, удобно с тем, с кем ты сейчас, удобно делать то, что ты делаешь сейчас – значит, ты счастлив. Вот так, все гениальное просто.

Конечно, он не считал себя гением, но, все же, ценил свои умственные способности гораздо выше, чем мозги окружающих его людей. И вовсе не безосновательно – у него не было богатых родителей или богатой жены, все что он имел он заработал сам, своими мозгами, и если в 28 лет он может позволить себе платить больше тысячи евро в сутки за двухкомнатный люкс на 40-вом этаже, это ли не повод уважать его ум?

Молодой человек прошел к дивану и плюхнулся на него, на губах играла тонкая улыбка, и в темноте нельзя было разобрать насмешливая она или мечтательная. Он думал о девушке с прекрасными белокурыми волосами и большими черными глазами. Она... черт, впервые в жизни у него не было слов.

Он всегда был донжуаном и никогда не отличался постоянством – сегодня одна, завтра другая. Его рекорд по продолжительности отношений равнялся двум месяцам, да и то, он тогда просто разленился и засиделся на одном месте. Он был красавчиком, это он знал с самого детства, женский пол уже тогда был к нему неравнодушен – сначала мамыны подруги и бабушки на улицах трепали его по щекам и восхищались его голубыми глазами, потом их сменили одноклассницы и соседки. Даже тогда, когда большинство парней сильно пострадали от переходного возраста, его внешность оставалась ангельской – никаких прыщей, никакой смены черт лица, оно оставалось все таким же красивым и правильным, только более мужественным. Он замечал, что люди красивые всегда встречаются крайне редко, например, если ребенок был хорошеньким в детстве, то в юности терял свою прелесть и становился так себе, а бывало наоборот – в детстве гадкий утенок, а потом раз – и прекрасный лебедь. Бывало, что и детство и юность человек был серой мышкой, а после 30 вдруг расцветал, как по мановению волшебной палочки. Бывали люди, которые становились красивыми с годами, некоторых даже украшала старость, а вот он был особенным, он был красивым всегда.

Его мама часто повторяла, что его принесли ангелы, и он верил, тем более, что отражение в зеркале всегда служило убедительным доказательством. Он, и правда, был как будто отмечен небесами, ему было дано все: и не тускнеющая красота, и отменное здоровье, и острый неординарный ум. Иногда, когда его сверстники часами ломали голову над какой-нибудь трудной задачей на алгебре или физике, он решал ее за пару минут, удивляясь при этом, как же они не видят, что решение очень простое, даже элементарное. Сначала он удивлялся, но с годами привык считать себя выше и лучше окружающих, тем более что так оно и было.

Может, я и правда ангел, думал он, глядя, как юношеские угри портят лица признанных красавцев и красавиц школы, как они часами думают над элементарными на его взгляд заданиями, как зимой всегда болеют, не пропуская ни одной эпидемии гриппа. Они казались ему простыми и понятными, как герои мультиков, на которых дети смотрят с восторгом и интересом, а взрослый со скукой и легким пренебрежением. Он видел их насквозь, он знал их так, как будто мог читать их мысли. Поэтому ему было бесконечно скучно с ними, он искал чего-то большего, чем разговоры про спортзалы и секс и жаркие дебаты в курилке по поводу «почему все девчонки стервы» и «чего хотят девушки от парней». С девушками ему было еще скучнее, они постоянно трещали о косметике, вещах и мелких интригах, которые, на его взгляд, и яйца выеденного не стоили, а они напряженно думали над ними и гордились собой.

Ему было скучно со сверстниками, и он потянулся к людям постарше, но там его ждало еще одно разочарование – он открыл, что с возрастом люди ничуть не меняются, только становятся гнилее и завистливее, но у них это называется «приобретением жизненного опыта» или «житейской мудрости». Его неприятно поразил тот факт, что человек, в 15 лет думающий только о шмотках или спортзалах, и в 20 и в 30 продолжает жить тем же, только интерес немного трансформируется и углубляется.

Были, конечно, и умники, но они тоже не смогли долго удерживать его интерес, так как в большинстве своем были такими же скучными, только в отличие от остальных они вообще отгораживались от мира, признавая только одну его грань.

К 18 годам парень, которого звали вовсе не Ян, понял, в чем же основная проблема людей – они все могут жить только в одной плоскости, могут воспринимать только одну грань мира. Может это из-за примитивности их устройства, думал он, наблюдая, как четко люди поделили грани мира и живут в них, не выходя за рамки и даже не подозревая, что жизнь – многогранна и разнообразна, и если ты находишься в одной какой-то плоскости, то спокойно можешь перейти в другую, а потом в третью и так до бесконечности. Например, если человек вбирал – или за него выбирали – плоскость знаний, то он только в ней и жил, закрывая себя для других областей жизни. Умник никогда не ходил по вечеринкам, никогда не следил за модой, никогда не занимался спортом, он жил только среди книг, игнорируя все остальное. А вот тусовщики, как их называли, наоборот, всегда были модно одеты, всегда в центре событий, но, как правило, с громко свистящим ветром в голове, который мог заглушить только грохот музыки на обожаемых ими вечеринках.

Таких примеров было множество, как и граней мира, и он начал понимать, почему эти грани справедливо называют плоскостями. Лучшего слова нельзя и подобрать, удивлялся он, ведь их жизни действительно плоские, тогда как жизнь вокруг объемна и прекрасна. И именно потому, что большинство людей не могут занимать сразу несколько граней, они и судят о человеке только по одному признаку: если ты спортсмен – то непременно должен быть тупым, так все думают, так должно быть и так на самом деле часто бывает. Если ты красотка – обязательно должна быть глупой и стервозной и обожать сплетни и показ мод. А если ты отличник – ты отсталый от жизни скучный сухарь без чувства юмора и мышц.

Да, так и жило общество, но иногда попадались люди, настолько высокоорганизованные по сравнению с этим стадом, что легко занимали сразу несколько плоскостей, легко переходя из одной в другую. Таких людей не любят, потому что не понимают, так как всегда по своему

обыкновенно и в силу своей ограниченности судят о них по одной доступной им грани. И такие люди как правило загадка, потому что для одних они – тусовщики, для других – спортсмены, для третьих – интеллектуалы, смотря какую грань кто разглядел. И как только молодой человек, которого на самом деле звали очень редким и необычным именем Матвей, это понял, он принял решение жить в одиночестве. По крайней мере, пока не найдет себе подобных. Окружающие люди сначала просто были скучными для него, но по мере того, как он становился старше, они стали раздражать его все больше и больше, видимо, потому что он выросл и менялся, а они – нет. Он всегда был непонятен своим ровесникам и приятелям постарше, все считали его немного странным, но вполне нормальным для редкого общения, поэтому никто особо не удивился и не расстроился, когда Матвей исчез из их жизней. По большому счету они этого даже не заметили, ведь люди вроде них живут по принципу «здесь и сейчас», поэтому их и интересует только то, что они видят каждый день. Их интересы легко возникают от ежедневного повторения, как рефлекс у собак Павлова, и так же быстро теряются, стоит раздражителю на короткое время исчезнуть из поля зрения.

Но Матвей был не таким, его интересы формировались и развивались с годами, отличаясь устойчивостью и постоянством. Например, его всегда интересовала электроника, поэтому, закончив школу с золотой медалью – и при этом, не особенно напрягаясь – он тут же поступил в Таганрогский Радиотехнический институт, закончив его за три года, причем с красным дипломом программиста. А дальше... дальше он начал свою карьеру вне закона, сообразив, что по ту его сторону найдет не только достойное применение своим мозгам, но и достойную плату за свой интеллектуальный труд. Так, в 21 год он вышел в большую жизнь с твердым намерением прожить ее достойно, и пока получалось. Очень даже неплохо получалось.

Мозги всегда в цене, а такие развитые как у него – тем более, так что к 25 годам у молодого специалиста было состояние примерно в 15 млн \$, и оно постоянно росло. В эру компьютеров и машин Матвей обрел просто неограниченные возможности, для него не было ничего недоступного, ничего запретного, он брал все, до чего мог дотянуться, соблюдая единственное правило: никогда не воровать у правительства. Он с легкостью проникал в банковские системы и обчищал счета крупных бизнесменов и даже бандитов, он воровал деньги компаний и похищал ценные документы и сведения из различных информационных систем. Например, он мог войти в компьютер какой-нибудь крупной промышленной компании, похитить новейшие разработки и продать их потом конкурентам. На этом он зарабатывал все больше и больше, но он никогда ни за какие деньги не соглашался взламывать систему любой силовой структуры – это значило подписать себе смертный приговор, это он хорошо понимал.

Его мозги работали все так же ясно и четко, даже не смотря на молниеносный и оглушительный успех и легкость, с которой он добывал деньги. Просто он был слишком умен для того, чтобы гордыня или успех вскружили ему голову, звездная болезнь – признак глупости, так он всегда считал, а дураки рано или поздно идут ко дну, даже если случайно взлетели на вершину. Удержаться на высоте гораздо труднее, чем подняться на нее, для этого уже простой удачи мало, нужен еще и ум, причем ясный и острый, иначе дорога одна – вниз. Поэтому он просто не позволял себе мыслей о том, как легка и прекрасна жизнь, когда ты умнее большинства окружающих. Да, он неуловим, но если он хоть на минуту расслабится и позволит себе забыться, его тут же схватят и спровадят туда, где единственное применение для его мозгов – разгадывание кроссвордов в воскресной газете под присмотром охранников. Он хорошо знал, что не единственный в мире гений, и есть люди, способные вычислить и поймать его, одного он никак не мог понять: почему, имея такие умственные способности, эти люди работают за гроши и портят жизнь себе подобным? Для чего они служат стаду безмозглых муляшек, когда могут прекрасно жить за счет них, не напрягаясь и ни в чем себе не отказывая?

Но об этом лучше было спросить его мамашу, она была большая специалистка в вопросах морали и истины, как-никак с 18 лет работала в церкви. Именно она и дала ему такое экзо-

тическое имя, всегда рассказывая всем одну и ту же историю: как у них с его отцом долго не было детей, как она страстно молилась и просила ребенка, и как, наконец, Бог сжалился над ней и послал ей в награду за верную службу сына. «Его ангелы принесли, – часто повторяла она, глядя на своего красавца-малыша, – вот увидите, он вырастет очень необычным человеком». Отец смотрел на ее причуды с пониманием и снисхождением, видимо, он очень любил жену, хотя совсем не понимал – он был военным, поэтому верил только в одну силу, силу оружия. Они были совершенно разными, как день и ночь, но не могли друг без друга, поэтому, когда в один прекрасный день к ним пришел какой-то генерал и сообщил матери, что ее муж героически погиб, испытывая новый самолет, мать Матвея совершенно отгородилась от мира высокой стеной религии. Даже желанный и долгожданный сын не мог пробиться сквозь эту стену, может потому, что не видел в смерти отца ничего героического, а тем более божественного. Ему тогда только исполнилось 12, а в таком возрасте даже Господь Бог представляется просто еще одним старым занудой. Смерть отца его шокировала, но не сильно огорчила, ведь они никогда не были близки, и по большому счету отец всегда был для него чужим дядей в форме, изредка появляющимся дома для того, чтобы спорить с мамой о религии и, выпив пива, учить сына как быть настоящим мужчиной, а не сопляком.

Итак, с 12 лет Матвей фактически рос сам по себе, но отнюдь не страдал от этого. Он никогда не считал себя несчастным или покинутым, он радовался, что в отличие от всех его сверстников, его никто не достает и не мешает жить так, как он хочет – например, не укладывает спать в 10 или 11, не проверяет домашнее задание, не ходит в школу каждую неделю. Он был не таким как все, и одиночество его ничуть не тяготило, наоборот, он был ему только рад.

Может, отчасти, поэтому у него никогда не было постоянной девушки, хотя представительницы прекрасного пола так и вились вокруг него, привлекаемые красивой внешностью и неординарной личностью, скрывающейся за ней. И он не шарахался от них, нет, никогда! Он с радостью знакомился и развлекался с ними, но близко к себе не подпускал и не привязывался, меняя подругу сразу же, как только она начинала ему надоедать. А происходило это быстро, потому что все девушки были одинаковыми и скучными, он видел их насквозь, он знал, что они скажут еще до того, как они открывали рот, он читал их незамысловатые мысли и играл с ними как с куклами, а они только восхищались и недоумевали: как точно он всегда угадывает их желания!

Он никогда не любил и никогда не увлекался девушками, воспринимая их только как красивое дополнение мужчины, что-то вроде красивой спортивной машины или дорогих часов. За свои 28 лет Матвей еще не встречал девушку, способную заинтересовать его, девушку, которую он не смог бы прочитать, как открытую и неинтересную книгу. И вот, похоже, этот момент настал.

Он даже не ожидал, что та красотка, сидящая в холле и явно ждущая, кто же ее снимет, окажется такой увлекающей и необычной. Всё в ней было не так, как в других девушках, которых он встречал: они были кокетливыми – она колючей, они стремились покрепче схватиться за него – она его отталкивала, они были всегда предсказуемыми и понятными – она четко держала дистанцию, а ее глаза таили в себе много тайн, разгадать которые он не мог, как ни старался. Но самое интересное – она оказалась прекрасным собеседником, ничуть не уступающим ему в уме и эрудиции. При этом она не была какой-нибудь пыльной и неухоженной профессоршей, она была красива, как богиня, и от нее прямо струился блеск и шик. Неужели она тоже из тех неординарных людей, которые живут сразу в нескольких измерениях, с восторгом думал Матвей, неужели нашел?

Она представилась Дианой, но он сильно сомневался, что это ее настоящее имя, такие как она – да и он тоже – предпочитают держаться в тени и не выкладывать все первому встречному, именно поэтому он и назвался Яном, под таким именем он остановился в гостинице в этот раз.

Если бы он проверил, кто живет в номере 1010, он бы очень сильно удивился, но он не стал этого делать, потому что даже не подозревал, что может там найти.

Он часто менял имена, но еще чаще менял их другим, это занятие приносило ему немалую часть его дохода. Он был компьютерным богом способным создать любого человека с любой историей и снабдить его необходимыми для этого документами. У него была отличная репутация в криминальном мире, к нему обращались самые яркие и громкие фигуры по ту сторону закона – всем он делал документы, но лиц никогда не видел и сам не светился, таков был его закон. Документы он присылал заказчикам в почти готовом виде, дополняя посылку необходимыми печатями, а уже фото и печати они ставили сами. Так было безопасней для всех, и для него в первую очередь. У него, как и у любого мастера своего дела, был уже круг постоянных клиентов, которым он только высылал полуготовые документы, так как почти все печати у них уже были. Расчет шел по интернету, он называл сумму – заказчик переводил ее на указанный счет. Его никто не обманывал, он тоже работал на совесть, ведь репутация – вещь дорогая и хрупкая, что по ту сторону закона, что по другую. Его клиенты имели имя и берегли его, он поступал так же, постепенно забывая свое настоящее имя, теряя его в потоке фальшивых имен и придуманных личностей. Только его криминальное имя, пожалуй, и напоминало ему о прошлом, где его звали Матвей, а его мать работала в церкви, только оно служило тонкой ниточкой, связывающей его с прошлой жизнью. Никто не знал и даже не догадывался, почему у него такая странная кличка, но это никого особенно и не интересовало, главное, что он делал свое дело, и делал его чертовски хорошо.

И сейчас, сидя на диване и думая о белокурой красавице Диане, Матвей даже не подозревал, что у них намного больше общего, чем они могли предположить. Она заинтересовала его, более того, он впервые почувствовал, что не хочет просто переспать с ней и забыть на следующий день, он хотел большего. Он хотел говорить с ней, хотел узнать о ней все: что она любит, чего не любит, как развлекается, чем живет, что думает. Он хотел ее душу даже больше, чем тело, и это пугало его, ведь такое с ним было впервые. Он хотел знать о ней все, но, в то же время, не задал ей ни единого вопроса о ее жизни, понимая, что она все равно не ответит. Его догадки подтвердил тот факт, что и она ни о чем его не спросила: ни откуда он, ни чем занимается, кто его родители, есть ли девушка и т.д. Обычно все куколки сразу забрасывали его подобными вопросами, он отвечал, но всегда неправду, поэтому и не видел смысла в расспросах – уж лучше помолчать и сэкономить время, чем попросту трепать языком. Хотя, он понимал, почему они всегда говорят об одном и том же, просто больше было не о чем. А сегодня он весь вечер проговорил с прекрасной девушкой, и ни разу они не коснулись темы «кто откуда». Настораживает правда?

– Еще как настораживает, – прошептал Матвей, переходя с дивана на кресло напротив огромного окна, – все в этой красоте настораживает. Может, тем она и интересна?

Он сел в кресло и невидящими глазами уставился в черноту за окном, в которой то тут, то там горели маленькие разноцветные огоньки. Как россыпь драгоценных камней, подумал он, снова вспоминая о Диане. Он подарил бы ей все камни этого мира, все шелка и меха, но чувствовал, что это ей совсем не нужно, она не из тех, кто продается, ей плевать на все его миллионы, она будет презирать его за его подарки. Таких, как она, надо приручать и завоевывать, а для этого нужно гораздо больше, чем солидный счет в банке или дорогая машина. Она опасна и независима, это он почувствовал с первых минут знакомства, ей никто не нужен, она одиночка. Такая же, как он.

И если бы не этот ужин в ресторане, он бы просто поговорил с ней в холле и забыл, ведь он привык к красивым девушкам, и не узнай он ее получше, наверняка бы просто пофлиртовал и прошел мимо. Но чем больше они говорили за ужином, тем сильнее его влекло к ней, тем больше общего они находили друг в друге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.